

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Хачапуридзе Г., действ. чл. АН Груз. ССР — Грузинский народ в битве за Кавказ	3
Мартынов М. — Уральская горнозаводская промышленность в эпоху Петра Великого	12
Кафенгауз Б. — Вопросы историографии эпохи Петра Великого	24
Кандель Е. и Прейс И. — Основоположники марксизма и русские революционные демократы о демократической Польше	43
Манфред А. — Жан Жорес (К тридцатилетию гибели, 1914—1944)	52
Семёнов В., проф. Моск. гос. пед. ин-та — Военная деятельность Кромвеля (1641—1651)	63

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Воронин Н., проф. — «Песня о Щелкане» и Тверское восстание 1327 г.	75
Смирин М. — Старопрусская историография на службе у немецких агрессоров	82

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и обзоры

Кокиев Г., проф. «Материалы по истории осетинского народа». Сборник документов по истории завоевания Осетии русским царизмом. Т. II Пичета В., чл.-корр. АН СССР — «Научные записки». Вейланд О. — Майский И. Перед бурей. Лунин Б. — Шишкин В. Города Узбекистана (Самарканд, Бухара, Ташкент). Дитякин В., проф. — Эрколи М. Италия в войне против гитлеровской Германии	95
--	----

ХРОНИКА

Лебедев Н. — Работа ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1944 году (Ташкент). Иванов Л. — В Институте истории АН СССР. Покровский С., проф. — В секции истории государства и права Института права АН СССР. Антелава И. — О работе кафедры истории Сухумского государственного педагогического института имени Л. П. Берия в период Отечественной войны. Сыромятников Б., проф. — К вопросу об изучении истории права славянских народов	106
С. Г. Дубровский	115

Редакционная коллегия:

Ем. Ярославский,

Б. М. Волин,
И. А. Кудрявцев,
И. И. Минц,
А. М. Панкратова,
С. И. Голнер.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239. Д 3-31-04, Д 3-36-50.

А5315. Изд. № 636. Зак. 1839. Тираж 20 000.

Подписано к печати 14/X 1944 г. 68.000 тип. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ГРУЗИНСКИЙ НАРОД В БИТВЕ ЗА КАВКАЗ

Г. Хачапуридзе,

действ. член Академии наук Грузинской ССР

Летом 1942 г. гитлеровская Германия, воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, сосредоточила основные свои войска на советско-германском фронте и перешла в наступление на Югозападном направлении.

Немецко-фашистским войскам вначале удалось овладеть Крымом, Ростовом, проорваться через Дон к великой русской реке Волге и подойти к Сталинграду. На штурм волжской твердыни — города Сталина — немецко-фашистское командование бросило десятки отборных дивизий, огромное количество артиллерии, танков, самолётов.

Началась великая сталинградская эпопея. Это было одно из самых грандиозных сражений в истории войн. За его исходом с напряжённым вниманием следило всё человечество.

Одновременно с наступлением на Сталинград крупные вражеские силы устремились и на Северный Кавказ. Фашистская пресса цинично доказывала, что Германия имеет историческое право на владение Кавказом и на лишение его народов свободы и независимости. Так, фашистская газета «Deutsche Ukraine Zeitung» от 8 сентября 1942 г. писала: «В апреле 1918 г. генерал Кресс направился с войсками из Константинополя по Чёрному морю в Батум, затем из Тифлиса он послал баварские горные отряды на Военно-грузинскую дорогу, где они держали вахту против большевизма. Когда думаешь, что сегодня в тех местах снова появились немецкие горные войска, чтобы выполнить завещание 1918 г., то следует ясно представлять себе логику мировой истории. Теперь осуществляется победа Германии, отсроченная 25 лет тому назад»¹.

Действуя против войск Северокавказского фронта, противник имел превосходство в танках и авиации. Не щадя жизни своих солдат и офицеров, устилая путь разбитыми танками и машинами, неся огромные потери, противник продвинулся в глубь Северного Кавказа, в августе 1942 г. он с боями вышел к среднему течению Терека в районе города Моздок, к реке Баксан и к северным предгорьям Главного Кавказского хребта. После упорных боёв немецкие оккупанты 11 сентября 1942 г. овладели городом и важным портом на Чёрном море Новороссийск и продолжали рваться дальше, к Геленджикю, Туапсе, Сочи.

¹ Цит. по газете «Заря Востока» № 253 от 24 октября 1942 года.

Наступая на Владикавказ (город Орджоникидзе), угрожая вторжением в Абхазию через Клухорский перевал, беспощадный и злобный враг поставил советские республики Закавказья перед серьёзной угрозой. С наглой самоуверенностью немецкое командование объявило даже день захвата города Баку — 25 сентября 1942 года.

Гитлеровские кровавые хищники хотели посеять вражду и недоверие между народами Закавказья, разорвать великое братское единство с советскими народами и тем самым облегчить себе захват Закавказья.

Трудящимся Закавказья стал известен секретный документ немецко-фашистского командования, так называемая «зелёная папка Геринга», в которой имелась следующая преступная директива: «Противоречия между туземцами (грузины, армяне, татары и др.) и русскими следует использовать в своих интересах»².

Однако коварный враг просчитался и на этот раз. Советская власть, неуклонно осуществляя ленинско-сталинскую национальную политику, давно ликвидировала все основания для национальной розни между народами Закавказья. «Нет такой силы в мире, — пишет Л. П. Берия, — которая могла бы нарушить сталинскую дружбу народов, окрещённую в борьбе за построение социализма».

В самый критический для Закавказья момент, когда необходимо было преградить путь наступающим полчищам немецко-фашистских захватчиков, стабилизировать фронт, обеспечить Красную Армию всем необходимым, Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин направил на Кавказ одного из ближайших своих соратников — Лаврентия Павловича Берия. «Тов. Л. П. Берия, — говорил первый секретарь ЦК КП(б) Грузии К. Н. Чарквиани, — объединил усилия войск Закавказского фронта и местных организаций для обороны Кавказа и железной рукой навёл должный порядок как на фронте, так и в тылу. Благодаря мерам, принятым тов. Берия, были остановлены немцы на Тереке и на перевалах Кавказского хребта. Это обстоятельство дало возможность войскам Закавказского фронта измотать противника и впоследствии организовать большое наступление, в результате которого немцы были отогнаны от подступов Закавказья»³.

² Леонтьев А. «Зелёная папка Геринга», стр. 37. Огиз, 1942.

³ Из выступления на VIII пленуме ЦК КП(б) Грузии в феврале 1943 года.

1 августа 1942 г. в Тбилиси состоялся антифашистский митинг представителей народов Закавказья, которые продемонстрировали перед всей страной несокрушимую дружбу между народами Закавказья, их сплочённость, единство и решимость вместе со всеми народами СССР, во главе с великим русским народом, бороться до полного разгрома врага и освобождения советской земли от фашистской нечисти.

Народы Закавказья дали торжественную клятву великому вождю и полководцу народов СССР товарищу Сталину: «Мы клянёмся Вам, товарищ Сталин, стойко и мужественно, вместе с великим русским народом — старшим нашим братом, — вместе со всеми народами нашей родины биться с немецко-фашистскими разбойниками до тех пор, пока полностью не раздавим фашистскую гадину. Мы клянёмся Вам, дорогой товарищ Сталин, с честью выполнить все Ваши указания и приказы, направленные на разгром немецких захватчиков. Мы приносим Вам, товарищ Сталин, нашему учителю и воспитателю, торжественную присягу, что ещё выше поднимем славное боевое знамя великой сталинской дружбы народов, будем с каждым днём усиливать помощь фронту, самоотверженно трудиться, защищать до последней капли крови каждую пядь нашей земли»¹.

Оборона подступов к Закавказью была возложена на войска образовавшегося в начале сентября 1942 г. Закавказского фронта. В состав Военного совета фронта входили: командующий Закавказским фронтом генерал армии И. В. Тюленев, члены Государственного комитета обороны: Л. П. Берия, Л. М. Каганович, первый секретарь ЦК КП(б) Грузии К. Н. Чарквиани, первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана М. Д. Багиров, первый секретарь ЦК КП(б) Армении Г. А. Арутюнов, генерал-майор П. И. Ефимов, заместитель председателя Совнаркома Грузинской ССР А. Н. Саджая.

Перед войсками Закавказского фронта и его командованием была поставлена важнейшая задача — остановить дальнейшее продвижение врага, искусно изматывать, обескровливать и истреблять его. В дальнейшем, накопив достаточные силы, войска Закавказского фронта должны были перейти в наступление и нанести противнику решительный удар.

Закавказский фронт имел огромное протяжение — от Каспийского моря по Тереку и далее через перевалы Главного Кавказского хребта по Черноморскому побережью.

Срочно были приняты меры для быстрой переброски войск и занятия ими заранее намеченных оборонительных рубежей. Поскольку связь Закавказья с центрами Советского Союза была затруднена, на республики Закавказья была в основном возложена задача — обеспечить фронт боеприпасами, вооружением, продовольствием

и обмундированием. До войны Грузия не производила вооружения и боеприпасов. И вот заводы и фабрики республики в кратчайший срок, по указанию товарища Сталина, освоили производство предметов вооружения. На предприятиях Грузии стали производить десятки тысяч автоматов, тысячи миномётов разных калибров, сотни тысяч мин, гранат и другие боеприпасы.

В письме командирам и бойцам Закавказского фронта от коллектива Н-ского военного завода Грузинской ССР говорилось о производстве оружия, о знатных людях завода, выполняющих нормы больше чем на тысячу процентов, о том, что предприятие во всесоюзном социалистическом соревновании завоевало второе место. Письмо заканчивалось словами: «Дорогие товарищи! Об одном просим вас: не жалейте для врагов снарядов и пуль, до конца используйте молучую технику, которую куёт для вас советский народ. Перед вами мы в долгу не останемся, дадим вам столько, сколько требуется от нас для нужд фронта»².

Исключительно большую роль в обслуживании нужд фронта стало играть сельское хозяйство Закавказья. «После того, как летом и осенью прошлого года военные действия принесли вплотную к нашим границам, — говорил председатель Совнаркома Грузинской ССР В. М. Бакрадзе, — основная тяжесть снабжения Закавказского фронта легла на сельское хозяйство Закавказских республик и в значительной своей части на сельское хозяйство Грузии. Колхозы Грузии хорошо справились с весьма серьёзной задачей удовлетворения потребностей Закавказского фронта, без которого было бы невозможно успешное наступление закавказских войск»³.

В дни серьёзных испытаний трудящиеся Закавказья, спаянные нерушимой сталинской дружбой, проявляли глубочайшую любовь и преданность советской родине, партии Ленина — Сталина, они отдавали все свои силы в помощь фронту, в помощь доблестной Красной Армии.

По решению ЦК КП(б) Грузии в начале августа 1942 г. в важнейшие районы Закавказского фронта (Абхазия, Северная и Южная Осетия, Верхняя и Нижняя Сванетия, Мамисонский перевал и т. д.) были направлены специальные уполномоченные, которым было поручено организовать на местах помощь войсковым частям, срочно приступить к строительству оборонительных сооружений на подступах к Закавказью. Уполномоченные должны были мобилизовать местное население на эти работы, укреплять местные партийные и советские органы, регулярно давать информацию ЦК КП(б) Грузии и т. д.

Рабочие и колхозники, проявляя высокий советский патриотизм, с огромным подъёмом работали на строительстве оборонительных

² Газета «Боец РККА» № 281 от 14 декабря 1942 года.

³ Из выступления на VIII пленуме ЦК КП(б) Грузии в феврале 1943 года

¹ «Антифашистский митинг представителей народов Закавказья», стр. 10—11. Тбилиси, 1942.

сооружений. Так, к оборонительным работам на перевалах Главного Кавказского хребта в помощь инженерно-войсковым частям были привлечены рабочие-горняки дорожного управления, рабочие молибденовых разработок и других отраслей горнодобывающей промышленности Грузинской ССР.

На строительство оборонительных сооружений, противотанковых рвов и заграждений выходили рабочие и колхозники Абхазии, Сванстии, Кахетии, Душетского, Казбекского, Рачинского, Лечхумского и других, более отдалённых от фронта районов.

Колхозники Онского района за 15 дней заготовили в районе Шожи до 200 вагонов лесоматериалов, необходимых для строительства оборонительных сооружений. Колхозники выходили на работы со своим тяглом, инструментами и продовольствием. Они работали днём и ночью, не считаясь ни с какими трудностями, и к сроку не только выполнили, но и намного перевыполнили задание.

Серьёзной задачей являлось обеспечение частей армии, действовавших в горных условиях, боеприпасами, снаряжением и продовольствием. Грузинские колхозники в исключительно трудных зимних условиях доставляли грузы на фронт не только на лошадях и ослах, но зачастую и на своих плечах.

Частям Красной Армии, действовавшим в горных условиях, необходимо было альпинистское снаряжение: снегоступы, лыжи, деревянные лопаты, каламаны и пр. И в кратчайший срок силами местного населения было налажено производство этого снаряжения.

Партийные и советские организации и местное население помогали Красной Армии топливом, жилыми помещениями, снабжали её мясом, картофелем, мукой из своих запасов.

Части войск НКВД и истребительные батальоны при активном содействии населения задерживали и уничтожали сбрасываемых на нашей территории парашютистов-диверсантов.

Разрушение городов и деревень, убийство детей и стариков, чудовищные зверства, повсеместные грабежи и насилия, чинимые гитлеровскими палачами во временно оккупированных местностях, рождали в советских людях жгучую ненависть к врагу, зажигали сердца огнём священной ненависти.

Жители горных селений Казбекского района, подвергшихся бомбардировке немецкой авиации, видя, как гибли от бомбёжки мирные жители Балты (преимущественно женщины и дети), собравшись на площади, коллективно дали торжественную клятву отомстить немецким убийцам по горским обычаям — кровью и смертью. Аналогичную клятву дало население Ларса у тропов убитых молодой женщины и её ребёнка.

Народы Закавказья претворили в живые дела священную клятву, данную ими товарищу Сталину на антифашистском митинге в августе 1942 года. Грузинские, азербайджанские и армянские дивизии, входившие в состав войск Закавказского фронта, вместе с русскими, украинцами, белоруссами, узбе-

ками и другими народами СССР мужественно и стойко сражались против немецко-фашистских банд и не только не давали им продвигаться вперёд, но вынуждали их очищать уже захваченные территории.

В начале 1942 г. на родине товарища Сталина — в городе Гори — была образована 392-я стрелковая дивизия, укомплектованная бойцами и командирами — грузинами. Окружённая вниманием и заботой партийных и советских организаций Грузии, воспитанная на чувстве любви и преданности социалистической родине и ненависти к немецко-фашистским захватчикам, эта дивизия 10 мая 1942 г. торжественно приняла вручённые ей боевые знамёна и в начале августа по приказу командования Закавказского фронта выступила на Северный Кавказ. Получив приказ остановить продвижение противника в районе Прохладной, дивизия была преисполнена решимости стойко, мужественно, отважно выполнить свой долг перед родиной, высоко держать победоносное знамя Ленина — Сталина. На собраниях, проводившихся на каюне схватки с противником, бойцы, командиры и политработники заявляли: «Если надо будет, ляжем все, но остановим врага. Ни шагу назад! До конца выполним приказ великого полководца товарища Сталина».

22 августа 392-я стрелковая дивизия получила первое боевое крещение. В результате пятидневных ожесточённых боёв дивизия сломала сопротивление врага и овладела населёнными пунктами Правурванский, Советский, Красная Поляна, Владимировка, Новая Ивановка и вышла на рубеж реки Урвань.

В последующие дни дивизия освободила ещё ряд населённых пунктов и вышла на южный берег реки Баксан. За время боёв дивизия освободила 22 населённых пункта и прочно удерживала занятые рубежи. Перегруппировавшись на левом берегу Баксана, противник подтянул подкрепления и предпринял ряд контратак, пытаясь отбросить советские войска в исходное положение. Но все попытки врага не имели успеха.

В ходе боёв с противником ярко проявились любовь наших бойцов, командиров и политработников к своему отечеству, их стойкость и отвага. Капитан Бухайдзе, наблюдая за ходом сражения своего батальона, заметил, что 1-я рота, попав под сильный огонь крупного отряда автоматчиков противника, оказалась прижатой к реке и ей грозит гибель. Бухайдзе стал во главе 3-й роты и пошёл на выручку своей части. Капитан был ранен, но продолжал идти вперёд, воодушевляя своим примером бойцов. Вторая вражеская пуля оборвала жизнь героя, но бойцы 1-й роты были спасены.

Бессмертный подвиг совершил В. А. Канкава. Подразделение, в котором Канкава был политруком, прорвало оборону неприятеля и заняло несколько населённых пунктов. Враг бросил в контратаку десятки танков и значительные силы пехоты. В течение трёх дней подразделение успешно отражало натиск превосходящих сил про-

тивника. В решительный момент сражения, когда враг грозил прорвать нашу оборону, Канкава из противотанкового ружья подбил два танка, а затем ручными гранатами забросал приближавшихся фашистов; уцелевшие обратились в бегство. Политрук Канкава пал смертью героя. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Организованно, умело и бесстрашно действовали артиллеристы подполковника М. С. Гетия. Особенно отличился в его подразделении дивизион, которым командовал капитан А. З. Пирмисашвили. Огнём своих пушек Пирмисашвили подбил 5 фашистских танков, 20 автомашин, 6 миномётных батарей и уничтожил большое количество живой силы противника. В одном ожесточённом сражении, разыгравшемся под Правоурванском, огнём батареи Пирмисашвили был разгромлен дом, в котором помещался немецкий штаб, и убиты командир 23-й немецкой танковой дивизии генерал-майор фон Мак, командир немецкого танкового полка и два штабных офицера. Капитану Пирмисашвили присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

По приказу командования фронта 392-я стрелковая дивизия под командованием полковника Г. И. Купарадзе (ныне генерал-майор), прикрывая левый фланг северной группы войск Закавказского фронта, должна была защищать Чегемское и Баксанское ущелья. После прорыва противника к Налчику дивизия оказалась изолированной и долгое время действовала самостоятельно, не имея связи с остальными частями фронта и не получая помощи и материального снабжения. В этот период части дивизии, находясь в исключительно тяжёлых условиях, отразили все атаки противника, пытаясь гося овладеть Баксанским ущельем.

Подбросив крупные силы, немцы начали 15 октября решительное сражение. Вначале им удалось достигнуть частичного успеха, но части грузинской дивизии, перейдя в контрнаступление, быстро восстановили положение. Противник потерял убитыми и ранеными более тысячи человек.

Немецкое командование решило во что бы то ни стало овладеть Чегемским ущельем. После захвата Налчика противнику ценой больших потерь вначале удалось овладеть населённым пунктом Нижний Чегем. Однако в результате умелого маневрирования и перегруппировки сил грузинская дивизия окружила немцев и полностью их уничтожила.

В боях за Нижний Чегем неуязвимой славой покрыл себя капитан В. С. Лурсманишвили, ныне Герой Советского Союза. Пример бесстрашия и мужества показал пулемётчик Гавашели. Во время жарких боёв за селение Заюково он немало немцев скошил огнём своего пулемёта. Вражеские автоматчики обошли Гавашели с тыла, но взять его живым так им и не удалось. Повернув пулемёт и истребив ещё несколько десятков фашистов, Гавашели сбросил с высоты пулемёт в реку. Он погиб смертью героя.

По решению Военного совета Закавказ-

ского фронта, в начале ноября 1942 г. 392-я стрелковая дивизия была отведена на южные скаты Кавказского хребта через перевал Донгуз — Орун-Баши для соединения с 46-й армией. Высота этого перевала достигает 3798 метров и считается малодоступной даже летом. Тем более в зимних условиях переход через перевал большой массы людей, по мнению местных жителей, был невозможен. В результате рано наступившей зимы перевал был покрыт снегом, толщина которого достигала двух с половиной метров.

Стояли сильные морозы, непрерывно валил снег, поднимались страшные бураны, происходили частые обвалы. Выполняя приказ командования, дивизия совершила этот переход за десять дней. Она перенесла через перевал всё вооружение, боеприпасы, 450 тяжело раненых, более 12 тонн ценнейшего металла для военной промышленности — молибдена из Нижних Баксан, перегнала 28 тыс. крупного и мелкого рогатого скота и т. д.

Во второй половине августа 1942 г. немецкие войска пытались прорваться в Советскую Абхазию через Клухорский и Санчарский перевалы (110 км севернее Сухуми). Сюда устремились крупные силы противника, в состав которых входили егерские горноальпийские части. Против этих сил противника действовала 46-я армия (командующий армией — генерал-лейтенант К. Н. Леселидзе¹, начальник штаба — генерал-майор М. Г. Микеладзе, член Военного совета армии — председатель Совнаркома Грузинской ССР Бакрадзе).

Генерал-лейтенант Леселидзе — выдающийся командир Красной Армии. Участник войны с белофиннами, Леселидзе, командуя артиллерийскими частями, не раз прошил немецко-фашистские войска в Смоленщине и на других участках Западного фронта. Стойкий большевик, воспитанный на традициях сталинской школы военного искусства, Леселидзе в совершенстве владел искусством ведения современной войны. Он особенно прославил свой народ и своё имя в период решающих боёв за Кавказ.

25 августа противник достиг северных склонов перевала Доу, расположенного в 25 км от 2-го участка СухумГЭС и в 55 км от Сухуми, и овладел Санчарским перевалом, хутором Санчаро, высокогорным селением Псху, хуторами Серебряный, Нижняя Батага, Верхняя Батага и Решевой.

Нашим бойцам приходилось вести боевые действия по очищению перевалов в тяжёлых условиях: путь им преграждали отвесные скалы; все тропы и подходы находились под сильным пулемётным и миномётным огнём врага. Но бойцы шаг за шагом отвоёвывали родную землю. Противник цеплялся за каждый рубеж, оказывал упорное сопротивление. При поддержке миномётного и пулемётного огня, ис-

¹ Генерал-полковник К. Н. Леселидзе умер после тяжёлой болезни в Москве 21 февраля 1944 года.

кусно маневрируя, наша пехота небольшими группами скопывала движение противника по всему фронту и в то же время подвижными отрядами обходила узлы его сопротивления на флангах.

Снабжение наших частей боеприпасами и продовольствием осуществлялось при помощи авиации. Ничто не страшило наших отважных лётчиков. Физическая закалка, ловкость и боевая выучка, а главное — любовь к родине помогали сталинским соколам выходить из самых трудных положений и точно выполнять задания командования. Так, лётчик Иванов за 13 дней совершил 75 боевых вылетов в горы, доставляя туда боеприпасы и продукты питания. Отлично работали лётчики Гелашвили, Давтян, Тульский, Сурков, Алдатов. Не отставали от пилотов техники Ростиашвили, Алиев, Микелашвили и др.

«Замечательные образцы храбрости и отваги показал в происходивших боях сын грузинского народа старший сержант комсомолец Захарий Джапаридзе. Прямо с марша вступил он с группой бойцов в бой. Гитлеровцы пытались внести панику в среду наших воинов своим излюбленным приёмом — окружением. Но тов. Джапаридзе приказал: «Ни шагу назад! Будем драться до последнего патрона!» Твёрдость и решительность сержанта Джапаридзе обеспечили успех боя. Лично тов. Джапаридзе огнём своего автомата истребил до 20 гитлеровцев»¹.

Политрук Тетеря и сержант Гониашвили в течение десяти дней находились в окружении. Они были на волосок от смерти. Они голодали, не спали, но выносливость, мужество и стойкость восторжествовали. Тетеря и Гониашвили на десятые сутки пробивались к своим»².

Героический подвиг совершил красноармеец Натрошвили в боях на перевалах. Единственную проходимую горную тропу, по которой продвигалась наша часть, фашистский пулемётчик держал под сильным огнём. Натрошвили подкрался к врагу и своим телом закрыл ствол пулемёта. Уже умирая, собрав последние силы, Натрошвили вцепился в горло ошеломлённого гитлеровца и задушил его.

Пожертвовал своей жизнью и командир батареи Семён Джошвили. Фашисты пробрались к наблюдательному пункту, откуда Джошвили корректировал огонь своей батареи. Когда вражеские солдаты подошли совсем близко к пункту, отважный командир передал по телефону приказ: «Огонь на меня!»

На подступах к одному горному проходу держали оборону 6 воинов-грузин, в том числе братья Михаил и Николай Гулвардашвили. Уничтожив 40 фашистов, все они пали смертью храбрых.

Образцы мужества и отваги показали бойцы орудийного расчёта сержанта Мгалоблишвили. На огневую позицию орудийного расчёта сержанта Мгалоблишвили

двигалось несколько танков. Подпустив их на близкое расстояние, бойцы расчёта открыли огонь. Танки остановились и начали обстреливать расчёт из орудий. В этот момент появился вражеский самолёт. Спикировав, он стал поливать орудие огнём из пулемёта. Снаряды и бомбы сыпались у самого орудия, но расчёт не прекращал стрельбы. Вскоре были ранены наводчик и все бойцы расчёта. У орудия остались лишь Мгалоблишвили и связной красноармеец Каландия. Перенеся раненых в укрытие, они продолжали вести бой. Мгалоблишвили меткими выстрелами уничтожил три вражеских танка, остальные повернули обратно. Рубеж был удержан. Сержант Мгалоблишвили награждён орденом Ленина.

На передний край нашей обороны просочилось более роты фашистских автоматчиков. Бойцы Беришвили, Кадагишвили, Гоглидзе, Ростиашвили и Кеохашвили сосредоточенным огнём отразили три атаки автоматчиков. Видя, что этот рубеж остаётся неприступным, фашисты обошли его с флангов и зашли в тыл нашим бойцам. Без воды и пищи советские воины в течение трёх суток отбивали непрерывные яростные атаки гитлеровцев. Убедившись в бесплодности своих попыток, фашисты отступили, оставив на поле боя 89 трупов своих солдат и офицеров и несколько десятков раненых.

Во второй половине августа 1942 г. была сформирована 242-я горнострелковая дивизия, командиром которой был назначен полковник Г. Г. Курашвили, а комиссаром — майор В. Ониани. Половину личного состава этой дивизии составляли грузины.

Дивизия, включённая в состав армии генерал-лейтенанта Леселидзе, получила боевое задание: оборонять семь больших перевалов: Цанер, Твибери, Местия, Бечо, Донгуз — Орун-Баши, Баса, Хида — и ряд малых. На многих этих перевалах, имевших важное стратегическое значение, уже окопались немцы. В результате тяжёлых боёв дивизия при активном содействии населения Сванетии очистила перевалы от неприятеля и вступила в Баксанское ущелье. 115 офицеров и бойцов 242-й горнострелковой дивизии были награждены орденами и медалями, в том числе майоры Л. Гогатишвили, А. Ахвледиани, Н. Канчавели, старшие лейтенанты С. Васадзе, Г. Шавлохашвили, сержант Легашвили и др.

После середины сентября 1942 г. в результате успешного наступления частей 46-й армии под командованием генерал-лейтенанта Леселидзе неприятель был отброшен от перевалов. Таким образом была устранена угроза вторжения его в пределы Закавказья. Разгромленный враг вынужден был откатываться на север.

В ноябре 1942 г. войска Закавказского фронта, накопив достаточно сил и опыта, начали переходить к операциям по разгрому врага и изгнанию его из пределов Северного Кавказа.

Первый крепкий удар был нанесён немцам в первых числах ноября 1942 г. на подступах к г. Владикавказу. Войска Закавказского фронта одержали в этом рай-

¹ Газета «Герои родины» № 218 от 12 сентября 1942 года.

² Там же.

оне блестящую победу, разгромив так называемую гизельскую группировку немцев. Разгром этой группировки противника войсками Закавказского фронта явился переломным моментом в борьбе за Кавказ.

В развитии последующих успешных операций на Кавказе решающее значение имел сокрушительный удар, нанесённый Красной Армией гитлеровским армиям под Сталинградом. Осуществляя гениальную сталинскую стратегию и тактику, войска Закавказского фронта 24 декабря 1942 г. перешли в общее наступление. Основное сражение разыгралось в долине рек Терек и Ардон. Оборона противника была здесь взломана, и фашистские дивизии под натиском наших войск стали отступать, оставляя один населённый пункт за другим. Немецкое командование безуспешно пыталось остановить наступающие войска Закавказского фронта на рубеже Кума — Залка, чтобы спасти хотя бы часть своей военной техники и зимних запасов.

Разгром в последующие дни семашской группировки противника (гора Семашхо) в районе севернее Туапсе и на перевалах Главного Кавказского хребта определил общее неудержимое наступление войск Закавказского фронта. Гитлеровское командование попыталось задержаться у сильно укрепленного рубежа в районе Минеральных Вод, где были сосредоточены его основные базы. Благодаря искусному и умелому руководству нашего командования, железному упорству и неудержимому натиску частей Красной Армии расчёты противника были опрокинуты.

Войска Закавказского фронта продолжали наступление, очищая шаг за шагом советскую землю, захваченную фашистскими оккупантами. Только за первые 20 дней наступления войска Закавказского фронта продвинулись вперёд на 200—220 километров.

На Северном Кавказе наши войска разгромили 111-ю, 50-ю и 370-ю немецкие пехотные дивизии, 3-ю и 13-ю танковые дивизии и части африканского корпуса. За этот же период было уничтожено 170 танков, 80 орудий разных калибров, захвачено 372 орудия, 314 танков, 422 миномёта, 602 пулемёта, свыше 2 тыс. автомашин, более 1500 железнодорожных вагонов, 35 самолётов, 600 вагонов авиабомб, около 3 млн. патронов, 400 тыс. снарядов и мин, более 70 складов с боеприпасами и продовольствием.

Вслед за жестоким поражением, нанесённым немецко-фашистским войскам под Сталинградом, на Дону, под Ворожеем, в районе Великих Лук, южнее Ладожского озера, войска Закавказского фронта в свою очередь нанесли им решительное поражение и на Северном Кавказе.

Приказ Верховного Главнокомандующего товарища Сталина был выполнен блестяще.

В состав войск Закавказского фронта, принимавших участие в наступательных операциях на Северном Кавказе против немецко-фашистских войск, входила и 414-я стрелковая дивизия, сформированная в марте 1942 г. из бойцов-грузин. Командо-

вание фронта поставило перед 414-й дивизией задачу—прорвать неприятельский фронт восточнее города Моздок, перерезать неприятельские коммуникации, захватить важнейшие командные высоты и вынудить врага оставить железнодорожную станцию и населённый пункт Ищерскую—ключ к городу Моздок. Это боевое задание дивизия выполнила с честью. Прорвав неприятельский фронт протяжением в 28—30 км, форсировав в сложнейших условиях в нескольких местах реку Терек и разгромив значительные силы противника, дивизия 19 декабря 1942 г. заняла Ищерскую.

Преследуемый частями 414-й дивизии, неприятель пытался закрепиться на заранее подготовленных рубежах в районе Томазово. Несмотря на отчаянное сопротивление немцев, 3 января 1943 г. наши войска стремительным ударом овладели Томазовом. Врагу был нанесён огромный урон в живой силе и технике. Наши войска захватили богатые трофеи.

Продолжая наступательные действия, 414-я грузинская стрелковая дивизия подошла к городу Моздок. Во взаимодействии с азербайджанской и армянской дивизиями город был окружён и 3 января 1943 г. взят нашими войсками. В боях за овладение городом Моздок особенно отличился полк под командованием майора Медзмаришвили.

Дивизия с боями прошла по следующему направлению: Прохладная, Пятигорск, Черкасск, Невинномысская, Армавир, Кропоткин, Тихорецк, Степная, Гривенская. Преследовать врага приходилось в трудных условиях, при сильных морозах, снегопаде, зачастую при бездорожье. От Степной до Гривенской дивизия шла через лиманы, болота, камыши. Уже началось снеготаяние, лёд часто не выдерживал тяжести, ломался, и люди проваливались в воду. Бойцам приходилось на себе переносить снаряжение и боеприпасы.

В Гривенской противник сосредоточил крупные силы. Наступление началось 11 февраля, в 9 часов вечера. Бесшумно пройдя через лиман и камыши, наши части приблизились к неприятельским позициям на 200—250 м и ринулись в атаку. Враг был застигнут врасплох. При взятии Гривенской героически погиб командир дивизии полковник Селихов.

Продвигаясь с боями дальше, дивизия освободила ряд населённых пунктов. Особенно ожесточённый бой разгорелся за населённый пункт Калабатка. Здесь фашисты оставили свыше 1 тыс. чел. убитыми и ранеными и большое количество разбитой техники. В этих боях отличились капитаны Кварацхелия и Харатишвили, майор Лория, санинструктор Гурабелидзе, который огнём из трофейного пулемёта истребил много немцев, пулемётчики Китиашвили, Цховребадзе и др. Орденами и медалями были награждены 219 человек.

Летом 1942 г. в городе Гори была сформирована 276-я стрелковая дивизия. В состав этой дивизии входили бойцы многих национальностей Советского Союза и среди них свыше 70 процентов грузин.

27 сентября 1942 г. дивизия выступила в направлении к Владикавказу и заняла оборону Военно-грузинской дороги. 4 ноября она вошла в соприкосновение с противником в районе Лысой горы, под Владикавказом. Здесь были окружены и уничтожены вклинившиеся в нашу оборону две роты немецких автоматчиков. 276-я дивизия участвовала в операциях по освобождению от немецких оккупантов селений Гизель и Н.-Саниба и в разгроме частей 13-й танковой немецкой дивизии под Владикавказом.

27 ноября дивизия был поручен новый участок обороны — на восточном берегу реки Терек, — и она повела наступление на Эльхотово. Умелым комбинированным маневром дивизия выбила противника из Эльхотово и, стремительным маршем преследуя отходящего врага, заняла Плановское, Дейское и ряд других населённых пунктов.

С переходом войск Закавказского фронта в общее наступление 276-я стрелковая дивизия совершила с боями переход по маршруту: Эльхотово, Майское, Баксан, Малка, Золка, Эссентуки, Суворовская, Воронсколеская, Калуженский, Ворошиловск, Изобильное, Ильинская, Терновская, Новопетровская, Крыловская, Кисловодская, Кущёвская, Старощербиновская, Ейск.

Дивизии было поручено создать ударную группу и овладеть районным центром Петровская и населёнными пунктами Беликов и Бабичевский. Несмотря на сложные условия местности, в которых дивизии пришлось вести боевые действия, и трудности снабжения, а также на преимущество противника в танках и авиации она нанесла сокрушительный удар по врагу и вынудила его оставить занимаемые пункты. Этот период боёв изобилует множеством примеров исключительной доблести и массового героизма бойцов, командиров и политработников дивизии.

577 бойцов и офицеров дивизии были награждены орденами и медалями СССР. За стойкость, мужество и самоотверженность сержанту-пулемётчику Н. Гогичайшвили было присвоено звание Героя Советского Союза. Вместе с отцом храбро дрался против фашистских бандитов и его сын Датико — участник героической обороны Севастополя.

Бойцы под командованием сержанта Гогичайшвили ворвались на одну очень важную высоту и установили здесь станковый пулемёт. Немцы во что бы то ни стало хотели вернуть утерянную высоту и уничтожить горстку смельчаков. Против бойцов Гогичайшвили действовали неприятельские самолёты. Кругом рвались мины и артиллерийские снаряды. Несколько бойцов было убито. Но бесстрашный командир решил не уступать занятую позицию. Он отдал приказ стоять до последнего вздоха. Вместе с Гогичайшвили сражались бойцы Беришвили, Кадагишвили, Партладзе. Герой-пулемётчик шесть часов оборонял высоту, он выпустил 15 тыс. патронов и уничтожил до 100 гитлеровцев. С прихо-

дом нашей части враг был окончательно отброшен от высоты.

Летом 1942 г. в городе Махарадзе была сформирована 351-я стрелковая дивизия. В состав дивизии входило до 30 процентов грузин.

Переброшенная на Северный Кавказ 351-я дивизия (командир — генерал-майор Саргацков, полковой комиссар Мусеридзе) преграждала путь противнику в районе Дзуарикау, Ахсарисар, Алагир. В её состав входило несколько альпинистских отрядов, парашютно-десантный отряд во главе с майором Нариманидзе, а также специальное пополнение из грузин-красноармейцев — горнострелковый отряд.

В период оборонительных боёв дивизия активными действиями изматывала и уничтожала противника, нанося ему большие потери в живой силе и технике. В первых числах декабря 1942 г. парашютно-десантный отряд во главе с майором Нариманидзе во время внезапного налёта глубокой ночью на один занятый немцами населённый пункт истребил более 200 фашистов, разгромил полицейский участок и захватил ценные документы.

С переходом войск Закавказского фронта в общее наступление 351-я стрелковая дивизия заняла Алагир и, наступая в северном направлении, овладела населёнными пунктами Сурх-Дигора, Лескен и рядом других. После ожесточённых боёв с противником, оказавшим сильное сопротивление на реке Малка, части дивизии продолжали наступление в западном направлении и во взаимодействии с другими частями Красной Армии овладели населёнными пунктами Малка, Куба, Камлюко, Суворовск, Черкасск, Новопавловский, Сенгилевское и городом Кисловодск. Наиболее значительный успех выпал на долю дивизии под Черкасском: здесь она нанесла огромный урон 2-й румынской пехотной дивизии.

За время наступательных боёв войск Закавказского фронта дивизия прошла с боями около 500 км, нанесла противнику огромный урон и захватила большие трофеи.

Разгромленные и отброшенные с Северного Кавказа, немецко-фашистские захватчики отступили в район нижнего течения Кубани и Таманского полуострова. Противник закрепился на заранее подготовленных оборонительных рубежах, проходивших по удобной для обороны местности. Продвижение наших войск было затруднено наступающей весенней распутицей, отсутствием сети дорог, наличием сложного рельефа местности, многочисленных лиманов, плавней и т. д.

Таманскому плацдарму немецкое командование придавало исключительное значение, так как отсюда обеспечивались оборона Крыма и возможность наступательных действий на Кавказ. Здесь немцы создали мощную оборону, которую они называли «голубой линией». Левым флангом она упиралась в приазовские плавни, а правым — в Чёрное море; глубина её достигала 20 километров.

В течение июня и июля 1943 г. противник перебросил на Таманский полуостров

четыре новые дивизии и не переставал подбрасывать подкрепления.

В боях за очищение кубанской земли от фашистских захватчиков многие офицеры и бойцы — грузины показали образцы воинского мастерства, мужества и отваги. Так например бойцы Урашвили, Туманидзе, Хуцишвили, попавшие в окружение, продолжали бесстрашно сражаться против наседавшего противника, отбили несколько атак и, уничтожив десятки фашистских солдат, вышли из окружения.

При штурме одного населённого пункта пример мужества и отваги показал старший сержант Арчил Дзигуа. Продвижению наших частей мешали две сильно укрепленные точки противника. С возгласом «За родину, за Сталина!» Дзигуа бросился к неприятельским укреплениям и забросал их противотанковыми гранатами. Захватив пулемёт противника, Дзигуа стал расстреливать из него обратившихся в бегство фашистов.

Заслуженной славой пользуется младший лейтенант снайпер Акакий Худжадзе. Участник героической защиты Одессы, Худжадзе командовал взводом разведчиков, на его боевом счету в июле 1943 г. числится до 150 убитых гитлеровцев. Отважный воин, он не раз ходил в тыл врага, доставляя ценные сведения и приводя с собой «языка».

В боях за Кубань прославился мужественный сын грузинского народа лётчик-штурмовик Давид Тавадзе. Он водил эскадрильи штурмовиков ещё в героические дни защиты Сталинграда, осыпая немцев бомбами, расстреливая их из пушек и пулемётов. На Кубани эскадрилья Тавадзе к сентябрю 1943 г. сделала более 300 вылетов. Тысячи немцев, десятки развороченных автомашин, сожжённых танков оставлял враг на поле боя там, где проявлялись лётчики Тавадзе. Сам Тавадзе за 70 боевых вылетов на «Ильюшине» сбил 7 самолётов противника в воздушных боях и 4 уничтожил на земле.

Штурмовик-лейтенант Отар Григорьевич Чечелашвили совершил более ста боевых вылетов. Он уничтожил много автомашин с войсками и военными грузами противника, потопил две немецкие баржи, сбил фашистского асса.

В начале сентября 1943 г. войска Северокавказского фронта в результате ударов с суши, высадки десантов с моря и атак с воздуха овладели городом Новороссийск. В результате многодневных боёв, несмотря на наличие многих преимуществ на стороне противника, Красная Армия завершила разгром таманской группировки противника и 9 октября 1943 г. полностью очистила от немецко-фашистских захватчиков Таманский полуостров.

«С освобождением Новороссийска и Тамани битва за Кавказ победоносно завершена, — писал генерал-лейтенант Леселидзе. — Трудно переоценить значение этого события для всего хода Великой отечественной войны с немецкими захватчиками»¹.

¹ Газета «Боец РККА» № 257 от 26 октября 1943 года.

В боях за освобождение Новороссийска и Таманского полуострова от противника вместе с другими соединениями и частями Красной Армии отличилась 414-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Г. Г. Курашвили. Бойцы и офицеры этой дивизии, целые её подразделения проявили на полях сражений массовый героизм и воинское мастерство. В боях за Новороссийск отличился батальон этой дивизии, которым командовал капитан Ш. Долидзе. Умелым маневром бойцы батальона обошли противнику фланговый удар. На высоте бойцы захватили несколько бетонных дотов и в рукопашной схватке уничтожили сотни вражеских солдат. В уличных боях в Новороссийске отличился сержант Гоцеридзе: он занял со своими бойцами укрепленный немцами многоэтажный дом. В другом месте немцы предприняли одиннадцать контратак против подразделения лейтенанта В. Гудушаури. Отбив все атаки врага, подразделение Гудушаури перешло в наступление и нанесло фашистам решительное поражение.

После овладения Новороссийском 414-я стрелковая дивизия в числе других частей и соединений продолжала гнать врага и 22 сентября подошла к колхозу «Политотдел» — опорному пункту врага, заранее подготовленному им к длительной обороне. Бойцы подполковника К. Манагадзе, не дожидаясь подхода артиллерии, смелым штыковым ударом овладели немецкими траншеями и уничтожили сотни вражеских солдат и офицеров.

Ожесточённый бой разгорелся за станцию Анапская, которую фашисты укрепили минными полями, колючей проволокой, сотнями миномётов и пулемётов. Только небольшой части немцев удалось прорваться и избежать окружения. В этом бою отличились батальоны офицеров Долидзе, Абашидзе, Давитулиани. Высокую боевую доблесть в этом бою проявил младший лейтенант С. Харбедия: он уничтожил гранатами 18 гитлеровцев.

В последующие дни дивизия с боями овладела населённым пунктом Марченко и высотами 225,0, 234,1 и 132,7, представлявшими главную линию немецкой обороны, прикрывавшей Таманский полуостров. Эти высоты немцы превратили в крепость, здесь были сосредоточены все новинки фортификационной техники. В боях за эти высоты особенно отличились рота старшего лейтенанта Джакели, истребительный дивизион капитана Харатишвили, подразделения майоров Е. Кантария и Д. Дарбанели.

Наиболее важной боевой операцией 414-й стрелковой дивизии является овладение горой Гирляной — ключом к Таманскому полуострову. Здесь особенно отличился батальон Кацадзе.

В боях за Таманский полуостров прославили себя и многие другие бойцы и офицеры 414-й стрелковой дивизии. Среди них — командир отделения старший сержант Сулаберидзе. Сулаберидзе вместе с бойцами Цоцонава и Джакели первыми ворвались в дзоты и гранатами уничтожили фашистских

солдат. Комсомолец Георгий Матиашвили в этой схватке заколол штыком пять гитлеровцев. Враг яростно наседал и не давал возможности нашему подразделению продвигаться вперёд; комсомолец-боец Д. Камладзе с возгласом: «Товарищи, вперёд, за мной!» — бросился в атаку. Всё подразделение, как один человек, поднялось в атаку, прорвало вражескую цепь и ворвалось в траншеи немцев. Камладзе уничтожил из автомата 15 гитлеровцев и взорвал гранатами два блиндажа с огневыми точками.

Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина за доблесть и мужество, проявленные в боях за Таманский полуостров, 414-й дивизии присвоено наименование Анапской.

В боях за Кубань и Таманский полуостров отличилась также 242-я горнострелковая дивизия (командир — полковник В. Лисинов), состоявшая главным образом из грузин. Она принимала участие в прорыве «голубой линии» и в окончательном разгроме таманской армии противника. Дивизия уничтожила много вражеских солдат и офицеров и захватила большое количество пленных и всяких трофеев. Приказом Верховного Главнокомандующего этой дивизии присвоено наименование 242-й Таманской горнострелковой дивизии.

Отличившаяся в боях за очищение от немецких захватчиков Таманского полуострова 276-я стрелковая дивизия переименована в 276-ю Темрюкскую стрелковую дивизию. Эта дивизия также состояла преимущественно из офицеров и бойцов — грузин.

В боях за освобождение от немецких захватчиков Новороссийска и Таманского полуострова особенно отличились войска генерал-лейтенанта Леселидзе. За успешное выполнение заданий правительства Леселидзе был награждён орденами Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й степени; ему было присвоено звание генерал-полковника.

В ноябре 1943 г. войска Северокавказского фронта во взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской военной флотилией успешно провели десантную операцию по высадке войск на восточном берегу Керченского полуострова. Среди особо отли-

чившихся при проведении этой операции были и грузины: лейтенант П. Л. Цикаридзе, гвардии красноармеец Н. Д. Берия, красноармеец В. М. Эсебуа. Им присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Битва за Кавказ была выиграна Красной Армией, народами Кавказа. Стратегический план немецко-фашистских захватчиков провалился. В замечательном письме грузин-бойцов к трудящимся Грузии сказано об исторической битве за Кавказ: «Людоед Гитлер хотел растоптать прусским сапогом нашу священную землю, где пели бессмертный Шота Руставели, Николоз Бараташвили, Акакий Церетели, где слышен был горный клич Важа Пшавела, где растил в нас чувство глубокой любви к родине поэт Илья Чавчавадзе, где впервые расправил могучие крылья гений нашего любимого вождя великого Сталина. Но не удалось вероломному врагу осуществить свои замыслы. Подступы к Кавказу стали могилой для многих тысяч гитлеровских разбойников. Армии нашего фронта, сплочённые и организованные тов. Берия, остановили наступление врага, а затем разбили у ворот Кавказа гитлеровские орды»¹.

Президиум Верховного Совета СССР указом от 1 мая 1944 г. для награждения участников героической обороны Кавказа учредил медаль «За оборону Кавказа».

Благодаря Красной Армии народы Закавказья избавились от грозной опасности порабощения немецко-фашистскими разбойниками. «Кто не помнит о том, что советские войска спасли Азербайджан, Грузию и Армению от нашествия германского фашизма?»². И благодарный грузинский народ, самоотверженно трудясь, выполняет свой долг перед родиной, перед героической Красной Армией.

¹ Письмо грузин-бойцов трудящимся Грузии, стр. 9—10. Отдел военного издательства при Закавказском фронте. Тбилиси. 1943.

² Из доклада тов. Молотова в Верховном Совете СССР 1 февраля 1944 года.

УРАЛЬСКАЯ ГОРНОЗАВОДСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ЭПОХУ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

М. Мартынов

В XVII в. на Западе в недрах феодального хозяйства интенсивно развивались капиталистические отношения и непосредственный производитель—крестьянин—отрывался от средств производства, от земли. В передовой западноевропейской стране, Англии, в XVII в. заканчивалась перестройка английской деревни на капиталистический лад и крестьянство как класс исчезало. Капиталистическая мануфактура достигла необычайного расцвета и стояла на пороге превращения в крупную машинную индустрию.

Народное хозяйство России было в это время крайне отсталым. В нём господствовали феодально-крепостнические отношения. Барщина, ранее известная главным образом лишь в старом земледельческом районе — в междуречье Волги и Оки, — получила распространение на поволжских и заокских землях. Крепостной гнёт усилился. Соборное уложение 1649 г. окончательно закрепостило крестьян. Дворяне становились полновластными хозяевами своих земель, переходивших из помещного в вотчинное владение.

Промышленность развивалась крайне слабо. Господствующими формами промышленности были домашняя промышленность, ремесло и крестьянские промыслы. Домашняя промышленность составляла, говорил Ленин, «необходимую принадлежность натурального хозяйства»¹.

Крестьянские промыслы, как и ремесло в более развитой форме, являясь первой стадией капитализма в промышленности, были не в состоянии в условиях XVII в. подняться на высшую ступень и презраться в капиталистическую мануфактуру. Для этого у ремесленника и крестьянина-промышленника не было достаточных материальных средств. Феодально-крепостническая система и стоявшая на страже её царская власть препятствовали накоплению капитала и задерживали процесс образования кадров свободных рабочих.

В XVII в. в России появились крупные промышленные предприятия — заводы. Их было незначительное количество, не больше 20—30. Они также не могли превратиться в подлинно капиталистические мануфактуры. Недостаток в стране свободных рабочих рук заставлял заводчиков применять принудительный труд. Эти мануфактуры были

¹ Ленин. Соч. Т. III, стр. 254.

крепостническими, и Урал в XVII в. не был исключением.

В XVII в. на Урале были широко развиты железные промыслы. Они известны в устье р. Обвы, в верхнем течении р. Нейвы, на р. Железянке, р. Сысерте и в бассейне р. Сылвы².

В сутки крестьяне выплавляли в своих домницах до 5 пуд. металла (крицы), а в год — до 300 пудов.

Ещё в 30-х годах XVII в. казна сделала попытку организовать на Урале в заводском масштабе плавку железных, а несколько позднее и медных руд. С этой целью на р. Нице был построен небольшой казённый железный завод кустарного типа. На р. Камгорке, вблизи Пыскорского монастыря, был построен медный завод с одной плавильней и четырьмя обжигательными печами. Но эти заводы существовали недолго. Первые попытки казны наладить на Урале плавку руды в заводском масштабе окончились неудачей. Вследствие этого огромные богатства Урала лежали нетронутыми. Из векового сна вывела Урал промышленная политика Петра I.

В России в конце XVII в. стал остро вопрос о ликвидации отсталости народного хозяйства. С ростом общественного разделения труда и с разделением страны на два основных экономических района — чернозёмный и нечернозёмный — небольшие местные рынки, существовавшие до этого времени изолированно, стали сливаться, как отметил Ленин, «в один все-российский рынок»³. Внутренний рынок вырос и окреп. Усилилась торговля с заграницей. Вместе с тем значительно увеличилась потребность государства в предметах вооружения.

Крепостное сельское хозяйство, а также хозяйство государственных крестьян, приспособляясь к развивавшимся товарно-денежным отношениям, не только полностью удовлетворяло запросы внутреннего рынка, но часть своей продукции выбрасывало на внешний рынок.

² Дмитриев А. Пермская старина. Т. VII, стр. 77. Пермь. 1897. Дополнение к актам историческим. Т. V, стр. 14. Шишонко В. Пермская летопись. V период. Ч. 1-я, стр. 515. Пермь. 1885. Ч. 3-я, стр. 114 и др.

³ Ленин. Соч. Т. I, стр. 73.

В другом положении находилась промышленность. Домашняя промышленность вообще не работала на рынок. Ремесло и крестьянские промыслы работали лишь на узкие, местные рынки. Крепостные мануфактуры обслуживали главным образом нужды казны и притом выпускали продукцию в небольшом количестве и довольно часто плохого качества. Особенно неудовлетворительно работали железные заводы.

В конце XVII в. в Русском государстве железные заводы находились в двух районах — Тульско-Каширском и Олонецком. В 1670 г. все русские заводы и кустарные домины давали, по данным акад. С. Струмилина, не больше 150 тыс. пуд. металла¹. Эти заводы снабжали казну пушками, а отчасти работали и на вольный рынок. Но продукция этих заводов часто не удовлетворяла казну. Ещё Кильбургер отмечал, что «чугунные пушки, отливавшиеся Марселиусом, без перетяжки обручами лопались»².

Во время Северной войны, в декабре 1702 г., Пётр I писал Никите Демидову, что «московских, тульских и каширских и истринских заводов железа кропки и в пушечных и в колёсных оковах лопались, и тем в промыслах воинских и намерениях удобных артиллерии многое чинилась помеха и остановка». Пушки, изготовлявшиеся московскими мастерами, «оказывались криворотыми, со всякими охулками, худыми и к делу негодными»³. Учитывая плохое качество русского железа, правительство вынуждено было ещё в XVII в. покупать «доброе и мягкое железо» в Швеции.

Пётр I не ставил и не мог ставить перед собой задачу направить развитие страны по капиталистическому пути. Он поставил перед собой более скромную, но, тем не менее, весьма ответственную задачу: в интересах развивающихся товарно-денежных отношений и складывающегося «всероссийского рынка» поднять народное хозяйство и укрепить государство, освободив его от экономической зависимости от Западной Европы. В этих целях Пётр I решил, сохраняя основы существующего строя, европеизировать страну, заимствуя у Западной Европы технику производства и управления. Он открыл широкую дорогу для проникновения в Россию западноевропейского просвещения. Для развития России необходимо было возможно скорее получить свободный доступ к морям, откуда шли удобные пути в Западную Европу. «Ни одна великая нация,— говорил Маркс,— не находилась в таком удалении от всех морей, в каком пребывала вначале империя Петра Великого. Никто не мог себе представить великой нации, ото-

рванной от морского побережья»⁴. За европеизацию Русского государства Пётр взялся под непосредственным влиянием Северной войны.

Учитывая слабость Турции, Пётр Великий предполагал сначала пробиться в Западную Европу через Чёрное море, находившееся в руках Турции. Турция настойчиво отстаивала свои права на Чёрное море, считая его своим внутренним морем. Она, как образно говорил один русский дипломат того времени, берегла его, «как чистую и непорочную девицу», и не допускала мысли, чтобы кто-нибудь лишил её права обладать Чёрным морем. Захватив в 1696 г. Азов, Пётр не в состоянии был продолжать борьбу за Чёрное море. Австрия не разделяла намерений Петра и не поддержала его. Тогда он решил пробиться к берегам Балтийского моря. Война началась в 1700 г.; она остро поставила перед Петром вопрос о создании отечественной промышленности.

Во время войны со Швецией вывоз железа оттуда, естественно, прекратился. В Тульско-Каширском и Олонецком районах в это время стал остро ощущаться недостаток руды и леса.

При таких условиях Пётр вынужден был создать новую базу для развития тяжёлой промышленности и идти на Урал, о богатствах которого давно ходили сказочные слухи. Пётр с большой осторожностью приступал к постройке заводов на Урале. Ещё во время второго Азовского похода, в 1696 г., в Сибирь верхотурскому воеводе Дмитрию Петровичу Протасьеву «с товарищи» был послан указ осмотреть места с «камнем-магнитом». Осмотр дал прекрасные результаты.

Сибирское железо, говорил Никита Антуфьев (Демидов),— «самое доброе, неплоше свицкого, а к оружейному делу лутче свицкого»⁵.

Благоприятные сведения о высоком качестве уральских руд рассеяли сомнения Петра и укрепили его намерения строить железные заводы на Урале. Урал был призван на службу родине. Он должен был превратиться в арсенал, снабжающий армию пушками и снарядами. Он должен был помочь стране разбить врага и вывести её из состояния отсталости. «Когда Пётр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе,— говорил товарищ Сталин,— лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости»⁶.

¹ См. Струмилин С. Чёрная металлургия в России и в СССР, стр. 180. М. и Л. 1936.

² Кильбургер. Сочинение о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, стр. 45. Киев. 1915.

³ Шишонко В. Указ. соч. Ч. 3-я, стр. 32.

⁴ Цит. по «Истории СССР». Т. I, стр. 596. Под ред. проф. В. И. Лебедева, акад. Б. Д. Грекова, чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушина. М. и Л. 1939.

⁵ Шишонко В. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 190.

⁶ И. Сталин. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б), стр. 17. Партиздат. 1937.

Правительство решило немедленно приступить к постройке крупного железного завода на Урале. В грамоте верхотурскому воеводе от 15 июня 1697 г. были изложены глубоко продуманные и чёткие правила, которыми он должен был руководствоваться при выборе места постройки завода. Но эти правила не были им выполнены. Первоначально место для постройки завода было намечено на р. Федковке, притоке р. Нейвы, но вскоре выяснилось, что выбор был сделан неудачно. Завод решено было строить в верховьях р. Нейвы. Невьянский завод был построен в 1701 г.; строительство его обошлось казне в 11 888 рублей¹.

Правительство могло гордиться своим первым горным заводом на Урале. Он давал продукции больше, чем тульско-каширские заводы. Среднесуточная выплавка чугуна на тульско-каширских заводах не превышала 100 пуд.², между тем как одна домна Невьянского завода даже в первое время давала 120 пудов³. Невьянский завод недолго находился в руках казны. Указом 8 марта 1702 г. он был передан тулянину — мастеру оружейного и железного дела Никите Демидову. Вследствие недостатка лесов под Гулой Демидов просил Петра передать ему Невьянский завод, обещая доставлять с него боевые припасы по ценам не выше существующих. Пётр согласился и бесплатно передал Невьянский завод Н. Демидову.

Никита Демидов был искусным оружейным мастером и пользовался особым расположением Петра. «Пётр Великий, — говорил товарищ Сталин, — сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса»⁴. Демидов принадлежал к группе посадских людей — промышленников, — интересы которых были близки Петру I.

Передавая Невьянский завод Н. Демидову, Пётр надеялся, что заводы Демидова лучше, чем казна, будут снабжать армию боевыми припасами и вместе с тем послужат хорошим примером для казённых заводов. И он не ошибся. Демидовский чугун отличался высоким качеством, пушки и снаряды — добротностью. Невьянский завод пользовался долгое время славой лучшего завода на Урале. Он стал образцовой шко-

¹ Де Геннин В. Описание уральских и сибирских заводов 1735 года, стр. 612. М. и Л. 1937.

² Кильбургер. Указ. соч., стр. 45.

³ О производительности Невьянского завода имеются противоречивые данные. Кнаббе определяет суточную продукцию домны в 120 пуд., указ 6 декабря 1702 г. — до 400 пуд., а де Геннин считает, что одна домна завода давала в сутки от 220 до 280 пуд. чугуна (Кнаббе В. Чугунно-литейное дело, стр. 145. СПб. 1900; Шишонко В. Указ. соч. Ч. 3-я, стр. 38; де Геннин В. Указ. соч., стр. 613).

⁴ И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 6. Партиздат. 1937.

лой горного дела на Урале и воспитал десятки опытных мастеров горного дела, содействовавших развитию уральской горнозаводской промышленности. Никита Демидов заботился о том, чтобы в его сыновья хорошо изучали горное дело. Он передал свои знания и опыт своему сыну Акинфию Демидову, впоследствии также немало сделавшему для процветания уральской промышленности.

Передав Невьянский завод Никите Демидову, казна стала строить новые заводы на Урале. В 1701—1703 гг. было построено два каменных завода: один — доменный, другой — молотовый⁵; в 1702—1704 гг. был построен доменный Уктусский завод⁶; в 1704 г. был построен доменный Алапаевский завод⁷.

В эти же годы уфимец Молодой построил Мазуевский железный завод (1704) на речке Мазуевке, в Кунгурском уезде; москвитин Игнатъев—Шувакинский (1704), у озера Шувакинского, в верховьях р. Пышмы⁸. Оба завода были кустарного типа.

В первые годы Северной войны (1701—1704) было построено 7 железных заводов, в том числе 4 доменных, один молотовый и 2 завода кустарного типа. Казна построила все 5 крупных заводов, а частные лица построили всего 2 небольших завода кустарного типа.

После 1704 г. в течение нескольких лет на Урале почти не возникало новых казённых заводов. Основная причина, побудившая казну отказаться от дальнейшего развёртывания отечественной промышленности на Урале, заключалась в том, что «энергичное строительство заводов в разных местах страны до 1705 г., видимо, имело результатом более или менее достаточное удовлетворение нужд государства, для которых в первую очередь строили заводы на Урале»⁹.

⁵ Дата постройки каменных заводов не всегда точно указывается в исторической литературе. По Чулкову, Каменный завод был построен в 1723 г., по Любомирову — в 1700—1701 гг., по Кириллову — в 1700 г.; по данным де Геннина, строительство Нижне-Каменского завода было начато 8 июля 1700 г., а окончено 15 октября 1701 г.; Верхне-Каменский завод был построен в 1703 г. (Чулков М. Историческое начертание российской коммерции. Т. VI. Кн. 2-я, стр. 579. СПб. 1781—1782; Кириллов И. Цветущее состояние всероссийского государства. Кн. 2-я, стр. 61. М. 1831; де Геннин В. Указ. соч., стр. 425—476).

⁶ Де Геннин В. Указ. соч., стр. 447—448.

⁷ Там же, стр. 487.

⁸ Шишонко В. Указ. соч. Ч. 3-я, стр. 305, 643; Любомиров П. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России, стр. 67. Л. 1937.

⁹ Любомиров П. Указ. соч., стр. 70.

Берг-коллегия, учреждённая Петром в 1719 г., в начале своей деятельности заявляла, что железных заводов «везде довольно»¹.

Лишь с 1712 г. на Урале вновь стали строить заводы. В 1712 г. в Кунгурском уезде рудопромышленник Огнёв построил возле Кунгура небольшой медный завод. По описанию, относящемуся к 1717 г., на нём плавил медь ручными мехами. Завод существовал недолго, до 1718 года². В 1716 г. Демидов построил молотовой Шуралинский завод, а в 1718 г. — доменный Тагильский и молотовой Благовещенский заводы³.

Общую производительность уральских доменных заводов для 1718 г. можно определить ориентировочно в 160 тыс. пуд. чугуна.

Международная обстановка в 1719—1720 гг. осложнилась. После неудачных переговоров о мире на Аландских островах Англия открыто стала на сторону разгромленной Петром Швеции. Она опасалась возрастающего могущества России и усиления её влияния на Балтийском море. Англия была склонна заменить ослабленную Швецию в её борьбе с Россией из-за Балтийского моря. «К силе вашего величества, — доносил царский посол в Лондоне Веселовский, — такую зависть (в Англии. — М. М.) питают, что никаких резонов не принимают; опасаются, что ваше величество намерены встать повелителем на Балтийском море»⁴. Англия добилась того, что Дания и Пруссия заключили союз со Швецией. Австрия, Англия и Речь Посполитая заключили оборонительный союз, направленный, по существу, против России. Англия вступила в союз со Швецией. Английский флот дважды, в 1720 и 1721 гг., появлялся в Балтийском море.

С 1718 г. в России началась чеканка медной разменной монеты. Содержание вновь созданной армии требовало огромных средств, а денег не хватало. «Страна, — по словам А. Брейтермана, — испыты-

вала в то время медный голод»⁵. Потребность в меди настолько возросла, что Пётр вновь стал склоняться к мысли перелить колокола для чеканки монеты⁶.

Всё это побудило Петра вновь обратить внимание на Урал, богатый железными и медными рудами. Он снова стал строить здесь казённые заводы, а вместе с тем стремился пробудить частную инициативу, взяв под строгий контроль частные заводы.

С этой целью Пётр упразднил восстановленный незадолго до того Рудокопный приказ и учредил в 1719 г. Берг-коллегию. На основании «Привилегии о рудах и минералах», изданной при учреждении Берг-коллегии, верховным собственником всех заводов было объявлено государство в лице монарха, а заводчиков признавали лишь «содержателями», условными владельцами заводов. «Токмо нам одним, — читаем в «Привилегии», — яко монарху принадлежащие рудокопные заводы и оных употребление каждому и вообще всем... милостиво соизволяем». Заводы были изъяты из вельения воевод. «Власть и мощь» над ними были переданы Берг-коллегии. «Привилегия» предоставляла право каждому свободному человеку как самостоятельно, так и «в товариществе» заниматься добыванием и плавкой руд.

Развивая частную инициативу в области промышленности, Пётр I не побоялся посягнуть на священное право собственности дворян на землю. Он разрешил промышленникам добывать руду «как на собственных, так и на чужих землях». «Привилегия» обещала не отнимать у промышленников заводы и разрешала им передавать заводы по наследству, если заводчики будут содержать заводы по уставам Берг-коллегии и иметь «довольных работников». Промышленникам для постройки завода отводился участок земли в размере около 2,6 десятины и выдавалась ссуда. Заводчики были обязаны отдавать в пользу казны десятую часть своей продукции, которая сначала взималась натурой, а с 1722 г. — деньгами⁷.

На второй год после издания «Привилегии» правительство направило на Урал капитана артиллерии В. Н. Татищева. По отзыву де Геннина, Татищев был «к строению заводов смыслен, рассудителен и прилежен». Татищеву было дано поручение построить новые казённые заводы на Урале, «где обшущя удобные разные места»⁸. В то же время он должен был стро-

¹ Кашинцев Д. История металлургии Урала. Т. I, стр. 68. М. и Л. 1939:

² Шишонко В. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 146.

³ Крамаренков, Чулков, Чупин и другие авторы относят постройку Тагильского завода к 1716 г.; де Геннин считает, что завод был построен в 1718 г., причём первая домна его вступила в строй лишь с 1720 года (Чулков М. Указ. соч. Т. VI. Кн. 2-я, стр. 359; Гессен Ю. История горнорабочих России до 60-х годов XIX в., стр. 78; де Геннин В. Указ. соч., стр. 616).

⁴ Соловьёв С. История России с древнейших времён. Кн. 4-я, стр. 574. СПб. 2-е изд.

⁵ Брейтерман А. Медная промышленность России и мировой рынок. М. 1925.

⁶ Любомиров П. Указ. соч., стр. 72; Соловьёв С. Указ. соч. Кн. 4-я, стр. 774.

⁷ Полное собрание законов (ПСЗ) Т. V. № 3161, стр. 760—761. 1830.

⁸ Русский биографический словарь. Том «Суворов—Ткачёв», стр. 331. СПб. 1912

го наблюдать за действием частных заводов, собирать с них десятину и отстаивать интересы казны.

Татищев недолго пробыл на Урале. Он возбудил сильное недовольство со стороны Демидова, пользовавшегося расположением в придворных сферах. Демидов был самым крупным после казны заводоладельцем и стремился захватить в свои руки всю горную промышленность Урала. Он был своего рода горным королём Урала.

Сначала Демидов сделал попытку подкупить Татищева, но она не увенчалась успехом. Тогда Демидов выдвинул против Татищева несколько ложных обвинений, надеясь, что благодаря покровительству Апраксина и Меншикова, а также богатым подаркам он добьётся увольнения Татищева. По настоянию Демидова Татищев был отозван с Урала. Однако вскоре он был реабилитирован, но на Урал не вернулся. Вместо него в 1722 г. на Урал был отправлен генерал-лейтенант артиллерии В. И. де Геннин.

Де Геннин поступил на русскую службу в 1697 году. Сначала он принимал участие в войне России со Швецией, а затем (1713 г.) был назначен начальником горных заводов в Олонецком крае и зарекомендовал себя как хороший администратор и изобретатель. Оттуда Пётр направил его на Урал.

Де Геннину были даны широкие полномочия. Ему было поручено «исправить» железные и медные заводы. Сибирскому и казанскому губернаторам, а также воеводам были посланы «послушные» указы о посылке крестьян на заводы. Сенату было повелено приписать деревни и земли для каменных и уктусских казённых заводов. Вместе с тем де Геннину было приказано беспристрастно («не маня ни для кого») расследовать дело Демидова и Татищева.

Перед де Генниным стояла трудная и вместе с тем весьма щекотливая для того времени задача: он должен был, выполняя волю Петра, построить на Урале первоклассные по технике производства и «прибыльные» казённые заводы и вместе с тем содействовать деятельности частных промышленников на Урале. В лице де Геннина Пётр нашёл прекрасного организатора и в то же время умелого и гибкого администратора.

Приехав на Урал, де Геннин был поражён тяжёлым состоянием казённых заводов. «Его, Демидова, старые и новые заводы осмотрел,— писал он Апраксину 17 декабря 1722 г.,— которые в хорошем состоянии и в самых лучших местах построены. А на государевы заводы сожалеательно смотреть, что оные (заводы.— М. М.) здесь заранее в добрый порядок не произведены, понеже удивительно... оные (заводы.— М. М.) весьма ныне в худом порядке»¹.

¹ Берх Д. Жизнеописание генерал-лейтенанта Вилима Ивановича Геннина, основателя российских горных заводов. «Горный журнал». Кн. VII—XI за 1826 год. Прил. 87, стр. 103.

Печальное положение казённых заводов не смутило де Геннина, которого ещё С. М. Соловьёв назвал «замечательным деятелем эпохи преобразования». Он быстро и умело взялся за переустройство старых и за постройку новых казённых заводов, обратив особое внимание на медные заводы.

Де Геннин переоборудовал и усовершенствовал технику производства старых казённых заводов. При Петре де Геннин построил один доменный Екатеринбургский завод (1723)², молотовой Толмачевский завод (1725) и 6 медных заводов: Екатеринбургский (1724), Лялинский (1723), 2 пыскорских—Нижний и Верхний (1723), Ягушихинский (1723) и Полевской (1724)³.

Самым крупным промышленным предприятием в те годы были екатеринбургские заводы. Де Геннин предполагал превратить их в образцовые заводы на Урале. Уже при Петре они представляли собой крупнейший промышленный комбинат с доменными и медеплавильными печами, формовой, молотовой, крышечной, жестяной, якорной, укладной, стальной и другими фабриками (цехами). Заводы имели мощную гидроэнергетическую базу—2 плотины, из которых одна была длиной 98 саж., шириной 20 саж. и высотой 3 сажени. На доменном заводе были 2 домы высотой по 3,4 м; каждая из них выплавляла в сутки в среднем 176 пуд. чугуна. Годовая производительность завода в 1725 г. достигала 82 тыс. пуд. чугуна.

Захваченные начавшейся промышленной лихорадкой, частные промышленники также стали строить заводы. В 1721 г. Демидов построил медный Выйский завод, в 1725 г.—крупный доменный Нижне-Тагильский завод.

² По Герману, Екатеринбургский завод был основан в 1722 г., а по Мозелю— в 1721 году. Де Геннин сообщал, что «плотина, разные фабрики и прочее, зачатое строить с марта месяца 1723 года, построено в одном том 1723 году». По табели заводов, ковка железа началась с 1723 г., а плавка чугуна и меди— с 1724 г. (де Геннин В. Указ. соч., стр. 75; Кириллов И. Указ. соч. Кн. 2-я, стр. 65, 66; Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Т. XXVI—XXVII, стр. 175. Пермская губ. СПб. 1864).

³ О времени постройки Полевского завода существуют разноречивые сведения. Кириллов датирует постройку заводов 1724 г., Чулков—1727, Мозель—1724—1727 годами. По сообщению де Геннина, первые постройки на р. Полевой появились ещё до 1718 г. (не раньше 1710 г.), но в 1718 г. башкиры уничтожили их. В 1723 г. началась добыча руды и были построены «квартиры». Тогда же стали строить плотины и фабрики. По табели де Геннина, сведения о выплавке меди на Полевском заводе даны начиная с 1724 г. (де Геннин В. Указ. соч., стр. 509, 510; Кириллов И. Указ. соч. Г. II, стр. 67; Чулков М. Указ. соч. Т. VI. Кн. 2-я, стр. 582, 662; Мозель Х. Указ. соч., стр. 248).

В это же приблизительно время другие частные лица, а также компанейщики построили 6 медных заводов и 2 железных, из них компанейщики построили 3 завода, в том числе 2 медных и 1 железный. Среди компанейщиков были местные администраторы: вятский комиссар Иван Тряпицын и казанский комиссар Иван Небогатов. В компании Тряпицына принимали участие башкиры: Иматкалов и др. Компанейщиком Небогатова был тулянин Марков. Состав лиц, входивших в подобные компании, подбирался не случайно. Местные администраторы, не имевшие ни опыта, ни денег, но пользовавшиеся влиянием, входили в компанию с промышленниками и строили заводы, для того чтобы получить ссуды и разные привилегии.

В то время как на Урале лихорадочно строились крупные заводы с водяными двигателями, мелкой крестьянской промышленности была объявлена настоящая война. В 1722 г. в Кунгуре де Геннин издал указ, по которому запрещалось выплавлять сыродувное железо в «малых печах и рубить лес для заводиков»¹. Он приказал мелким промышленникам копать железную руду и «намк заводам продавать по указной цене».

Как Пётр Великий загонял своей дубинкой русских купцов, в «кумпанства» для постройки заводов, так его ставленник на Урале насильственно загонял мелких промышленников на крупные казённые заводы. Он разорвал крестьянские промыслы и стремился использовать рабочую силу кустарных заводиков на казённых заводах.

За сравнительно короткий срок (1722—1725) на Урале было построено 18 заводов, из них 9 казённых и 9 частных.

Железные заводы были размещены на восточном склоне Уральских гор, в верховьях р. Тагила, на р. Нейве, в верхнем течении р. Исети и в верховьях р. Пышмы; медные заводы строились преимущественно на западном склоне Уральских гор и в Приуралье, в верховьях р. Чусовой, на р. Сылве и в районе нижнего и среднего течений р. Камы. Восточные склоны Уральских гор, богатые железными рудами, при Петре открылись железными заводами, а западные склоны Уральских гор и Приуралья, богатые медными рудами, — медными заводами. Территориальная база для строительства уральских заводов была выбрана удачно, что было одной из основных причин процветания и дальнейшего развития уральской промышленности.

По своему оборудованию уральские заводы не только не уступали лучшим мануфактурам Западной Европы, но даже превосходили их. Из 16 железных заводов 12 имели водяные двигатели, 2 завода были кустарного типа, и у 2 заводов характер оборудования не выяснен. Из 16 медных заводов 8 имели водяные двигатели, 2 завода были кустарного типа, и у 6 заводов характер оборудования не выяснен.

¹ Свердловский областной архив, ф. 24, д. № 5а, лл. 495—613.

² «Исторический журнал» № 9.

Водяная энергия была одним из крупных факторов производства. Заводы строились на берегах быстрых горных рек. Плотина Каменского завода была длиной в 50 саж., шириной в 16 саж. и высотой в 3 сажени². На Алапаевском заводе плотина была длиной в 85 саж., шириной в 16 саж. и высотой в 3¼ сажени³.

Плотины, построенные де Генниным, были более совершенными, чем плотины на тульско-каширских заводах. Учитывая специфические условия уральских рек, де Генник стал строить более короткие, но широкие плотины. Ширина Екатеринбургской плотины вдвое превышала среднюю ширину плотины XVII века⁴.

С устройством плотин вода в реке поднималась и по ларям шла на завод, приводя в движение деревянные колёса с механизмами. Лари на уральских заводах сооружались более узкие и глубокие, чем на тульско-каширских заводах; благодаря этому глубина воды всегда была 5 аршин и вода шла «сильно» на колёса⁵. Развивая большую скорость, она давала значительную энергию. Плотина на р. Исети приводила в движение 50 колёс, действующих без перебора в течение всего года⁶.

При помощи водяной энергии нагнетали воздух в домны, расплавляли руду, поднимали и опускали тяжёлые молоты и пускали в ход разнообразные станки. Однако на уральских заводах, как и на западноевропейских мануфактурах, преобладал ручной труд, мускульная рабочая сила. При де Геннине на уральских казённых заводах была проведена специализация труда, которая далеко превосходила специализацию труда на тульско-каширских заводах XVII века. Вместо 9 цехов, существовавших на заводах XVII в., на екатеринбургских заводах при де Геннине было 32 цеха⁷.

Вместо 90 инструментов, употреблявшихся на заводах XVII в., число их возросло до 680⁸. Таким образом, общее количество орудий производства увеличилось больше чем в 7 раз.

Одновременно с ростом специализации труда развивалось характерное для мануфактуры широкое разделение труда. По системе организации труда железные и медные заводы Урала стали настоящими мануфактурами высшего типа. В этих мануфактурах товар, писал Маркс, своей готовой формой был обязан не «чисто механическому соединению самостоятельных частных продуктов», как это имеет место в мануфактурах низшего типа, в гетерогенных мануфактурах, а

² Де Геннин В. Указ. соч., стр. 477.

³ Там же, стр. 488.

⁴ Бакланов Н. Техника металлургического производства XVIII в. на Урале, стр. 36. М. и Л. 1936.

⁵ Там же, стр. 39.

⁶ Де Геннин В. Указ. соч., стр. 131.

⁷ Бакланов Н. Указ. соч., стр. 159—160.

⁸ Там же, стр. 162.

«последовательному ряду связанных между собой процессов и манипуляций»¹.

Железная руда, очищенная от примесей, плавилась в доменной печи и превращалась в слитки («штыки»). Слиток чугуна направлялся на кричную фабрику, где переваживался на кричном горне и поступал под обжимку на кричном боевом молоте. Здесь он рассекался на куски и вытягивался в полосы, которые шли на молотовую фабрику и в кузницу для дальнейшей обработки².

Медная руда после обжигания с примесью «флюсов» направлялась в плавильные печи («крумофени»). Полученный сплав, известный под названием «роштейн», обжигался в печах-стойлах, откуда полученная чёрная медь шла в «гаомахерские», или разделительные, печи. Новые слитки («гаркупфер») подвергались очистке, а затем переплавке в «штыковых» горнах, где медь разливалась в формы и направлялась для дальнейшей обработки³.

Организация производственного процесса, существовавшая на уральских железных и медных заводах, значительно уменьшала интервалы между отдельными фазами производства продукта, а вместе с тем сокращала время, затрачиваемое на его изготовление.

Повышению производительности труда значительно способствовало также и то обстоятельство, что процесс производства железных и медных изделий обычно происходил на том же заводе, где шла плавка руд, или в непосредственной близости от него, на специально построенных вспомогательных заводах. Кооперация отдельных цехов (фабрик) дополнялась кооперацией заводов.

Казна, имевшая на Урале 15 заводов, являлась крупным вотчинником, снабжавшим продукцией своих заводов армию и флот, дворцы, а также частный рынок. Частные лица владели заводами на основе помещичьего права и являлись условными, ограниченными собственниками. Не случайно Демидов в официальных документах именуется «уговорщиком» или комиссаром. Разрешая заводчикам передавать заводы по наследству, правительство в то же время оставляло за собой право отбирать заводы

и изменять характер их наследования. Таким правом правительство часто пользовалось в XVII в. на тульско-каширских заводах⁴. Пётр не только не отказался от прав, принадлежавших ему как верховному собственнику всех заводов, но подтвердил их «Привилегией о рудах и минералах».

При Петре было отобрано несколько заводов у заводчиков. В 1713 г. Молодой, владелец Мазуевского кустарного завода, использовал крестьян на своих работах. Его арестовали, увезли в Тобольск, а завод отбрали в казну⁵. Такая же судьба постигла медный Саралинский завод; основанный подьячим Калугиным «с товарищи», он «был взят» от компанейщиков и «содержан был казёнными деньгами»⁶.

«Привилегия о рудах и минералах», изданная в 1719 г., ничего не говорит о феодальных правах заводчиков над заводскими людьми. Пётр Великий, рассматривая заводчиков как помещиков, повидимому, не был склонен распространять на них права, предоставленные дворянству и казне. Однако по отношению к Уралу правительство сделало исключение. Принудительный труд на заводах был широко распространён задолго до того, как заводчики получили феодальные права в законодательном порядке.

По своей роли в производственном процессе заводские люди делились на две группы: основную и вспомогательную. Основная группа заводских людей — мастера и рабочие люди — принимала участие в выплавке чугуна и меди и в обработке железных и медных изделий; вспомогательная группа заводских людей добывала руду, заготавливала уголь, перевозила сырьё на завод и доставляла продукцию заводов на рынки сбыта.

На Невьянском заводе до передачи его Н. Демидову основными рабочими были присланные «с Москвы» мастера и подмастерья. За свою работу они получали плату деньгами и натурой. Они были прикреплены к заводу и не имели права уйти с него, так же как были прикреплены заводские люди тульско-каширских заводов XVII века⁷.

Н. Демидов, ходатайствуя о передаче ему Невьянского завода, в то же время добивался от правительства, чтобы оно разрешило ему создать более прочные и постоянные кадры заводских людей. Он хотел, чтобы около завода были образованы заводские слободы с постоянными кадрами заводских людей, имеющих скот, сённые покосы и пастбища. Он предполагал населить заводские слободы крестьянами, купленными у помещиков, и просил правительство «дать» ему

Смирнов И. Тульские и каширские заводы XVII в. М. и Л. 1934).

⁵ Шишонко В. Указ. соч. Ч. 3-я, стр. 305.

⁶ Де Геннин В. Указ. соч., стр. 632.

⁷ Этого обстоятельства не учёл И. И. Смирнов, рассматривая заводских людей тульско-каширских заводов как рабочих капиталистической мануфактуры (Бакланов Н., Мавродин В., Смирнов И. Указ. соч., стр. 75—121, 140—151 и особенно 112, 119, 146, 147).

¹ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 324, 325. М. 1937.

² Де Геннин В. Указ. соч., стр. 167, 215. См. также Бакланов Н. Указ. соч., стр. 180.

³ Бакланов Н. Указ. соч., стр. 87.

⁴ В. В. Мавродин привёл много подобных фактов в статье «О возникновении тульско-каширских заводов». В 1642 г. правительство отобрало все заводы у Винуса, Акемы и Марселиуса и передало их в казну. В 1649 г. оно вернуло городищенские заводы Марселиусу и Акеме. В 1672 г. заводы Марселиуса, а быть может, и Акемы вновь перешли в казну. Данные убедительно говорят о том, что владельцев тульско-каширских заводов нельзя приравнивать к собственникам капиталистической мануфактуры (Бакланов Н., Мавродин В.,

«для работных людей на селитьбы дворов и для скотинного выпуска и сенных покосов... угодные места, чтоб к заводам были в близости, а буде он, Никита, похочет себе к тем заводам в русских городах и у вотчинников покупать крестьян и тех бы крестьян ему, Никите, покупать и на заводы свозить и для работы у заводов селить было возможно»¹.

Правительство пошло навстречу Демидову. Указами от 4 и 8 марта 1702 г. оно разрешило ему построить у Невьянского завода слободу, отведя для неё под сенные покосы и выгоны от 200 до 300 дес. «поросшей» земли², а также покупать у вотчинников крестьян и «свободно» селить их в слободе³. Предполагая, что из купленных крепостных крестьян Демидов может создать основные заводские кадры, правительство дало ему право находящихся на заводе мастеров «разобрать», годных «держать», а негодных отпустить. Правительство предоставило Демидову как настоящему феодалу судебные права над мастеровыми и работными людьми. Оно разрешило ему «самому чинить в малых делах наказания работникам своим»⁴.

Демидов полностью использовал предоставленные ему права. Он закрепил за заводами отданных ему казённых мастеровых людей, включив сюда переведённых и купленных в Туле, а также некоторых крестьян, повидимому, промышленников Верхотурского уезда. Демидов купил крепостных крестьян у помещика Нижегородской губернии Головина. Таким образом, общее количество мастеровых и работных людей на Невьянском заводе достигло 70⁵.

У Петра было несомненное желание вести в русской промышленности вольнонаёмный труд. Это всецело отвечало интересам широких слоёв дворянства, заинтересованных в монопольном владении крепостными людьми. Пётр, как царь «помещиков и торговцев», не мог не принимать во внимание интересы господствующего класса страны — дворян. Поэтому даже тогда, когда Пётр издавал указы о применении на заводах вольнонаёмного труда, он не стоял, как это кажется Б. Сыромятникову, на «антифеодалных позициях»⁶.

¹ Шишонко В. Указ. соч. Ч. 3-я, стр. 2.

² Там же, стр. 3.

³ Ю. И. Гессен утверждал, что Н. Демидов не получил права покупать крепостных людей. А между тем указ от 8 марта 1702 г. предоставил Н. Демидову подобные права. «Буде он, Никита, похочет,— говорится в указе,— себе к тем заводам в русских городах и у вотчинников покупать крестьян и тех бы крестьян ему, Никите, покупать и на заводы свозить и для работы у заводов селить было возможно» (Шишонко В. Указ. соч. Ч. 3-я, стр. 27; Гессен Ю. Указ. соч., стр. 46).

⁴ Шишонко В. Указ. соч., стр. 27.

⁵ Там же, стр. 45; Гессен Ю. Указ. соч., стр. 27.

Вскоре правительство изменило отношение к Демидову. Оно отказалось от присылки на его заводы бесплатной рабочей силы, предоставив ему в 1705 г. право «нанимать своими прокормы работных и мастеровых людей», а также «принимать всяких пришлых, но только свободных, не тяглых людей, и с паспортами»⁷. В 1709 г. правительство предписало Н. Демидову отырыть на Невьянском заводе «арифметическую», или «цыфирную», школу для подготовки мастеров из малолетних детей мастеровых⁸. Демидов, повидимому, открыл такую школу, но он не возлагал на неё больших надежд.

Новые распоряжения правительства мало отвечали интересам Демидова. Вольнонаёмных людей на Урале было мало, и их труд ценился высоко. Демидов нашел другой, более лёгкий и дешёвый способ увеличить кадры основных заводских людей: он стал принимать на заводы беглых людей. Беглые люди шли на его заводы из разных концов России: Устюга, Сольвычегодска, из строгановских вотчин, из-под Нижнего Новгорода, Москвы, Симбирска, Архангельска и других городов. Во время переноса, произведённой Воронцовым в 1717 г., один беглец показывал, что он «шёл без отпуска», другой — «ради хлебной скудости», третий — «от пожарного разорения» и т. д. Среди беглецов были рекруты. «Многие рекруты,— писал вятский воевода в декабре 1720 г.,— живут на заводах Демидова». Мастеровые и работные люди с казённых заводов, как русские, так и шведские пленные, искали пристанища на заводах Демидова. Гнёт крепостного права, высокие подати, рекрутчина и стихийные бедствия разоряли крестьян и посадских людей и заставляли их идти на заводы Демидова, где они надеялись жить более свободно, «лучше». Люди шли на заводы Демидова, замечает один исследователь, охотно, «избегая кабалы, крепости, разбоя или кары за вины; они не подозревали, что впоследствии все поголовно будут закрепощены навечно»⁹.

Демидов давал приют и защиту беглым людям, но превращал их в крепостных рабов.

Иначе обстояло дело с обеспечением заводов Демидова вспомогательной рабочей силой. Передавая Невьянский завод Н. Демидову, правительство разрешило ему брать для «дровяного сечения» всяких людей. В 1703 г. правительство приписало к Невьянскому заводу Демидова Аядскую и Краснопольскую слободы и монастырское село Покровское. Приписка была совершена на условиях, которые скорее напомина-

⁶ Сыромятников Б. «Регулярное» государство Петра I и его идеология, стр. 144. М. 1943.

⁷ Гессен Ю. Указ. соч., стр. 46; Шишонко В. Указ. соч. Ч. 3-я, стр. 45.

⁸ Сигов С. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала, стр. 29. Свердловск. 1936.

⁹ Шишонко В. Указ. соч., стр. 46.

ли пожалование вотчинами, чем приписку государственных крестьян к заводам. Лядская и Краснопольская слободы и монастырское село Покровское «отдавались в работу с деревнями и всеми крестьянами, с детьми и с братьями и племянниками, и землёй, и со всякими угодьями». Поступающие с крестьян в казну и монастырь денежные и натуральные поборы перечислялись на Демидова. Он был обязан расплачиваться за это с казной «железом по договорённой цене или деньгами». Демидову разрешалось «ослушников и ленивых... смирять батогами и плетью и железами»¹. Общее количество приписанных к Невьянскому заводу крестьян было 1647².

Пользуясь своим привилегированным положением, Демидов в короткое время на выгодных для себя условиях создал необходимую для заводов рабочую силу. Другие частные заводчики были поставлены в худшие условия, и поэтому процесс формирования рабочей силы у них шёл медленно и с большими затруднениями. Правительство неохотно приписывало государственных крестьян к заводам, требуя от заводчиков, чтобы они нанимали мастеровых и рабочих людей и не надеялись на приписку государственных крестьян. Беглый человек не шёл к мелкому, незнатному заводчику, опасаясь, что он выдаст его помещику. Между тем развивавшаяся промышленность настоятельно требовала новых кадров заводских людей.

18 января 1721 г. Пётр I, заинтересованный в развитии горных заводов, издал указ, который предоставил русскому купечеству право создавать кадры заводских людей из среды крепостных крестьян. Указ разрешал купцам наравне с дворянами покупать деревни с крепостными людьми для работы на заводах, требуя от заводчиков, чтобы деревни были «всегда... при тех заводах неотлучно» и чтобы заводчики не продавали и не закладывали их без заводов и не отдавали на выкуп³. Указ значительно расширял права русских купцов, которым Соборное уложение 1649 г. запрещало покупать крепостных крестьян. Указ положил начало образованию особой группы заводских людей, известных впоследствии под названием «посессионных». В состав этой вновь образованной группы вошли вечно отданные, беглые, арестанты, казённые мастеровые и т. п. На основании указа 1721 г. заводчики набирали заводских людей как для основных, так и для вспомогательных работ на заводе. В 30—50-е годы XVIII в. на Урале образовалась довольно большая группа посессионных рабочих.

Помогая заводчикам создавать основные кадры заводских людей, Пётр разрешал им не возвращать беглых холопов и крепостных крестьян. Именным указом 15 апреля 1722 г. было разрешено «не ссылатъ

неволею рабочих людей с заводов, дабы тем заводов не опустошать». Беглым людям предлагалось платить полагающиеся с них деньги на полки, а также подати помещикам⁴.

В 1722—1723 гг. на уральских заводах была произведена перепись пришлых людей. Она показала, что общее количество пришлых людей — более 5 тысяч. Указом 26 июня 1724 г. заводчикам было разрешено оставлять на заводах тех беглых людей, которые научились какому-либо мастерству, заплатив помещику 50 руб. за каждого человека⁵. Указами 1722 и 1724 гг. была закреплена за заводами большая часть беглых людей и включена в состав основных кадров рабочих.

Процесс формирования кадров заводских людей на казённых заводах происходил с некоторыми особенностями. Недостаток опытных мастеров тормозил лихорадочную деятельность по строительству новых заводов. Стремясь превратить казённые заводы в образцовые предприятия, де Геннин использовал иноземцев как для работы на заводах, так и для подготовки русских квалифицированных мастеров. Наряду с иноземцами на екатеринбургских заводах работали русские мастера, привезённые с олонекских заводов: 2 мастера укладного и молотового дела, 2 доменных мастера, а также мастера формового, железорезного и стального дела⁶.

Де Геннин глубоко верил в творческие силы русского народа и в его замечательные способности. Стремясь создать и расширить русские технические кадры, он настойчиво требовал от иноземцев, чтобы они привели «в добрый порядок» оборудование заводов и «обучали к лучшему искусству» отданных им в науку русских людей⁷.

Вместе с тем де Геннин заставлял русских людей учиться у иноземцев горному делу «с великим радением и охотою», чтобы после отъезда иноземцев «во отечество» русский человек «горное дело мог править и русской нации людям показывать так, как и иноземцы»⁸. Де Геннин отправлял мастеровых людей с казённых заводов для обучения и на демидовские заводы. Он предоставил мастеровым и рабочим людям широкую возможность повышать квалификацию непосредственно на производстве, введя испытания и переводя достойных подмастерьев в мастера. В каждом цехе имелись ученики, которых назначали «на упалые места». Мастера должны были обучать своих учеников. При де Геннине была образована «словесная и арифметическая школа» из 50 учеников. Из этой школы вышли изобретатель первой паровой машины в России Ползунов, гидротех-

⁴ ПСЗ. Т. VI, № 3919, стр. 516. 1722.

⁵ ПСЗ. Т. VII, № 4533, стр. 516. 1724. № 4736, § 14, стр. 507. 1725.

⁶ Свердловский областной архив, ф. 24, д. № 5а, лл. 495—613.

⁷ Там же, лл. 497—612.

⁸ Де Геннин В. Указ. соч., стр. 93.

¹ Шишонко В. Указ. соч. Ч. 3-я, стр. 293—294.

² Де Геннин В. Указ. соч., стр. 613.

³ ПСЗ. Т. VI, № 3711, стр. 811. 1721.

ник Фролов и многие другие выдающиеся люди.

Вследствие недостатка квалифицированной рабочей силы де Геннин разрешал беглым людям оставаться на заводах, где они обучались заводскому мастерству. Он предоставил широкую возможность старообрядцам свободно жить на казённых заводах. Де Геннин использовал в качестве мастеровых и рабочих людей также беглых рекрутов и вольнонаёмных людей¹.

Вспомогательные работы на казённых заводах выполняли главным образом приписные крестьяне. К казённым заводам на Урале было приписано к 1725 г. до 25 тыс. государственных крестьян, из которых трудоспособных числилось около 6 тысяч. Кроме того для помощи им в «чрезвычайных» заводских работах «употреблялись арестанты и бобыли»². Мастерские и рабочие люди уральских заводов за свой труд получали, во-первых, усадьбную и сеякосную землю в заводской слободе, а, во-вторых, жалование. При де Геннине существовала двойного рода оплата труда: окладная и сдельная. Мастера доменного, фурмового (литейного) и плотинного дела получали окладную оплату — от 30 до 60 руб., подмастерья — от 20 до 24 руб., ученики — 12 руб. в год. На молотовой фабрике мастер получал сдельную оплату по 4 коп., подмастерье по—1¼ коп., а работник — по ¼ коп. с пуда железа, «которое с пробы устоит и с образцом сходно»³.

Оплата труда, установленная де Генниным, была не ниже, а выше оплаты труда, существовавшей на Невьянском заводе в 1700 г., и могла обеспечить довольно высокий материальный уровень жизни основных кадров заводских людей. Ещё Н. Чупин, один из лучших историков Урала, отметил, что в 20-х годах XVIII в. «плата за труд в сравнении с ценностью жизненных припасов была значительно высокая. Главнейшие жизненные припасы, равно как и кожи, сало, деревянные изделия и лошади, были очень дешёвы»⁴.

Крепостная фабрика, в первоначальный период своего существования испытывавшая острую нужду в квалифицированных рабочих, высоко оплачивала их труд. Ещё выше она оплачивала труд иноземных мастеров.

¹ ПСЗ. Т. VII, № 4237. 1723.

² Свердловский областной архив, ф. 24, д. № 5а, лл. 495—613; д. № 70, л. 491. См. также Берх Д. Указ. соч., стр. 110. М. Злотников, не указывая источника, также определяет количество крестьян, приписанных в 1725—1727 гг. к казённым заводам Урала, в 25 тысяч. Между тем источники относят это количество исключительно к 1725 г. (де Геннин В. Указ. соч., стр. 30).

³ Де Геннин В. Указ. соч., стр. 199.

⁴ Чупин Н. Цены различных товаров в Пермском крае в 1721—1722 годах. «Ирбитский ярмарочный листок» № 20 за 1865 год.

Однако мастеровые и особенно рабочие люди далеко не всегда получали следующее им жалование. Управители заводов, пользуясь отсутствием контроля, нередко ничего не платили мастеровым и рабочим людям и присваивали их жалование.

В совершенно другом положении были приписные к заводам государственные крестьяне. Прикрепляя в 1702 г. крестьян Аятской и Краснопольской слобод и монастырского села Покровское к Невьянскому заводу, правительство требовало от Демидова, чтобы он давал им «удобный и пристойный наём... чтоб им работникам сытым быть». Крестьяне были освобождены от податей. За свой труд они должны были получать плату, установленную казной.

Казённые расценки были значительно ниже вольных цен. По авторитетному мнению акад. С. Струмилина, «уже к концу XVII в. вольные расценки рабочей силы раза в два превзошли ставки подневольного труда, и это соотношение продержалось с известными колебаниями вплоть до падения крепостного права»⁵. Как на демидовских, так и на казённых заводах крестьяне иногда не получали за свою работу платы и не освобождались от податей. В 1708 г. пашенные крестьяне Невьянской слободы, работавшие на Невьянском заводе Демидова, пахали десятинную пашню, делали «всякое сделье», давали подводы и вместе с тем платили в казну ежегодно по 20 алтын и одной деньге (повидимому, со двора) и кроме того поворотные, ямские, седельные, уездные и банные деньги.

Заводские работы разоряли крестьян Невьянской слободы. Крестьяне работали «зимнею порою» по четыре недели и больше. За свою работу они, как видно из «сказки», поданной крестьянами, денег не получали. Вследствие этого они «от его Акифия налоги и непомерной изгони обнищали, задолжали и всеконечно разорились».

Крестьяне выражали свой протест в примитивной, неорганизованной форме: они «разбредались неведомо куда»⁶.

На казённом Кунгурском заводе в 1713—1715 гг. было такое же положение. Татары деревни Янычи и русские крестьяне различных деревень «работали на заводе как пешими, так и конными и ничего не получали за свою работу»⁷.

Правительство, заинтересованное в развитии уральских заводов, было вынуждено установить обязательные для всех заводов России нормы оплаты труда приписных крестьян. Указом 20 января 1724 г. было предписано, чтобы заводчики платили крестьянину в летнее время без лошади по 5 коп., а с лошадью — по 10 копеек. Для зимнего времени были установлены более низкие цены: крестьянин без лошади получал по 4 коп. в день, а с лошадью — по 6 копеек.

⁵ Струмилин С. Указ. соч., стр. 137.

⁶ Шишонко В. Указ. соч. Ч. 3-я, стр. 410.

⁷ Шишонко В. Указ. соч. Ч. 2-я, стр. 147.

Указ требовал, чтобы крестьяне «без платежа денег в работах не употреблялись»¹.

Указ 1724 г. должен был несколько улучшить положение приписных крестьян, особенно на тех заводах, где им не платили денег и не зачитывали подушных денег за работу. Однако этот указ далеко не везде проводился в жизнь. Заводчики, заинтересованные в поднятии интенсивности крестьянского труда, стремились ввести сдельную оплату труда, между тем как указ 1724 г. устанавливал лишь подённую.

Заводы требовали всё больше и больше приписных крестьян. Крепостное право, на основе которого выростала уральская промышленность, тяжёлым бременем ложилось на плечи уральского крестьянина. Крестьянское хозяйство разорялось. «Возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило,— говорил товарищ Сталин,— за счёт крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»².

Пашенные крестьяне Шадринского и Окуневского дистриктов Тобольской провинции, приписанные в 1725 г. к екатеринбургским заводам, были возмущены тяжёлыми заводскими работами. Их требовали на заводы, заявляли они в челобитной, «беспременно, отчего пришли они в великую скудость и в полную нищету»³. Государственные крестьяне, превращаемые в крепостных людей, в то же время страдали от злоупотреблений, вымогательства и взяточничества администрации.

Основанная на крепостном труде, уральская промышленность к концу царствования Петра Великого тем не менее достигла замечательных успехов. «Крепостное право служило,— писал Ленин,— основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе»⁴. Урал превратился в самый крупный район отечественной тяжёлой промышленности. Он сохранил за собой это положение вплоть до середины XIX века. За первую четверть XVIII в. на Урале был построен 31 завод. Главным строителем крупных заводов была казна; она основала 15 заводов. Н. Демидов построил 4 крупных завода. Другие частные лица построили 12 небольших заводов: 9 — индивидуально и 3 — «товариществами». Казна и Н. Демидов построили все доменные и молотовые заводы с водяными двигателями: казна — 5 доменных и 2 молотовых, а Демидов — 2 доменных и 1 молотовой.

В 1725 г. на всех доменных заводах Урала было выплавлено до 424 тыс. пуд. чугуна, т. е. больше чем в два с половиной раза по сравнению с 1718 годом.

По количеству выплавленного чугуна демидовские заводы не уступали казённым.

¹ ПСЗ. Т. VII, № 4425. 1724.

² И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 6—7. Партиздат. 1937.

³ Свердловский областной архив, ф. 24. д. № 82, л. 431. Премония от 15 июня 1725 года.

⁴ Ленин. Соч. Т. III, стр. 376.

Они выплавливали до 210 тыс. пуд. чугуна, т. е. почти 50% всего выплавленного на Урале чугуна, а казённые заводы — 214 тыс., т. е. несколько больше 50%.

На Урале находилось больше четверти всех доменных заводов России (7 из 26), $\frac{3}{4}$ всех молотовых заводов (5 из 7) и $\frac{2}{3}$ всех медных заводов (8 из 10).

К концу царствования Петра уральский чугун стал занимать почётное место в России. По ориентировочным данным, удельный вес уральского чугуна составлял 39% всего выплавленного в России чугуна. Ещё более значительными были успехи в области плавки меди. В этом отношении роль Урала была исключительной. Петровская Россия получала почти всю медь с Урала. По штатам де Геннина 1723 г., на казённых заводах предполагалось получить свыше 7 тыс. пуд. меди. В 1725 г. производительность казённых заводов достигла 6125 пуд. меди. По количеству выплавленной меди казённые заводы значительно превосходили частные: они давали не менее 90% всей меди.

В эпоху Петра I русская горнозаводская промышленность по объёму продукции не уступала английской. В 20-х годах XVIII в. в Англии насчитывалось 50 доменных печей, выплавливавших ежегодно 1020 тыс. пуд. (17 тыс. т) чугуна, между тем как Россия в 1725 г. выплавила не менее 1073 тысяч⁵.

В техническом отношении уральские казённые заводы стояли выше тульско-каширских заводов XVII в. и по своей производительности не только догнали, но и перегнали западноевропейскую промышленность. Плотины уральских заводов были более массивными и широкими, чем плотины тульско-каширских заводов. Они были способны выдержать сильный напор многоводных горных рек. Недаром многие плотины, выстроенные при Петре, до сих пор снабжают заводы Урала дешёвой водяной энергией. По штатам 1723 г., домны уральских казённых заводов давали 188 пуд. чугуна в день — раза в полтора больше, чем тульско-каширские домны⁶. Тонна кричного железа на тульско-каширских заводах XVII в., в трудовой оценке, стоила 287 дней, а по штатам де Геннина 1723 г. — 240 дней, т. е. на 17% дешевле⁷. Экономия на уральских заводах была достигнута главным образом за счёт широкой специализации труда и увеличения его производительности. На Урале было в 7 раз больше орудий горнозаводского промысла, чем на тульско-каширских заводах XVII века.

Ежегодная производительность одной английской домны в 1720 г. равнялась 17 тыс. пуд. чугуна, а в 1740 г. — 22 тыс. пудов. По данным де Геннина 1723 г., домны уральских казённых заводов давали в среднем по 47 тыс. пуд. чугуна в год, а фактически в 1725 г. — 52 800 пудов. Домны уральских казённых заводов выплавливали в

⁵ Струмилин С. Указ. соч., стр. 147.

⁶ Там же, стр. 171.

⁷ Манту П. Промышленная революция XVIII столетия в Англии, стр. 148. Л. 1925

три раза больше чугуна, чем английские домны в 20-х годах, и почти в два с половиной раза больше, чем английские домны в 40-х годах XVIII века¹.

Далеко не все заводы, построенные на Урале в течение первой четверти XVIII в., сохранились. Мелкие промышленные предприятия кустарного типа, а также группа заводов, характер оборудования которых остался невыясненным, владели жалкое существование, а частично прекратили свою деятельность. Так, скоро перестал работать небольшой Мазуевский железный завод. Та же судьба постигла железный Шубакинский завод, железный завод на р. Шудинге, медный завод на р. Логве, на реках Ляля и Познянке и т. д. Из 11 мелких железных и медных заводов к 1734 г. сохранилось всего 4: Анцубский, Давыдовский, Саралинский и завод на р. Кырге. Остальные 7 заводов перестали существовать. Наиболее жизнеспособной оказалась компания Вяземских. Две остальные компании — подьячего Калугина и Тряпицына — распались.

В другом положении находились казенные и демидовские заводы. Они успешно действовали в конце царствования Петра, расширили производство и стали работать не только на оборону страны, но и на внутренний и внешний рынки. Уже в 1716 г. Россия вывозила в Англию 2,2 тыс. пуд., а в 1730 г. — 22,6 тыс. пуд. железа².

Задача, поставленная Петром в начале Северной войны, была блестяще решена: была создана отечественная горнозаводская промышленность. Она стала применять технику производства западноевропейских капиталистических мануфактур, хотя и была крепостнической по своей классовой сущности. Она освободила страну от экономической зависимости от иноземцев и полностью удовлетворяла потребности как обороны страны, так и внутреннего рынка.

¹ Манту П. Указ. соч., стр. 220.

² Сигов С. Указ. соч., стр. 31.

Во время Северной войны Урал снабжал русскую армию и флот пушками и снарядами. Уральские пушки били шведов под Шлиссельбургом, Полтавой и Гангутом³. В царствование Петра, писал И. Фокерлот в 1737 г., «разработаны были и рудники в Сибири, особливо старанием одного простого кузнеца Демидова. Вместо того, чтобы получать железо и медь из Швеции, как бывало в старые годы, Россия может отправлять и то и другое, особливо железо, в чужие страны»⁴.

³ Необходимо отметить явно ошибочное мнение К. Базилевича. «Русская промышленность, пользуясь подневольным трудом, в значительной степени сохраняла, — пишет он, — крепостнический характер и, разумеется, ни по уровню производительности труда, ни по объёму продукции не в состоянии была догнать производство передовых европейских стран, вступивших на путь капиталистического развития. Именно поэтому поставленная Петром цель — освобождение России от экономической зависимости — не могла быть достигнута» («Большевик» № 17 за 1943 г., стр. 61—62). В действительности основная отрасль русской промышленности — горнозаводская — уже при Петре стала давать продукции не меньше, чем горнозаводская промышленность Англии. Русская горнозаводская промышленность по технике не уступала лучшим западноевропейским капиталистическим мануфактурам. Производительность русских домен была выше производительности английских. В области горнозаводской промышленности Россия полностью освободилась от экономической зависимости от Западной Европы.

⁴ «Россия при Петре Великом» по рукописному известию Иоанна Годгильда Фокерлота. «Чтение в Обществе истории и древностей российских». Кн. 2-я, стр. 75. М. 1874.

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ ЭПОХИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Б. Кафенгауз

I

Вокруг истории Петра Великого всё ещё кипят страсти, не умолкают споры и разногласия; они возникли среди его современников и продолжают до наших дней. С. Соловьёв говорил, что Пётр «проводил всю свою жизнь в борьбе и оставил по себе двойную память: одни благословляли его, другие проклинали»¹. У Петра было много политических противников: стрельцы, боярская оппозиция, часть духовенства, кружок царевича Алексея. Но очень рано его личность и деятельность привлекали также горячих сторонников, их было больше, чем врагов. Можно сказать, что Пётр был окружён добровольными сотрудниками, присылавшими ему свои предложения и донесения, стоит вспомнить знаменитого публициста Посошкова. С тех пор почти каждое поколение, каждое научное и общественно-политическое направление пыталось понять и достойно оценить значение этой сложной эпохи. Являясь одним из узловых моментов нашей истории, время Петра Великого привлекает к себе внимание и вызывает положительное или отрицательное отношение сменяющихся друг друга общественных и научных течений на протяжении более чем двух столетий. Вместе с тем усложняются и задачи научного исследования, выдвигаются новые вопросы, на которые наука должна дать ответ. Наконец, выявляется и накапливается обширный и разносторонний документальный материал и углубляются методы и приёмы его обработки. Ещё при жизни Петра была поставлена задача — создать историю его царствования. Была написана «Гистория Свейской войны», представлявшая собой сырой материал, расположенный по годам, месяцам и дням. Она послужила источником для описания петровского царствования, составленного в 1722 году и приписываемого Феофану Прокоповичу, псковскому архиепископу.

Стремление подвести итог петровским преобразованиям и разобраться в наследии Петра Великого проявилось тотчас после

его смерти в речах знаменитого проповедника и писателя Феофана Прокоповича. В надгробном слове на смерть Петра он называл его «воскресившим, аки от мёртвых, Россию» и сравнивал с библейскими героями: он, «как Самсон, застал тебя, Россия, слабой и дал тебе силу адамантову; он, как Иафет, создал новый флот; как Моисей, дал тебе законы; подобно Соломону, проявил мудрость».

Восторженное отношение к личности и делу Петра Великого у его почитателей того времени превратилось в своего рода культ. Крекшия обращался к его памяти в форме молитвы: «Отче наш, Пётр Великий! Ты нас от небытия в бытие привёл!» Другой почитатель Петра поместил его изображение среди икон и ставил перед ним свечи. Однако наряду с этим в старообрядческой литературе продолжала жить мрачная легенда о Петре как о царе-антихристе.

Выяснить заслуги Петра Великого и показать их с наибольшей чёткостью в XVIII столетии пытался Ломоносов. В «Слове похвальном Петру Великому», написанном в 1755 г., Ломоносов перечислял заслуги Петра, останавливался на его победах над шведами в Северной войне, на создании регулярной армии и военно-морского флота. Он подчёркивал личную роль преобразователя и притом указывал, что его видели «меж рядовыми солдатами», что он был с ними «за одним столом», трудился, как мастер, «копая рвы и взводя землю на раскаты, как рядовой солдат, всем повелевая, как государь». Вслед за военными заслугами Петра Ломоносов отмечал «умножение государственных доходов» в результате введения подушной подати, указывал на административные реформы, устройство сената и коллегий, заботы Петра о просвещении. Ломоносов отмечал, что эти преобразования Петра встречали упорную вражду со стороны противников реформ и что на каждом шагу ему приходилось бороться с врагами реформ. Подводя итоги деятельности Петра, Ломоносов говорит: «Итак, ежели человека богу подобного, по нашему понятию, найти надобно, кроме Петра Великого, не обретаю»².

¹ Соловьёв С. История России с древнейших времён. Кн. 3-я, стр. 1054. Изд. «Общественная польза». СПб. 1896. 2-е изд.

² Ломоносов М. Соч. Т. IV, стр. 361. Изд. Императорской Академии наук. СПб. 1898.

Из иностранных работ о Петре Великом в XVIII столетии надо отметить «Историю России при Петре Великом» Вольтера (1759—1763), получившего от русского правительства необходимые рукописные материалы и сделавшего первый опыт научной разработки истории России в этот период¹.

Восторженное отношение к памяти Петра сочеталось у деятелей XVIII в. с настойчивым стремлением сохранить и собрать исторические материалы о петровской эпохе.

В конце XVIII в. купец И. Голиков начал собирать и издавать материалы о петровской эпохе. Его тридцатитомным изданием «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России» пользовались Пушкин и Белинский и продолжают пользоваться советские историки спустя полтора десятилетия после выхода этого сборника документов. Труд Голикова тем более заслуживает внимания, что некоторые томы этого сборника, как например отдел о Ништадтском мире, являются не только собранием документов, но и ценным историческим исследованием. Следует также упомянуть М. Щербатова, издавшего составленную при Петре «Гисторию Свейской войны» под названием «Журнал или подённые записки Петра Великого», в приложении к которой даны также исключительно ценные документы по истории дипломатии этого периода.

Во второй половине XVIII столетия дворянство добилось освобождения от обязательной службы. После подавления крестьянской войны 1773—1775 гг., руководителем которой был Пугачёв, дворянство перешло к дальнейшему укреплению своей классовой диктатуры. Дворянский публицист Щербатов был недоволен тем, что петровская табель о рангах предоставляла возможность разночинцам, дослужившимся до офицерского чина, получить дворянское звание. В сочинении «О повреждении нравов в России» он указал, что именно с эпохи Петра появляются роскошь и связанное с ней разорение дворянства. Однако и он признавал необходимость проведённых при Петре реформ, устройства армии и флота, учреждения фабрик и т. п. По его мнению, без насильственных мер Россия достигла бы того же уровня лишь через семь поколений или к 1892 году.

В оценке Щербатова проявилось правильное представление о том, что преобразования Петра соответствовали интересам дворянства, и в то же время в критике отдельных преобразований Петра и его «самовластия» он проявил себя как защитник притязаний дворянства на привилегии и власть в стране.

Дальнейшая размежёвка политических сил происходила в условиях всё большего

сбострения классовых противоречий между дворянством и крестьянством. Великий революционер XVIII в. А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» требовал освобождения крестьян и грозил дворянству крестьянской революцией. Он также высказал своё отношение и к петровским преобразованиям. В статье об открытии памятника Петру I в Петербурге Радищев называл Петра «мужем необыкновенным, названне великого заслужившим правильно». Он отмечал огромное значение военных побед Петра и ставил ему в заслугу то, что он «дал первый стремление» своей стране, т. е. двинул её вперёд. Радищев называл Петра «обновителем» и «просветителем» своего народа, но вместе с тем упрекал его в деспотизме, называл «властным самодержавцем, который истребил последние признаки дикой вольности своего отечества»². Радищев обвинял Петра в усилении крепостного права и самодержавия.

С других позиций подвергал критике деятельность Петра Н. М. Карамзин. Первоначально он высказал сочувствие реформам Петра, исходя из просветительных идей того времени. В «Письмах русского путешественника» (1790) Карамзин полностью одобрял заимствования Петра у иностранцев, заявляя, что «всё народное ничто перед человеческим». Но впоследствии в «Записке о древней и новой России» (1811) он подверг резкой критике петровские преобразования. Напуганный французской революцией и крушением феодализма в Западной Европе, Карамзин отрицательно расценивал ломку старинных учреждений и обычаев, проводившуюся Петром. Отмечая заслуги Петра в завоевании Прибалтики, в создании флота, насаждении мануфактур, школ и в основании Академии, Карамзин подчёркивал другую, по его словам, «вредную сторону его блестящего царствования» — страсть Петра «к новым для нас обычаям», его чрезмерное подражание Западу: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России: виною—Пётр». Карамзин говорил, что «Пётр, увидев Европу, захотел сделать Россию Голландией». Он упрекал Петра в утрате национального чувства, ставил ему в укор введение иноземного платья, замену боярской думы сенатом, порчу языка и создание новой столицы среди «зыбей болотных». Карамзин ставил в вину Петру насильственный характер его преобразований, сопровождавшихся, по его выражению, «ужасами самовластия». Он предпочитал консерватизм XVII в., когда изменения делались, по его словам, «постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание, без порывов и насилия»³. Впоследствии славянофилы в своей критике

² Радищев А. Соч. Т. I, стр. 147, 151. Изд. АН СССР. М. и Л. 1939.

³ Карамзин Н. Записка о древней и новой России. Под ред. В. Синовского, стр. 22. СПб. 1914.

¹ Шмурло Е. Пётр Великий в оценке современников и потомства, стр. 52—60. Примечания, стр. 71—84. СПб. 1912.

реформ Петра немного прибавили к аргументам Карамзина.

Но прежде чем перейти к знаменитым спорам западников и славянофилов, необходимо остановиться на отношении Пушкина к петровской эпохе. Великий поэт в поэме «Полтава» создал апофеоз Петра как победителя шведов, как великого полководца, борца за независимость родины. С другой стороны, в повести «Арап Петра Великого» Пётр изображён мудрым и трудолюбивым правителем и преобразователем нравов. Это идеал государя в стиле «просвещённого абсолютизма». Для Пушкина оценка петровских преобразований не была только исторической проблемой — он связывал её с современной ему политической действительностью. В стихотворении «Стансы» Пушкин напоминал Николаю I о Петре Великом как об идеальном монархе, великом примере для подражания.

В поэме «Медный всадник» Пётр представлен как «строитель чудотворный», создавший новую столицу, прорубивший «окно в Европу». Поэт обращается к великому городу: «Красуйся, град Петров, и стой непоколебимо, как Россия». Однако во второй части поэмы Пушкин не только подчёркивал мощь и величие Петра, но говорил, что он «уздой железной Россию поднял на дыбы», рисовал его облик «ужасным». Пушкин в споре Евгения с царём стоял на стороне последнего. Образ Петра у Пушкина отличается сложностью. Поэт подготавливал материалы для сочинения по истории Петра I. Сохранились наброски Пушкина к этому сочинению, вернее конспект, составленный им на основании документов, изданных Голиковым, — «Деяния Петра Великого». Наряду с высокой положительной оценкой Петра Пушкин сделал столь резкие замечания, что Николай I не разрешил напечатать полностью эти материалы. Пушкин считал «тиранским» указ Петра об обязательной явке дворян на смотр в Петербург, он называл его «разрушителем» и «странным монархом». О законодательстве Петра Пушкин говорит: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика»¹. Отношение Пушкина к Петру далеко от восторгов людей XVIII века. Признавая заслуги Петра и его гениальность, Пушкин, однако, не

отказывался от критики — он отмечал деспотизм или абсолютизм Петра I и усиление тягот для народа и для отдельной личности.

Для славянофилов в отношении к петровским преобразованиям наиболее характерны взгляды К. Аксакова. Он исходил из идеи о полнейшем различии древней Руси и Западной Европы. В допетровской Руси Аксаков усматривал «святые начала» — добровольное подчинение народа государству, смирение, крестьянскую общину; русская история до Петра может читаться, по словам Аксакова, как жития святых. Напротив, при Петре государство будто бы совершает губительный переворот: «Пётр захотел образовать могущество и славу земную, захотел, следовательно, оторвать Русь от родных источников её жизни, захотел столкнуть Русь на путь Запада, путь... ложный и опасный»². Славянофилы хотели отгородить Россию от Запада, где промчавшиеся бури революции уничтожили устой феодализма. В реформах Петра они усматривали резкий переворот.

Западники также считали петровские преобразования полным разрывом с прошлым, но они расценивали этот переворот как положительное явление и настаивали на дальнейшем движении по пути реформ, тогда как славянофилы этот путь считали губительным.

Пламенный сторонник Петра, Чаадаев уподоблял допетровскую Русь «чистому листу бумаги», на котором впервые стал писать лишь Пётр I. Реформы Петра он считал необходимыми и в особенности подчёркивал значение военных реформ того времени для сохранения независимости страны. «Если бы Пётр Великий не явился, то, кто знает, может быть, мы были бы теперь шведской провинцией»³, — говорил Чаадаев. Он заявлял: «Я люблю моё отечество, как Пётр Великий научил меня любить его»⁴.

Столь же высокую оценку петровского периода дали революционные демократы Белинский и Герцен.

«Для меня Пётр, — говорил Белинский, — моя философия, моя религия, моё откровение во всём, что касается России. Это пример для великих и малых, которые хотят что-нибудь делать, быть чем-нибудь полезными»⁵. Он выдвигал на первый план европеизацию России при Петре I и придавал огромное значение его военным успехам. Белинский говорил: «Мы избалованы нашим могуществом, оглушены громом наших побед, привыкли видеть стройные громады наших войск, и забываем, что всему этому только 132 года (считая от победы под Лесной, первой великой побе-

² Аксаков К. Соч. Т. I, стр. 53. М. 1882.

³ Чаадаев. Соч. Т. II, стр. 243. М. 1914.

⁴ Там же, стр. 226.

⁵ Белинский. Письма. Т. III, стр. 300. СПб. 1914.

¹ Пушкин А. Соч. Т. X, стр. 256. Изд. АН СССР. 1939.

ды, одержанной русскими регулярными войсками над шведами). Мы как будто все думаем, что это было у нас некими веков, а не с Петра Великого. Мы уже забыли и то, что при Петре Великом у России явился опасный сосед Карл XII, которому нужны были и люди и деньги и который умел бы распорядиться и тем и другим»¹. Основное значение петровских преобразований, по мнению Белинского, заключалось в крутой ломке старого; он называл их «переворотом» или «ужасной бурей». Прославляя Петра, он прозрачно намекал на необходимость ломки всех устоев николаевской монархии и прежде всего крепостного права. В письме к Анненкову, говоря о необходимости освобождения крестьян, Белинский восклицал: «России нужен новый Пётр Великий!». В своих статьях Белинский отмечал огромное значение военной реформы Петра и его внешней политики. Но великий критик неправильно усматривал в петровских реформах революцию. Страстно стремясь к уничтожению крепостного строя, он идеализировал далёкое прошлое. Петровская эпоха не была революцией, власть при Петре оставалась в руках дворянства, а крепостная зависимость крестьян лишь усилилась.

Во всей полноте взгляд на петровскую эпоху как революцию развернул Герцен, он называл Петра «коронованным революционером» и усматривал в его деятельности революцию сверху. «К концу XVII века,— писал Герцен,— на престоле царей появился смелый революционер, одарённый обширным гением и непреклонной волей... это деспот, по образцу комитета общественного спасения»².

Огарёв оценку деятельности Петра также связывал с наиболее жгучими вопросами текущей политики. Во время подготовки освобождения крестьян он написал статью (оставшуюся неопубликованной) под названием «Что бы сделал Пётр Великий?» «Пусть условия нашего века иные,— писал он,— но хотелось бы, чтоб в эти новые условия опять вошла могучая личность с ясным умом и неуклонным преследованием своей цели»³. Исходя из понимания Петра как «великого царя-революционера», Огарёв говорил: «Да! В наше время Пётр Великий с неутомимой деятельностью и гениальной быстротою уничтожил бы крепостное право, преобразовал бы чиновничество и возвысил бы значение науки»⁴. Великие демократы Герцен и Огарёв, высоко оценивая прогрессивный характер петровских преобразований, несомненно, идеализировали их и неправильно усматривали в петровской эпохе революцию.

Следующее поколение революционных демократов — Чернышевский и Добролюбов отошли от этого понимания эпохи Петра, но сохранили высокую оценку его деятельности. Чернышевский писал: «Для нас идеал патриота — Пётр Великий». Чернышевский ставил своей задачей «содействие по мере сил дальнейшему развитию того, что начато Петром Великим». Но Чернышевский возражал против крайней идеализации петровских преобразований Белинским, Некрасовым и Герценом. Он считал, что при Петре изменились только «имена, а не характер вещей»⁵. К сожалению, Чернышевский не развернул своих взглядов полностью, а лишь вскользь указал, что Пётр не столько заботился о культуре, сколько о превращении России в могущественную военную державу.

Новая постановка вопроса отразилась в статье К. Кавелина и в особенности в статьях Н. Добролюбова по поводу работы Н. Устрялова «История царствования Петра Великого». Этот обширный труд (5 томов) представляет значительную ценность, автор приводит в нём огромный новый фактический материал и даёт обширные документы в приложениях, впервые здесь опубликованы документы о царевиче Алексее, извлечённые Устряловым из венского государственного архива; они вошли в отдельный том, посвящённый делу царевича Алексея. Связное и подробное изложение событий эпохи царствования Петра Устрялов довёл лишь до 1708 года.

В своих статьях по поводу работы Устрялова Добролюбов упрекал его в отсутствии критики и в отказе от обобщений. Добролюбов исходил из представления об историческом процессе как развитии национальной жизни. Основным движущим началом в истории, по его мнению, являются не великие исторические личности, а народ. С этой точки зрения он рассматривал и петровскую эпоху: «Пётр разрешал вопросы, давно уже заданные самою жизнью народной,— вот его заслуги». Добролюбов отметил тесную связь преобразований Петра с предыдущим периодом, что привело его к выводу, что «нововведения Петра не были насильственным переворотом»⁶.

Против взглядов славянофилов, считавших реформы внезапным и насильственным переворотом, будто бы лишившим Россию национальности, выступил ещё ранее К. Кавелин. По его мнению, «эпоха реформ наступила у нас не внезапно; она приготовлена всем предыдущим бытом», хотя и он признавал, что «реформа действовала круто, насильственно». История России, по его мнению,— «стройное, органическое разумное развитие нашей жизни». Основным для эпохи реформ Кавелин считал выделение личности, индивиду-

¹ Белинский В. Соч. Т. VI, стр. 190. Под ред. Венгерова. СПб. 1903.

² Герцен А. Сочинения и письма. Т. VI, стр. 325. Пггр. 1919.

³ «Литературное наследство». Сборник № 39—40, стр. 317. Изд. АН СССР. 1941.

⁴ Там же, стр. 391.

⁵ Чернышевский Н. Соч. Т. II, стр. 120—122; Т. I, стр. 815, 747. ГИХЛ. М. 1939.

⁶ Добролюбов Н. Соч. Т. III, стр. 129 и 137. М. 1936.

лизм. «Вся частная жизнь Петра, вся его государственная деятельность есть первая фаза осуществления начала личности в русской истории»¹.

Мысль об органическом развитии русской истории, об отсутствии резкого разрыва между допетровской Русью и эпохой Петра была положена в основу работ крупнейшего русского историка XIX в. С. Соловьёва. В «Истории России с древнейших времён» он называл эпоху Петра «нашей революцией XVIII века», но позднее, в «Публичных чтениях о Петре Великом» (1872), подчеркнул преемственность, неразрывность нашей истории и рассматривал преобразования Петра как результат предшествующего развития. Соловьёв сопоставлял преобразования Петра с преобразованиями Кольбера во Франции, он говорил: «Франция с Кольбером в челе и Россия с Петром Великим в челе действовали одинаково».

Среди петровских преобразований Соловьёв важнейшее место отводил экономическим реформам. «Дело должно было начаться с преобразования экономического,— говорил он.— Россия у себя производила экономический переворот, развивая город, торговлю и промышленность». Нельзя забывать, что Соловьёв был далёк от материалистического понимания истории, причину экономических преобразований буржуазный историк видел в сознании: «Бедный народ сознал свою бедность и причины её через сравнение себя с народами богатыми». Учитывая идеалистический характер построения Соловьёва, всё же надо признать оригинальность и значительность его мыслей, когда он говорит, что петровская эпоха выработала средства для будущего «освобождения села через поднятие города». С. Соловьёв вместе с тем дал цельное и полное изложение истории периода Петра Великого. Эпохе преобразований отведены пять томов его «Истории России с древнейших времён» (томы 14—18). Эта часть труда Соловьёва сохраняет своё значение и до сих пор как цельная фактическая история того времени; особенно ценны главы по истории внешнеполитических отношений, составленные на основе неизданной дипломатической переписки.

В известном курсе русской истории В. О. Ключевского, ученика и преемника Соловьёва по кафедре русской истории в Московском университете, повторена мысль Соловьёва об органической связи допетровской и новой России. Ключевский идёт даже несколько дальше Соловьёва: он начинает новый период не с эпохи преобразований, а с начала XVII в. и тем ещё более сглаживает различия между XVII в. и первой четвертью XVIII столетия, соединяя их рамками одного периода. Но Ключевский считает, что «война была главным движущим рычагом пре-

образовательной деятельности Петра, военная реформа — её начальным моментом, устройство финансов — её конечной целью». С такой оценкой петровских преобразований согласиться нельзя: в ней война и государственное хозяйство оторваны от анализа производительных сил и общественных классов, оторваны от базиса исторического процесса. Надо отметить также, что Ключевский дал неправильную оценку Сезерной войны и полководческого искусства Петра. Полтавская битва, по его мнению, была лишь разгромом «отошавших, обносившихся деморализованных шведов, которых затащил сюда 27-летний скандинавский бродяга». Ништадтский мир Ключевский рассматривал также неправильно — не как блестящее достижение русской дипломатии, каким он был в действительности, а как «запоздалый конец» войны. Он прошёл мимо дипломатических и военных дарований преобразователя; по его словам, Пётр был лишь «хозяин-чернорабочий, самоучка, царь-мастеровой».

Но вместе с тем эта часть курса Ключевского имеет исключительные достоинства: Ключевскому удалось дать художественно яркое и сжатое изложение реформ Петра, особенно удачны биография и характеристика личности Петра. Ключевский проявил себя как великий художник слова, создав непревзойдённый историко-литературный портрет Петра.

П. Милюков, один из учеников В. Ключевского, будущий идеолог русской империалистической буржуазии, в своём исследовании «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» (1892) собрал большой и ценный фактический материал, но его взгляды на эпоху Петра являются неправильными. Определяющим началом преобразований он считал потребность государства в деньгах и солдатах, «война и финансы» совершенно неправильно превращены у него в самодовлеющие факторы истории. Северную войну он рисовал как нечто наносное, находящееся будто бы в резком противоречии со слабыми экономическими ресурсами страны: «Новые задачи внешней политики свалились на русское население в такой момент, когда оно не обладало ещё достаточными средствами для их выполнения... Ценою разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы». С этим связано пребрежительное и, в сущности, отрицательное отношение Милюкова к петровским преобразованиям. Он усматривал в них «неподготовленность, отсутствие общего взгляда, системы», «бесчисленные противоречия», «непрерывную цепь ошибок и недоразумений». В военной истории петровской эпохи он подчёркивал нарвское поражение и неудачу прутского похода, а полтавскую победу считал результатом ошибок Карла XII. Он признавал в Петре «избыток воли и сильное чувство долга», но не военные дарования или выдающегося законодателя и особенно подчёркивал примитивность и грубость его нату-

¹ Кавелин К. Соч. Т. I, стр. 59.

ры¹. Резкая критика Милюковым преобразований Петра коренилась в буржуазных взглядах на роль государственной власти. Милюков исходил из представления о постепенности развития, из необходимости подготовки реформ в тиши кабинетов и канцелярий, опасался всякой решительной ломки. Со времени славянофилов не было более резкой критики преобразований Петра.

Со второй половины XIX в. развернулась научная разработка истории отдельных реформ Петра. Буржуазная историография всего более изучала историю государственных учреждений и административные реформы Петра I. В классическом исследовании В. Ключевского «Боярская дума» выяснено значение «ближней канцелярии», действовавшей в начале царствования Петра I и являвшейся непосредственной предшественницей сената. Кроме посвящённой этой теме работы С. Петровского «О сенате при Петре Великом» (1875), следует отметить обширное издание документов «Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем сенате в царствование Петра Великого» (тт. I—V. СПб. 1880—1892). Наиболее обстоятельно эта тема была разработана в юбилейной «Истории сената за 200 лет» (СПб. 1911). В первом томе этого издания помещена обширная работа А. Филипова о возникновении сената, его функции и организации за первые полтора десятилетия его деятельности. Автор понимал свою задачу весьма широко и дал конкретную картину даже таких институтов, связанных с сенатом, как фискалы и герольдмейстерская контора; в этой работе преобладает конкретное подробное изучение истории центрального учреждения в империи.

В этом отношении выгодно отличается исследование ученика В. О. Ключевского — М. М. Богословского — «Областная реформа Петра Великого» (1902). В ней разработана история второй областной реформы местного управления 1719 года. Но особенно интересно обобщающее введение к этой книге. Автор рассматривает государственную власть Петра как абсолютизм, свойственный всем европейским государствам XVII—XVIII веков. Абсолютная власть при Петре I проникает во все стороны государственной, хозяйственной жизни и частного быта. Пётр оправдывал систему полицейского надзора, опеки и принуждения задачами «общего блага», как он часто говорил в мотивировочной части своих указов. Пётр не только действовал принуждением, он разъяснял свои реформы, поучал и убеждал подданных. Это было необходимо, так как вместо стародавних обычаев, которыми жила допет-

ровская Русь, Пётр вводил новые, планомерно разрабатывая реформы, сопровождая новые учреждения обширными регламентами и инструкциями; характерной чертой петровского законодательства является также его рационализм. По мнению М. Богословского, Российская империя в момент её возникновения была полицейским «регулярным» государством, соответствующим западноевропейскому «просвещённому абсолютизму». Однако эта интересная и ценная работа Богословского имеет тот недостаток, что автор не пытается вскрыть классовые черты петровского государства, он остаётся в кругу буржуазных идеалистических воззрений. Государственная власть выступает в освещении Богословского как нечто независимое от хозяйственных условий и классовых отношений. Не вскрыт феодально-крепостнический характер петровской регламентации, не показано, что «общее благо» на деле понималось при Петре как защита интересов дворянства и означало жестокую эксплуатацию трудовых масс.

Вслед за изучением истории сената и губернской реформы В. Веретенников исследовал возникновение и организацию Тайной канцелярии петровского времени, связанной с «майорскими» следственными комиссиями и делом царевича Алексея. В одной из своих работ он дал анализ указа 1722 г. о должности генерал-прокурора («око царёво») и показал роль Петра в составлении этого указа, а также выяснил влияние на него французского законодательства². Учреждение синода и «духовный регламент» изучены в монографии Н. Верховского³. Буржуазная историография, в которой долгое время преобладало влияние «государственной школы» (Кавелин, Чичерин), исходила из общего представления об основной, определяющей роли государства в исторической жизни. Освещение этих вопросов облегчалось наличием такого монументального издания документов по русской истории XVII—XIX вв., каким является полное собрание законов, выполненное ещё М. Сперанским; пять томов его (тт. III—VII) отведены законодательству Петра I и послужили основным источником для ряда исследовательских работ.

В исторической литературе с конца XIX в. всё большее место начинают занимать темы социальной истории. В связи с этим внимание историков привлекают социальная политика Петра I и её роль в общей истории русского крестьянства, посадского населения, дворянства и духовенства. В. Ключевский остановился на вопросе о слиянии холопства с крестьянством при Петре I в связи с введением подушной подати. Его ученик А. Кизеветтер в исследовании «Посадская община» (1903) на

¹ Милюков П. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в., стр. 543. СПб. 1905. 2-е изд.; Его же. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3-я. Вып. 1-й, стр. 143, 167. СПб. 1909. 3-е изд.

² Веретенников В. История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков. 1910; Его же. Очерки истории генерал-прокурора в России. Харьков. 1915.

³ Верховский Н. Духовный регламент. Т. I—II. Ростов на Дону. 1916.

основании обширного архива главного магистрата и городских магистратов изучил состав посадского населения и ярко показал борьбу, кипевшую на посадских сходах и в магистратах XVIII столетия. Но буржуазные учёные охотнее всего занимались историей социального законодательства и учреждений, оставляя в стороне их связь с основными хозяйственными процессами и с борьбой классов¹.

Для изучения истории экономического развития при Петре большое значение имеют некоторые местные издания («Пермская летопись» В. Шишонко, содержащая акты по истории уральской промышленности) и сочинение И. Кириллова статистико-экономического характера, составленное им в 1727 г. под характерным названием «Цветущее состояние всероссийского государства» и изданное М. Погодиным в 1831 году. Из отдельных монографий надо отметить едва ли не первую историю завода — работу акад. И. Гамеля «Описание оружейного тульского завода» (1826), основанную на архивных данных. Следует указать также многочисленные работы И. Германа по истории горной промышленности. Труд В. Семёнова «Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности» охватывает период с половины XVII в. до середины XIX в. (ч. 2—3-я. 1859) и представляет собой весьма полезную, тщательно выполненную сводку данных полного собрания законов. Некоторое оживление интереса к экономической истории петровского периода намечилось в конце XIX в., повидимому, не только в связи с бурным ростом капиталистического хозяйства, но и в связи с борьбой марксистов против народников. Появляются работы Н. Фирсова и А. Лаппо-Данилевского о торгово-промышленных компаниях в первой половине XVIII столетия, частично написанные на основе архивных данных². Наибольшее значение имела книга М. Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (ч. 1-я. СПб. 1898). Во введении к этой работе затронуты вопросы о петровской фабрике. При всех достоинствах этой книги, как

¹ Ключевский В. Подушная подать и отмена холопства. Опыты и исследования. Первый сборник статей. М. 1912; Романович-Словатинский. Дворянство в России. Киев. 1912. 2-е изд.; Знаменский Н. Приходское духовенство в России. Казань. 1873; Дятлин И. Устройство и управление городов в России. Т. I. СПб. 1875; Семеновский В. Крестьяне при Екатерине II. Т. I—II. СПб. 1881—1901; Клочков М. Население России при Петре Великом. СПб. 1911.

² Фирсов Н. Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII в. Казань. 1897. 1-е изд.; Казань. 1922, 2-е изд.; Лаппо-Данилевский А. Русские торговые и промышленные компании в первой половине XVIII века. СПб. 1899.

первой научной истории русской промышленности, в ней проявилась неспособность буржуазного учёного выйти за пределы фактического материала. М. Туган-Барановский объяснял возникновение фабрик и заводов при Петре, исходя из антинаучного понятия «торгового капитализма» как особой стадии экономического развития. Этот совершенно неправильный взгляд нашёл отражение затем в работах М. Покровского. В общем экономическая история петровского периода, за исключением истории финансов и денежного обращения³, оставалась слабо разработанной в дореволюционной исторической литературе.

Было собрано и издано много документального материала по истории внешней политики Петра I, но его монографическая обработка была недостаточной. Прежде всего следует назвать сборники Русского исторического общества, в которых опубликованы донесения иностранных послов из России своим правительствам. С особой полнотой издана переписка английских и французских послов того времени. Наряду с этим вышло монументальное «Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией» под редакцией Ф. Мартенса; каждому приводимому договору предшествует вступительная статья редактора⁴. Весьма ценным является издание «Архива Куракиных» (10 томов), начинающегося с документов по петровской эпохе.

Основной общей научной работой, охватывающей дипломатическую историю петровской эпохи в целом, являлись соответствующие главы «Истории России» С. Соловьёва. Следует отметить исследование М. Полиевктова «Балтийский вопрос после Ништадтского мира» и П. Безобразова «О сношениях России с Францией» (М. 1892).

Дореволюционная наука оставила большое литературное наследие по истории военного искусства при Петре и его военной реформе. Эти темы изучали преимущественно военные специалисты, и разработка их началась ещё в первой половине XIX века. Из этих работ сохраняет значение статья военного историка генерала Леера «Пётр Великий как военный гений»⁵, а также известные работы П. Бобровского, Д. Масловского, Н. Михневича, Н. Байова и др. по истории русского военного искусства и истории войн. Наиболее полно изучен полтавский период великой Северной войны; этой теме посвящены большая работа Н. Юнакова «Северная война» (т. I—II. СПб. 1909) и два тома документов издания Военно-исторического общества. Следует также отметить тщатель-

³ Кауфман И. Серебряный рубль. СПб. 1910.

⁴ Сборник Русского исторического общества. Тт. 34, 39, 40, 49, 50, 52, 61, 25, 15; Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций. Тт. I, V, IX—X, XIII. СПб. 1874—1909.

⁵ «Военно-исторический сборник» за 1865 год.

но выполненную по архивным данным работу Н. Мышлаевского, показавшую высокое мастерство русской армии в финляндском походе¹. Славная история русской гвардии освещена в монографиях по истории отдельных полков. Несколько работ имеется по истории русского флота; надо указать также много томный сборник документов, составленный Елагиним, — «Материалы по истории русского флота (Азовский период)», а также «Материалы по истории Гангутской битвы», изданные архивом морского министерства (СПБ. 1914—1918). Последнее издание не ограничивается сведениями о ходе Гангутской операции, а даёт материал о дипломатических переговорах с Данией по поводу предполагавшегося совместного нападения русского и датского флотов на Швецию и, что особенно важно, содержит в переводе шведские источники, показывающие, какое сильное впечатление произвела на шведское общество эта крупная победа русских на море.

Наконец, остановимся кратко на истории общественно-политической мысли и истории культуры при Петре, а также на разработке биографий Петра Великого и его ближайших сотрудников. Для истории общественной мысли большое значение имеет открытый М. Погодиным экономический трактат И. Посошкова «Книга о скудости и богатстве» (1724), напечатанный им впервые лишь в 1842 году. Вслед за ним были изданы другие сочинения Посошкова богословского и моралистического содержания. Книга А. Брикнера о Посошкове вскрыла меркантилистический характер экономических идей Посошкова и поставила его в один ряд с западноевропейскими писателями меркантилизма. Переведённая на немецкий язык книга Брикнера сделала имя нашего первого экономиста широко известным в Западной Европе. Трактат Посошкова примыкает к «литературе проектов» петровского времени, изученной Н. Павловым-Сильванским. Он делит петровских прожектёров на две группы — «московских прогрессистов» и «крайних западников». Было бы правильное провести деление их по классовому направлению, среди них были представители дворянства (Ф. Салтыков) и податных классов, главным образом из городского промышленного и торгового сословия, как, например, Посошков².

Изучению деятельности крупнейшего политического писателя и проповедника петровской эпохи Феофана Прокоповича посвящены труды Ф. Самарина, Г. Чистовича, П. Морозова, Г. Гурвича. Взгляды противников петровских реформ освещены в кни-

ге Г. Есипова «Раскольничьи дела XVIII в.» (т. I—II. СПб. 1861—1863). Незадолго до революции 1917 г. была напечатана статья А. Лаппо-Данилевского об «идее государства» в русской истории, являющаяся докладом автора на международном съезде историков в Лондоне. Автор указывает, что петровское государство начинает терять теократический ореол и нуждается в светском обосновании абсолютизма; из передовой западноевропейской политической литературы XVII в. была заимствована идея «общего блага». Недостаток этой работы заключается в том, что политическую идеологию автор показал оторванно от базиса, от исторической, экономической и социальной жизни России. В работе Г. Гурвича сделана интересная и ценная попытка выяснить источники политического трактата Ф. Прокоповича «Правда воли монаршей» (1722), в котором дано обоснование петровской абсолютной монархии аргументами теории естественного права³.

Г. В. Плеханов в петровской эпохе видел борьбу Востока и Запада, передовых европейских начал с «азиатскими», которыми, по его мнению, характеризуется допетровская Русь. Это противопоставление прешит забвением того, что «азиатские» стороны русской истории (самодержавие, крепостное право и т. п.) являются характерными чертами феодализма, в разных формах свойственных как Азии, так и Европе. Плеханов не шёл дальше представления об европеизации страны при Петре I, но в его работе «История русской общественной мысли» ценной является попытка выяснить классовую основу отдельных течений политической мысли при Петре I. Он справедливо подчёркивал узко дворянский характер воззрений В. Татищева и признавал И. Посошкова выразителем интересов среднего купечества и вообще податных классов.

Научную разработку истории культуры при Петре I начал И. Н. Пекарский в книге «Наука и литература в России при Петре Великом» (т. I—II. СПб. 1862). Наряду с материалами по истории литературы следует отметить прекрасное двухтомное издание первой русской газеты «Ведомости»⁴. По истории искусства при Петре I много сделал И. Грабарь; в своей «Истории русского искусства» он особенно ярко показал архитектуру при Петре I и строительство Петербурга. Для изучения биографии Петра первостепенное значение имеет образцовое издание «Писем и бумаг Петра Великого» (т. I—VI. СПб. 1882—1912. Т. VII. Петроград. 1918). Это

¹ Мышлаевский Н. Пётр Великий. Война в Финляндии. СПб. 1896.

² Брикнер А. Иван Посошков. Ч. I-я. «Посошков как экономист». СПб. 1876; Павлов-Сильванский Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб. 1897.

³ Лаппо-Данилевский А. Идея государства и главнейшие моменты её развития. «Голос минувшего» № 12 за 1914 г.; Гурвич Г. «Правда воли монаршей» Ф. Прокоповича и её западноевропейские источники. Юрьев. 1915.

⁴ «Ведомости времени Петра Великого». Т. I—II. Изд. Синодальной типографии. М. 1902—1905.

капитальное собрание документов необходимо не только при изучении личности преобразователя, но и всей его эпохи в целом. Большое количество воспоминаний, дневников и записок сотрудников Петра и его современников, как русских, так и иностранцев, помогает восстановить быт эпохи и характерные черты людей того времени. Большое значение имеют дневники и воспоминания петровского дипломата Б. Куракина, а также П. Толстого, А. Матвеева, И. Неплюева, иностранцев — Берхгольца, Фонерадта, Юста Юля, де Бруина и др.

Таким образом, к началу XX в. исследователи имели обширную литературу для изучения эпохи Петра Великого и его личности. Эта разнообразная литература о Петре Великом, которую мы не могли здесь осветить во всей полноте, должна быть использована каждой серьёзной работой о преобразователе. Ею воспользовался и М. Н. Покровский в «Русской истории с древнейших времён». Считая себя марксистом, он пытался исходить из анализа экономических явлений и классовой структуры русского общества. Но в действительности Покровский был представителем экономического материализма и оставался в плену буржуазных исторических воззрений. М. Покровский дал отрицательную оценку роли и значения петровских реформ; он усматривал в них переворот, в основе которого будто бы лежал переход власти от дворянства к буржуазии. Основой этого переворота он считал пресловутый «торговый капитализм», концепция, заимствованная им у М. Богданова и М. Туган-Барановского. М. Покровский пренебрежительно отнёсся к внешней политике Петра, считая, что она отражала только интересы торгового капитала, который будто бы заставил Петра «биться двадцать лет за берега Балтийского моря»; он не остановился на событиях Северной войны, ничего не сказал о полтавской победе. В новых административных учреждениях, как сенат, коллегии и фискалы, Покровский совершенно неправильно видел господство торговой буржуазии, за которым впоследствии будто бы наступила «дворянская реакция». Промышленное строительство Петра он считал неудачным и говорил, что большая часть основанных в то время фабрик должна была закрыться, испытывала экономический кризис и потерпела «крах». Покровский также не придавал большого значения культурным реформам Петра. Личность Петра в его освещении потеряла черты выдающегося деятеля, он видел в нём лишь грубого солдата и мастерового, орудующего дубинкой и к концу жизни будто бы близкого к безумию.

В отрицательном отношении к Петру и в пренебрежении к его военной реформе и внешней политике М. Покровский следовал за П. Милюковым. Насколько далёк он был от марксизма, показывает полное забвение им классовой борьбы, он прошёл мимо народных восстаний, которыми была богата эпоха царствования

Петра. Его концепция находится в резком противоречии со взглядами Маркса и Энгельса, которые называли Петра «действительно великим человеком»¹ и с особым вниманием изучали его внешнюю политику. Советская историческая наука порвала с антимарксистской концепцией М. Покровского русской истории и тем самым расчистила путь для подлинно научной работы, в том числе и для разработки истории петровского периода².

Подводя итоги дореволюционной исторической литературы о Петре I и его времени, надо признать, что была проведена большая работа по собиранию и изданию обширного документального материала. Наряду с издаваем первоисточников шла работа по изучению фактической истории петровского периода, выразившаяся как в общих работах и курсах, так и в монографической разработке истории отдельных реформ, главным образом административных. Эпоха Петра I находилась в центре исторических споров и интересов.

При этом все прогрессивные и революционные деятели давали высокую оценку деятельности Петра и видели в нём гениального представителя своего народа; вместе с тем первоначальное, безраздельное восторженное отношение сменялось более вдумчивой и критической оценкой. Горячими сторонниками Петра были Ломоносов, Пушкин, Белинский, Герцен, Огарёв, Чернышевский, Плеханов. Напротив, представители реакционных течений, со страхом следившие за приближением гибели феодального, а затем капиталистического строя, повёртывались спиной к людям петровской эпохи, усматривая в ней опасный пример нововведений или даже переворота. Карамзин, славянофилы и Милюков — таковы реакционные противники Петра в историографии и публицистике XIX века. Источником ошибок и извращений М. Н. Покровского в отношении Петра I является то, что он оказался в плену буржуазных воззрений, неправильных и враждебных марксизму.

Уже в дореволюционной науке, начиная с Соловьёва, было твёрдо обосновано представление о петровских преобразованиях как о реформах, имевших глубокие корни в предшествующем переходном периоде; с этим связан отказ от представления о петровской эпохе как о резком разрыве со стариной, как о революции. Однако дворянская и буржуазная наука не могла вскрыть сущность петровских преобразований, так как не понимала их классовой и экономической природы. Отсюда многочисленные ошибочные построения и извращения. История производительных сил, история классов, классовая

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 12.

² См. сборник «Против антимарксистской концепции М. Покровского». Ч. 2-я. Изд. Академии наук СССР. М. 1940, статья Б. Кафенгауза «Реформы Петра в оценке Покровского».

борьба и отчасти внешняя политика Петра остались непонятыми, так же как не понята была природа государства, сущность империи Петра I.

II

Маркс и Энгельс весьма интересовались петровской эпохой и специально занимались изучением её. Маркс писал Энгельсу о своих занятиях в Британском музее: «В музее я сделал несколько исторических открытий о первых десятилетиях восемнадцатого и конца семнадцатого века, касающихся борьбы между Петром I и Карлом XII (шведским)»¹. Маркс и Энгельс особенно интересовались внешней политикой Петра, усматривая в ней истоки последующего могущества России. Наиболее характерной чертой внешней политики Петра Маркс считал стремление овладеть морскими берегами, отнятыми у русских шведами. Успехи внешней политики привели к росту экономических и культурных связей с Западной Европой. Энгельс высоко ценил Петра I как руководителя русской внешней политики и называл его «действительно великим человеком» и «дальновидным монархом». Он ставил в заслугу Петру то, что Петр «первый вполне оценил изумительно благоприятную для России ситуацию в Европе. Он ясно увидел, наметил и начал осуществлять основные линии русской политики как по отношению к Швеции, Турции, Персии, Польше... так и по отношению к Германии»². Маркс и Энгельс указывали на положительное, прогрессивное значение внешней политики Петра. Вместе с тем основоположники марксизма отметили возрастающее при Петре «угнетение крестьян»³.

Ленин также отмечал прогрессивное значение петровских реформ: «Пётр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»⁴. Следует также отметить указанные Лениным особенности политического строя Российской империи: «Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничьидворянскую монархию XVIII века»⁵. В отличие от самодержавия XVII в. с боярской думой Ленин говорил о самодержавии «XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещённого абсолютизма»⁶.

К двухсотлетию основания Петербурга, в 1903 г., Петербургский большевистский комитет выпустил две листовки, в которых говорилось, что Пётр Великий был

«умным и сильным человеком» и «принёс немало пользы для своего времени»; он сумел «прорубить окно в Европу», его реформы были попыткой ввести Россию в семью европейских народов. Но вместе с указанием на прогрессивное значение деятельности Петра в листовках отмечались деспотизм Петра и порабощение народа⁷.

Товарищ Сталин показал значение петровской экономической политики для борьбы с отсталостью России: «Когда Пётр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости»⁸. В беседе с Эмилем Людвигом товарищ Сталин дал характеристику классовой природы государства Петра Великого: «Да, конечно, Пётр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Пётр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождающемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счёт крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»⁹.

В соответствии с указаниями партии и правительства от 26 января 1936 г. разоблачению взглядов так называемой школы М. Покровского посвящён сборник Академии наук СССР «Против антимарксистской концепции М. Покровского». В статьях акад. Е. Ярославского, чл.-корр. АН СССР А. Панкратовой, М. Джервис и Б. Кафенгауза, помещённых в этом сборнике, были вскрыты также ошибки Покровского в понимании петровской эпохи.

Советская историческая наука сделала немало для выяснения некоторых сторон петровской эпохи, оставленных в тени буржуазными учёными. Прежде всего советские историки приступили к разработке экономики петровской эпохи, а также к истории отдельных народов и истории классовой борьбы и народных восстаний в этот период. Позднее советские учёные перешли к истории внешней политики, военной реформы, уяснению природы государства Петра I, а также к изучению его биографии. Параллельно разработке отдельных проблем складывалось общее понимание этой эпохи. Как всякая крупная проблема, деятельность Петра продолжает вызывать споры.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXII, стр. 112.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 12.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 370. Marx. Secret diplomatic history of the eighteenth century. Cap. VI. London, 1899.

⁴ Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 517.

⁵ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 83.

⁶ Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 18.

⁷ Листовки петербургских большевиков (1902—1917). Т. I, стр. 88—89. Огиз. 1939.

⁸ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 359. 9-е изд.

⁹ И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 6. Партиздат. 1937.

Благодаря указаниям товарища Сталина, постановлениям партии и правительства, начался новый этап развития исторической науки, характеризующийся изданием новых советских учебников и ростом исследовательской литературы¹.

Прежде всего отметим советские публикации документов по эпохе Петра; наряду с продолжением изданий, начатых до революции, были выдвинуты и совершенно новые темы и задачи по сборам и изданию архивных материалов. Несмотря на тяжёлые условия интервенции и гражданской войны, в 1918 г. вышли также исключительные по своему значению сборники документов, как VII том «Писем и бумаг Петра Великого» под редакцией И. Бычкова и А. Лаппо-Данилевского, и последний выпуск замечательных по богатству и новизне данных — «Материалы по истории Галгутской битвы» (Пггр. 1918) под редакцией Г. Князева и Н. Новикова. Вслед за тем были начаты подготовка и выпуск новых материалов по темам, не затронутым дореволюционными архивистами, именно по истории промышленности, истории отдельных народов и народных восстаний при Петре I, как «Булавиноское восстание», «Материалы по истории Башкирской АССР» и др.; это является крупной заслугой советских учёных. Параллельно с выходом ряда томов первоисточников производилась научно-исследовательская работа. Остановимся кратко на некоторых, наиболее характерных её моментах.

«История развития общества есть, прежде всего, история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей»². В соответствии с этим советские учёные значительно продвинули вперёд изучение хозяйственной жизни, главным образом истории крупной промышленности при Петре I. Ряд публикаций архивных материалов углубил и отчасти по-новому осветил раннюю историю русской промышленности. Обширное издание документов под названием «Крепостная мануфактура в России» содержит впервые публикуемый материал по истории тульских, каширских и олонечких железных и медных заводов и дворцовой полотняной мануфактуры за весь XVII в., охватывая, таким образом, и ранние годы царствования Петра. Это издание содержит также материалы по истории суконного производства в XVIII в., и о положении рабочих на мануфактурах XVII и XVIII веков.

Большое значение имеет издание труда знаменитого инженера Геннина, начальника олонечких железных заводов, стоявшего

го затем во главе уральских казённых заводов³. Интересные данные о мелкой промышленности собраны в изданных Академией наук «Материалах по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX века» (ч. 1-я. Л. 1935).

В исследовательской литературе, частично связанной с этими публикациями, был освещён ряд крупных проблем. Заводы XVII в. были типичной мануфактурой со значительным числом рабочих, частью наёмных, частью из приписных крестьян и крепостных людей. В трудах покойного проф. П. Любомирова рассматриваются организационная структура промышленных предприятий и географическое размещение их в XVIII в., в том числе и в петровский период⁴. Автор выяснил, что значительная часть тогдашних заводов были крупными предприятиями с большим числом рабочих, с централизацией производственного процесса и наличием разделения труда. Производственный процесс обычно целиком был сосредоточен в стенах мануфактуры с проведением специализации по отдельным цехам и рабочим. Централизация особенно ярко проявлялась в металлургии и металлообработке. Заводы того времени были «вододействующими». В книге В. Данилевского показаны огромные достижения русских гидротехников XVIII века⁵.

Особенно внимательно исследована история развития металлургии при Петре I. П. Любомиров с особым вниманием останавливался на возникновении уральской металлопромышленности при Петре и на развитии этого важнейшего промышленного района в XVIII веке. В работах М. Злотникова, Н. Бакланова, акад. С. Струмилина и Д. Кашишцева показано быстрое развитие металлопромышленности в России того времени. Первый из них в вступительной статье к «Абрисам» Геннина привёл новые

³ «Крепостная мануфактура в России». Труды Археографической комиссии и Историко-археографического института. Ч. 1-я. «Тульские и каширские железные заводы». Изд. АН СССР. Л. 1930; ч. 2-я. «Олонечкие медные и железные заводы». Л. 1931; ч. 3-я. «Дворцовая полотняная мануфактура XVII в.». Л. 1932; ч. 4-я. «Социальный состав рабочих». Л. 1934; ч. 5-я. «Московский суконный двор». М. 1934.

⁴ Любомиров П. Очерки по истории русской промышленности XVIII и начала XIX вв. «Прибой». 1930; Его же. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России. Огиз. М. 1937.

⁵ Данилевский В. История гидросиловых установок России до XIX в. Л. 1940.

¹ «Двадцать пять лет исторической науки в СССР», стр. 12—16. Изд. АН СССР. 1942.

² История ВКП(б). «Краткий курс», стр. 116. 1938.

данные об этом выдающемся деятеле петровской промышленности Н. Бакланов вскрыл дальнейший рост разделения труда и специализации в металлопромышленности XVIII в. по сравнению с предшествующим столетием: в XVIII в. было 40 цехов вместо 9, имевшихся на заводах XVII в.; появились такие мастерские или цехи, как проволоочный, лудильный, слесарный и т. д.

Академик С. Струмилин изучил рост производительности труда в XVIII в. в русской металлургии и вместе с Д. Кашинцевым уточнил общие цифры продукции металлопромышленности при Петре, показал технику, организацию производства, размеры выпускаемой продукции и условия труда. Он подчеркнул условия, подготовившие мировое первенство, которое завоевал Урал во второй половине XVIII в., когда уральское железо вывозилось в Западную Европу и в том числе в Англию¹. Необходима столь же тщательная разработка истории других отраслей петровской промышленности; о значении этой темы свидетельствует статья Е. И. Заозерской «Поиски каменного угля при Петре I». До сих пор данные по этому вопросу ограничивались двумя краткими указами 1721 и 1723 гг. о посылке на Дон подьячего Капустина. Автор выяснил, что Капустин копал уголь в Воронежской губернии с партией из 15 рабочих, и кроме того были выписаны из Англии специалисты — Джордж Никсон и другие мастера, которые руководили разведками в районе Бахмута с артелью из 194 рабочих. Пётр I внимательно следил и лично направлял эти работы. Никсон, исследовав докедский уголь, дал положительное заключение: «Я надеюсь, что здесь добрый угольный завод завести и повсягодно много угля добывано быть может»².

В вводной статье М. Вяткина к изданию «Московский суконный двор» рассматривается общий вопрос о социальной природе мануфактуры при Петре I и в последующий период XVIII века. Автор пришёл к выводу, что владельцы не были полными собственниками мануфактуры, передажей им казной. Право собственности оставалось за государством, а владение мануфактурой было условным, связанным с рядом обязательств (поставка сукна в казну и т. п.). Для владельцев это было типично феодальное право, «условное владение при сохранении верховной собственности «dominium» за со-

бирательным феодалом — государством»³. Наёмные рабочие постепенно закрепощались, но они не прекращали борьбы за свои права. Они обращались к правительству с челобитными, добивались повышения заработной платы. Автор указывает, что здесь уже зарождались новые, капиталистические отношения, хотя и прикрытые феодальной оболочкой. Эта проблема требует дальнейшего изучения.

Две статьи покойного историка И. Мешалкина посвящены анализу географического размещения петровской промышленности. Главными промышленными районами при Петре I были: узкоспециализированные районы металлургии — Урал, Тульско-окский и Карелия; районы с преобладанием тяжёлой промышленности — Петербург, Липецко-Воронежский и Казанский; районы с преобладанием переработки животного, растительного и строительного сырья — центр; районы, специализировавшиеся на переработке сельскохозяйственного сырья, — Украина и Центрально-чернозёмный район. Отсутствие карты является досадным недостатком этих статей⁴.

Большого внимания заслуживает изучение управления и руководства промышленностью со стороны государственной власти. Экономическая политика Петра I была последовательно меркантилистической, она характеризуется привилегиями, ссудами и другими покровительственными мерами и вместе с тем мелочным контролем и регламентацией производства и сбыта частных предприятий. Этой теме посвящена монография Д. Бабурина «Очерки по истории мануфактур-коллегий» (М. 1939). Автор проследил деятельность мануфактур-коллегий по надзору над фабриками и рабочими и детально выяснил историю составления регламента мануфактур-коллегий, излагающего основные начала петровской промышленной политики, проникнутой определённой классовой тенденцией, покровительством наиболее крупным предпринимателям — «компанейщикам». Регламент является переработкой отдельных привилегий и указов и подводит итоги петровской практики в регулировании производства.

Прогрессивная экономическая политика Петра I являлась попыткой преодолеть технико-экономическую отсталость России и содействовать росту нарождавшегося купеческого класса. Работы П. Любомирова и других исследователей петровской крупной промышленности являются большим достижением по сравнению с имевшимися работами дореволюционных буржуазных историков — М. Туган-Барановского, А. Лаппо-Данилевского, Н. Фирсова.

Привлекает внимание вопрос о дальнейшем развитии при Петре I единого все-

¹ Злотников М. Первое описание уральских и сибирских заводов (вступительная статья к книге В. Геннина); Бакланов Н. Техника металлургического производства XVIII века на Урале. М. и Л. 1936; Струмилин С. Чёрная металлургия в России и СССР. Технический процесс за 300 лет. М. 1935; Кашинцев Д. История металлургии Урала. Т. I. М. и Л. 1939.

² «Известия Всесоюзного географического общества». Т. 75. Вып. 2-й, стр. 55. 1943.

³ «Крепостная мануфактура в России». Ч. V. «Московский суконный двор». М. и Л. 1934. Статья М. Вяткина «К вопросу истории крепостной мануфактуры», стр. XXVIII.

⁴ «Известия Всесоюзного географического общества». Т. 72. Вып. 3-й. 1940. Т. 73. Вып. 2-й. 1941.

российского рынка. В работе С. Бахрушина «Торги новгородцев Кошкиных» изучена крупная торговля со шведами железом и в особенности медью. Эта работа помогает выяснить особенности рынка металлов в условиях Северной войны, которые привели к лихорадочному строительству уральских и других заводов. В другой статье — «Торги гостя Никитина в Сибири и Китае» — С. Бахрушин на примере торговых операций московского гостя Гаврилы Никитина показал особенности внутренней торговли в конце XVII века. Никитин торговал в разных концах страны, отправлял товары в Сибирь и Китай, имел большое количество агентов и приказчиков. Эта торговля связана с экстенсивными методами, со стремлением сорвать всеми мерами большие барыши, с торговлей разнообразными товарами¹.

Интересные данные о планах развития внешнеторговых отношений содержатся в статье Т. Крыловой «Отношения России и Испании в первой четверти XVIII века». Русский представитель в Испании Зотов имел в виду использовать также выгоды от торговли с Америкой, он писал: «К нам также будут летать гишпанские лиястры, как и во Франции, отчего она разбогатела». В этой связи представляет большой интерес впервые опубликованный проект В. Геннина о сооружении канала, соединяющего Волгу с Москворежкой. Работа по прорытию канала даже не была начата: она была признана «зело велика». Но этот проект характеризует широту интересов Петра I².

История торговли и в особенности история сельского хозяйства и крестьянства при Петре изучена недостаточно, более глубокое изучение этих вопросов является одной из наших очередных задач. Следует отметить новые работы А. Шапиро о сельской общине при Петре и К. Сивкова об отписных книгах, как неизученном источнике для характеристики помещичьего хозяйства, а также его же статью по истории церковного и монастырского землевладения³.

¹ Бахрушин С. Торги гостя Никитина в Сибири и Китае. «Труды Института истории». Сборник статей, Вып. 1-й. Изд. 1-е. МГУ. М. 1926; Его же. Торги новгородцев Кошкиных. «Учёные записки МГУ им. Ломоносова». Вып. 41-й. «История». Т. I. М. 1940.

² «Красный архив» № 6 за 1937 год. «Проект Геннина о сооружении канала Волга — Москва»; Крылова Т. Отношения России и Испании в первой четверти XVIII века. Сборник «Культура Испании», стр. 339. Изд. АН СССР. Л. 1940.

³ Шапиро А. Крестьянская община в крупных вотчинах первой половины XVIII века. «Учёные записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского», Т. I (XIV). Саратов. 1939; Сивков К. Отписные книги начала XVIII века как исторический источник. «Проблемы источниковедения». Т. III. Изд. АН СССР. М. и Л. 1940; Его же. К истории землевладения в России в начале

Следующей крупнейшей проблемой, поставленной советской исторической наукой, является изучение истории отдельных народов в эпоху Петра Великого. Назову некоторые из выполненных работ. В «Документах и материалах по истории Мордовской АССР» собран обширный материал, изданный прежде, но разбросанный по различным малодоступным изданиям. Собранный теперь воедино, он даёт весьма выразительную картину положения мордовского народа в конце XVII и в первой четверти XVIII веков. Здесь помещены сведения из переписных книг о мордовском населении, указы монастырей-вотчинников о сборе оброков и повинностях мордвы, данные «новокрещённых», жалобы мордвы на злоупотребления местных чиновников, миссионерские дела. Другое издание — «Материалы по истории Башкирской АССР» — содержит богатый архивный материал и помогает уяснить процесс феодализации в Башкирии, появление местной землевладельческой знати — «тарханов» и крепостных — «тептерей» и постепенный переход башкир под влиянием русского населения от кочевого хозяйства к оседлому, земледельческому. Вместе с тем этот сборник показывает, как притеснения башкир приводили их к восстаниям, в которых с большой силой проявились классовые противоречия между башкирскими феодалами и угнетаемой ими, народной массой, что помогало правительству подавлять восстания.

Особый сборник документов («Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке». Л. 1935) освещает историю народов Камчатки и Чукотки в XVIII в., где под влиянием русского завоевания происходил ускоренный процесс перехода от первобытно-общинного строя к феодальному. На основе новых материалов А. Чулошников, А. Гераклитов, В. Лебедев, С. Окунь дали научно-исследовательские работы по истории отдельных народов в указанный период. Истории прибалтийских народов при Петре I посвящена специальная монография Я. Зутиса⁴. Советские историки приступили к изучению истории отдельных народов эпохи Петра Великого в их тесной связи с наиболее передовым русским народом, великая культура которого оказывала сильнейшее влияние на культуру других народов нашего Союза.

XVIII века. «Известия Академии наук СССР» № 3 за 1933 год.

⁴ «Документы и материалы по истории Мордовской АССР». Т. II. Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Саранск. 1940. «Материалы по истории Башкирской АССР». Ч. 1-я. Изд. АН СССР. М. и Л. 1936. «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке», сост. С. Окунь. Л. 1935. Зутис Я. Политика царизма в Прибалтике в первой половине XVIII в. М. 1937. Гераклитов А. Алатырская мордва. Саранск. 1938. Его же. Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII—XVIII веков. Саранск. 1930 и другие работы.

При изучении истории петровской эпохи важнейшей темой являются мощные народные восстания, потрясавшие Российскую империю с момента её образования. Буржуазные историки с пренебрежением относились к этим восстаниям, рассматривая их как движения анархического характера, как борьбу казачества против государства. Заслуга советских историков состоит в выяснении подлинного характера этих бурных проявлений классовой борьбы как восстаний против феодального и колониального гнёта, за свободу многомиллионного крепостного крестьянства. Товарищ Сталин говорил: «Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачёв и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетённых классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнёта»¹.

Для углублённого исследования Булавинского восстания большое значение имеет сборник новых материалов, изданный Академией наук. В нём приведены документы, помогающие понять основные причины восстания: сыск на Дону правительством беглых крестьян, земельные споры казачества с помещиками и монастырями и т. п. Наиболее обширный раздел сборника рисует ход восстания в Азовской губернии, а также в районах Тамбова, Воронежа, Слободской Украины. Документы вскрывают идеологию восстания; письма и прокламации Булавина и его атаманов проникнуты острой ненавистью к боярам, воеводам и казацким старшинам. Но Булавин готов был верно служить Петру, движение носило «царистский» характер².

Сборнику предшествуют обстоятельные статьи А. Чаева о восстании на Дону и В. Лебедева о крестьянских восстаниях в центральных уездах, разгоревшихся в годы Булавинского восстания. В первой статье показаны классовое расслоение среди казачества, политика царизма на Дону и дан марксистский анализ восстания. В статье В. Лебедева выяснено, что одновременно с этим происходило крестьянское движение в 60 уездах. В. Лебедеву принадлежит также отдельное исследование о Булавинском восстании, где показан конкретный ход восстания крестьянства против феодального гнёта. Кроме того он же написал статью об Астраханском городском восстании 1705 года. Автор показал основную движущую силу восстания — бурлаков и рабочих людей с соляных разработок и стрелецкую массу. Наряду с ними на первой стадии восстания временно примкнули к нему купцы и командный состав стрельцов, вскоре изменившие движению и со-

действовавшие его разгрому. Башкирское восстание 1705 г. освещено в отмеченных выше «Материалах по истории Башкирской АССР» и в статьях В. Лебедева и А. Чулошникова. Здесь показано, между прочим, какими методами действовали на местах петровские «прибыльщики». Причины неудач этих восстаний вскрыты товарищем Сталиным. «Крестьянские восстания, — говорит товарищ Сталин, — могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели. Кроме того, говоря о Разине и Пугачёве, никогда не надо забывать, что они были царстами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя»³.

Ряд статей о стрелецком бунте 1682 г. восполняет имеющийся пробел в изучении этого движения. Л. Черепнин проследил в связи с этим движением обострение классовой борьбы на юге страны. В статье С. Богоявленского «Хованщина» показано конкретное развитие хованщины. В работе А. Штрауха «Стрелецкий бунт 1682 г.» дана детальная картина восстания 1682 г. в Москве. Автор связывает это движение с посадским торгово-промышленным населением, частью которого являлись стрельцы⁴. Недостатком работы А. Штрауха является то, что в ней не показана реакционная сущность стрелецких бунтов.

Большой и важной задачей является изучение проблемы государства при Петре I и его классовой природы. Эта проблема остро поставлена в книге проф. Б. Сыромятникова «Регулярное государство Петра Первого и его идеология» (М. 1943), возбуждавшей много споров и вызвавшей наряду с положительной оценкой также резкую критику. Прежде чем перейти к этой работе, отмечу ряд статей акад. М. Богословского, которые дают ценный материал для изучения ранних преобразований государственных учреждений. М. Богословский показал процесс постепенного угасания боярской думы. Структура центральных ведомственных учреждений, приказов, также претерпевала ряд изменений. Вместо 44 приказов к 1701 г. число их сократилось до 35, при этом возникли некоторые новые, как например Приказ рудокопных дел. Несколько приказов объединялись под руководством одного начальника, имелось семь подобных объединений. Эти изменения подготавливали почву для будущих петровских учреждений — Сената и коллегий. Первая городская реформа состояла в учреждении ратуши, или бурмы.

¹ И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 23. Партиздат. 1937.

² «Труды Историко-археографического института АН СССР». «Булавинское восстание 1707—1708». М. 1935.

³ И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 24.

⁴ Штраух А. Стрелецкий бунт 1682 года. М. 1928; Черепнин Л. Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства. «Исторические записки». Т. IV. 1938; Богоявленский С. Хованщина. «Исторические записки». Т. X. 1940.

стерской палаты, как органа посадского самоуправления и центра финансового управления, которой на местах соответствовали земские избы с выборными бурмистрами. Архив ратуши не сохранился, поэтому изучение М. Богословским правительственной переписки о проведении реформы в провинции представляет большой интерес.

М. Богословский на основе новых материалов также осветил попытку составить новое уложение при Петре. Для составления нового кодекса законов была образована особая комиссия или «Палата об Уложении», заседания которой происходили в 1700—1703 гг., но её работы не были доведены до конца¹. Эти статьи М. Богословского представляют интерес главным образом потому, что они основаны на новых, не известных прежде первоисточниках. Ему же принадлежит общая популярная книжка «Пётр Великий и его реформы» (М. 1920). Из новейших работ отметим статью Г. Анпилогова о Сенате и административных реформах Петра I, основанную частично на изучении неизданного архивного материала, в особенности в отношении такого мало изученного института, как петровские фискалы.

Б. Сыромятников в своей книге, названной выше, приходит к выводу, что государство при Петре I было «регулярным», или феодально-полицейским, характерным для эпохи так называемого просвещённого абсолютизма. Автор противопоставляет петровский абсолютизм сословно-представительной монархии XVI—XVII вв., когда царская власть была ограничена Земским собором. В этом отношении Б. Сыромятников идёт за М. Богословским и Н. Павловым-Сильванским. Но буржуазные историки, выяснив абсолютный характер государственной власти Петра и противопоставив его законодательству XVII столетия, не ставили перед собой задачу вскрыть классовую природу петровской империи. Б. Сыромятников хочет выяснить социально-экономические корни петровского государства, но при этом даёт неверное решение вопроса. Б. Сыромятников указывает на феодальную сущность русского государства того времени и вместе с тем отмечает рост денежных отношений, зарождение буржуазии и говорит о переходе к промышленному капиталу. Империя Петра, по словам Сыромятникова, соответствует «эпохе разложения феодального государства в переходной его стадии через абсолютизм к государству буржуазному». Он далее при-

ходит к явно неправильным выводам: считает, что абсолютное государство при Петре отличается классовым дуализмом и что господствующими классами являются одинаково как дворянство, так и купечество. Восемнадцатое столетие является эпохой дворянской диктатуры, и, анализируя петровскую политику, необходимо было подчеркнуть её феодальный дворянский характер, чего автор не делает. С этим связаны и другие ошибочные положения автора. Хотя он и подвергает справедливой критике извращения «школы» Покровского и отгораживается от его теории «торгового капитализма», но вместе с тем заявляет, что петровской политике будто бы были присущи антифеодальные или антидворянские устремления. Он говорит: «Характерной тенденцией этого (т. е. петровского.— Б. К.) законодательства было стремление к ограничению крепостного права». Однако автор не представил сколько-нибудь убедительных доказательств для обоснования этого тезиса. В петровскую эпоху происходило на деле дальнейшее усиление крепостного права, а не его ослабление.

По мнению проф. Б. Сыромятникова, после петровской эпохи с её будто бы антифеодальными тенденциями наступила «дворянская реакция». Б. Сыромятников возвращает нас независимо от своих намерений к буржуазной историографии и к неправильным выводам М. Покровского. Вместе с тем книга Б. Сыромятникова в этом отношении приближается к отброшенным ещё С. Соловьёвым и Н. Добролюбым представлениям о петровских преобразованиях как о революционном перевороте, а не как о реформах.

В историографических главах своей книги Б. Сыромятников с большой страстностью подвергает критике взгляды своих предшественников. Но при этом он даёт неверную характеристику идей С. Соловьёва и проходит мимо того ценного зерна, которое имеется в освещении петровских преобразований у этого выдающегося русского историка. Для читателя остаётся также неясным, в чём состоит расхождение автора с Н. Павловым-Сильванским. Не останавливается он на исследовании М. Богословского об областной реформе, а между тем, рисуя государство Петра как «регулярное» государство эпохи просвещённого абсолютизма, проф. Сыромятников развивает и продолжает основные положения М. Богословского.

Книга Б. Сыромятникова вновь привлекла внимание к вопросу о сущности петровского государства, и в этом, как и в популяризации некоторых достижений его предшественников, заключается положительное значение его работы. Ошибочные положения автора должны быть вскрыты и отброшены. Вопрос о сущности государства Петра требует дальнейшей углублённой марксистско-ленинской разработки.

Новым в советской историографии является дальнейшее развитие военно-исторической литературы. В связи с празднованием 230-летнего юбилея полтавской победы ши-

¹ Богословский М. Городская реформа 1699 г. в провинциальных городах. «Учёные записки Института истории». РАНИОН. Т. II. 1927. Его же. Административные преобразования Петра Великого. «Известия Академии наук СССР» № 4—7 за 1928 г.; № 2 за 1929 г.; Его же. Палата об Уложении 1700—1703. «Известия Академии наук СССР» № 17 за 1927 г.; Анпилогов Г. Сенат при Петре I. «Исторический журнал» № 4 за 1941 год.

рокому обсуждению подвергается военная история петровской эпохи. Доклады, прочитанные на юбилейной сессии Украинской академии наук в Полтаве в 1939 г., были изданы в виде сборника «Полтавская битва» (Київ, 1940). В докладе Б. Тельпуховского показаны захватнические планы Карла XII. Украинский трудовой народ не пошёл за Мазепой: он боролся в союзе с русским народом против шведских интервентов. А. Предтеченский в своём докладе отметил, что Полтавская «виктория» привела к резкому повороту в общественном мнении Западной Европы в отношении к России, воочию показавшей всю свою мощь. Юбилейные брошюры В. Лебедева, Н. Бесбах, статьи Б. Тельпуховского, Б. Кафенгауза и документы, опубликованные в «Красном архиве», подчёркивают огромное значение полтавской победы, помогают выяснить прогрессивный характер Северной войны и высокий уровень военного искусства русской армии¹.

Следует отметить также выдержавшую два издания книгу покойного А. Панова «Пётр I как полководец». В ней дана сводка обширной дореволюционной литературы по истории военной реформы и военного искусства при Петре I. Среди ряда брошюр и статей по истории военно-морского флота выделяется книжка Н. Новикова «Гангут». В ней впервые широко использованы исключительно ценные издания — материалы по истории Гангутской битвы. В работе Н. Новикова на основании шведских источников показаны растерянность и беспокойство в Швеции в связи с русской морской победой. Пётр по праву после этой победы получил чин контр-адмирала.

Дальнейшая разработка истории русского военного искусства, военной реформы и истории военно-морского флота является очередной задачей советской науки. Славная история гвардейских полков за этот период, военное руководство Петра, история русского воинского устава и другие вопросы требуют пересмотра и углублённой разработки.

Грандиозные успехи русской дипломатии, её триумфы при Петре I (Ништадтский мир) выяснены в «Истории дипломатии» под редакцией акад. В. Потёмкина, где очерк внешней политики при Петре написан С. Бахрушиным. Автор приходит к выводу, что петровская дипломатия отличалась сосредоточением всех усилий обычно на какой-либо одной важнейшей задаче,

¹ Тельпуховский Б. Разгром шведских интервентов под Полтавой. «Военно-исторический журнал» № 1 за 1939 г.; Её же. Источники литературы о Северной войне. «Военно-исторический журнал» № 1 за 1940 г.; Кафенгауз Б. Полтавская битва. «Историк-марксист» № 4 за 1939 г.; Её же. К истории событий на Украине в 1718 г. с вводной статьёй Н. Прокопченко. «Красный архив» № 4(95) за 1939 г.; Лебедев В. Полтавский бой. «Молодая гвардия». 1939.

и противопоставляет её «колеблющейся и противоречивой политике его предшественников». Буржуазная наука не оставила нам сводной большой работы по истории Северной войны и внешней политики того времени. Лучшими работами являются «История России» С. Соловьёва, охватывающая всю эпоху и основанная на богатом архивном материале, а также вступительная глава книги М. Полиевктова о балтийском вопросе после окончания Северной войны. Большого внимания заслуживают статьи Т. Крыловой о дипломатических отношениях России в первую половину Северной войны. Т. Крылова рассматривает Северную войну в тесной связи с развёртывавшейся одновременно в Западной Европе войной за испанское наследство. Автор приходит к выводу, что Пётр искусно использовал противоречия между державами, чтобы укрепиться на берегах Балтийского моря. Интересным также является пересмотр господствовавших до этого взглядов о якобы враждебных отношениях между Россией и Францией в первый период Северной войны². Для изучения отношений России с её союзниками интересна работа М. Богословского «Русско-датский союз», показывающая самостоятельность Петра, его энергию и настойчивость во внешней политике. Также интересна статья В. Бонч-Бруевича о неопубликованных материалах копенгагенского государственного архива. В. Семёнов дал характеристику русско-английских отношений того времени. Общее краткое изложение внешней политики Петра I имеется в популярной брошюре Б. Кафенгауза.

Немецкие мерзавцы стремятся использовать дипломатическую историю России в своих захватнических целях и прибегают для этого к своим излюбленным приемам — подлогам и фальшивкам. Такой очередной фальшивкой является обошедшее все немецкие газеты в 1941 г. так называемое «завещание» Петра Великого. В этом «завещании» Петра Великого будто

² Крылова Т. Русско-турецкие отношения во время Северной войны. «Исторические записки» № 10 за 1941 г.; Её же. Россия и Венеция на рубеже XVII—XVIII веков. «Учёные записки Ленинградского педагогического института им. Герцена». Т. XIX за 1937 г.; Её же. Россия и «великий союз». «Исторические записки» 13. Кроме того см. Семёнов В. Англо-русские отношения в царствование Петра I. «Исторический журнал» № 10 за 1943 г.; Кафенгауз Б. Внешняя политика России при Петре I. Госполитиздат. 1942.

бы говорилось, что Россия должна стремиться к непрерывным завоеваниям для утверждения мирового владычества. Впервые эта фальшивка появилась свыше 100 лет назад во Франции, перед войной 1812 г.; вторично пытались оживить её во время крымской кампании и затем—во время первой мировой войны. Подложный характер этого документа много раз был разоблачён историками. Теперь эту фальшивку вновь пытаются пустить в ход гитлеровцы для оправдания своих захватнических планов. В статье Н. Яковлева исчерпывающе показано, что этот подложный документ появляется всякий раз, когда захватчики готовятся к походу против нашей родины¹. Всё это вызывает настоятельную необходимость широкой разработки истории дипломатических успехов и внешней политики России в эпоху Петра. Внешняя политика Петра Великого имела огромное прогрессивное значение для нашей родины.

Задачи изучения личности и биографии Петра Великого определяются марксистским учением о роли выдающихся деятелей в истории.

Товарищ Сталин в беседе с Эмилем Людвигом говорил: «Марксизм вовсе не отрицает роли выдающихся личностей или того, что люди делают историю... Но, конечно, люди делают историю не так, как им подсказывает какая-нибудь фантазия, не так, как им придёт в голову. Каждое новое поколение встречается с определёнными условиями, уже имевшимися в готовом виде в момент, когда это поколение народилось. И великие люди стоят чего-нибудь только постольку, поскольку они умеют правильно понять эти условия, понять, как их изменить»².

Таким образом, задача биографа Петра Великого состоит в том, чтобы раскрыть личность великого деятеля в тесной связи с историей его страны и народа. Для изучения биографии Петра первостепенное значение имеет капитальное издание документов «Письма и бумаги Петра Великого». Этот богатый материал необходим для изучения не только личности Петра, но и вообще его эпохи в целом.

После революции было сделано несколько попыток написать биографию Петра Великого. Имеется ценная брошюра С. Платонова «Пётр Великий» («Время», 1926); Автор критикует отрицательную оценку личности Петра, распространённую в художественной литературе тех лет и связанную с неправильной характеристикой преобразователя, данную М. Покровским. Ещё ранее был издан очерк М. Богословского «Пётр Великий и его реформы» (М. 1920), который содержит краткую биографию Петра и характеристику его деятельности.

Наибольшее значение имеет посмертный труд М. Богословского «Пётр I» (материалы для биографии), который является детальной биографией преобразователя. Из написанных М. Богословским четырёх томов вышли пока только два. Автор следующим образом определяет свою задачу: «Я старался, насколько позволяли источники, воссоздать жизнь Петра I день за днём, изображать её так, как она протекала в действительности». Наряду с этим историк ставил своей задачей, «наблюдая эту отдельную жизнь, изучать и воссоздавать ту историческую обстановку, т. е. те события и тот быт, среди которых эта жизнь протекала»³. В первом томе своего труда М. Богословский проследил, как уже в ранние годы Петра начинают проявляться характерные черты его оригинальной личности, черты новатора, будущего преобразователя. Приблизительно с 1690 г., т. е. с 18-летнего возраста, поведение Петра всё больше расходится с общепринятыми понятиями того времени о царе. В 1691 г. складывается «всеушнейский» собор и вместе с тем вокруг юного Петра образуется «компания» его будущих сотрудников, обращающихся к нему запросто, без титулов. Он вносит перемены в прочно сложившийся придворный ритуал, и уже в то время сказывается «его сильная и властная воля». Автор проследил, как отразился на Петре первый Азовский поход: «Неудача несколько не поколебала Петра I. Наоборот, она даже как будто усилила его энергию и увеличила силу его стремления к намеченной цели».

Во втором томе труда М. Богословского показаны отъезд и деятельность «великого посольства» за границей и заграничные путешествия Петра в 1697—1698 годах. Впервые в исторической литературе даётся столь подробный и полный красочных деталей рассказ об этом знаменитом путешествии. Автор не только рассказывает о повседневной жизни Петра, но останавливается также на быте Западной Европы. Он даёт литературные портреты английского короля Вильгельма III, польского короля Августа II, чопорного и надменного императора Леопольда. Следует отметить существенно новый вывод, к которому приходит автор; он говорит, что Пётр не только учился за границей морскому делу, но и руководил всей внешней политикой России. «Пётр сам стоит во главе управления внешней политикой России, держит все нити её в своих руках; посольство исполняет только его руководящие указания... Он в курсе всего хода международных отношений в Европе, внимательно следит за ними, живо ими интересуется и высказывает о них своё суждение. Он всецело занят планом организации священного союза против турок»⁴.

Отбрасывая ряд неверных, общих установок, надо признать, что труд М. Богословского является крупным вкладом в науку; вместе с тем он ставит на обсужде-

¹ Яковлев Н. О так называемом «завещании» Петра Великого. «Исторический журнал» № 12 за 1941 год.

² И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 8, 9.

³ Богословский М. Пётр I. Т. I, стр. 10. М. 1939.

⁴ Богословский М. Пётр I. Т. II, стр. 208.

ние проблемы и методы построения биографий выдающихся деятелей¹.

В советской литературе ещё недостаточно освещены культура и общественная мысль при Петре I. Крупнейшим публицистом петровского времени был И. Посошков. Его знаменитый экономический трактат «Книга о скудости и богатстве» был переиздан (М. 1937) под редакцией и с вступительной статьёй Б. Кафенгауза. Издание выполнено по рукописи Академии наук, не привлекавшей для прежних изданий, что даёт возможность восстановить пропущенные места, исправить опуски переписчика и т. п. Во вступительной статье сделана попытка пересмотреть биографию Посошкова и выяснить более отчётливо некоторые стороны его мировоззрения. Пришлось отказаться от распространённого представления о Посошкове как стороннике крестьянского освобождения, хотя он и предлагал такую прогрессивную для своего времени меру, как определение законом крестьянских повинностей и наделов.

История литературы петровской эпохи и XVIII века в целом освещена в учебнике для вузов и в многотомной «Истории русской литературы», подготовленной к изданию Академией наук. История изобразительного искусства дана в книге Н. Коваленской «История русского искусства в XVIII столетии» (М. 1938).

Интересной, вновь воскрешаемой фигурой петровского культурного деятеля является «библиотекарь» и начальник типографии Киприанов². Он принадлежал к «художественным» людям, выдвинувшимся при Петре. В руководимой им «Гражданской типографии» в Москве печатали учебники, географические карты и гравюры. Следует отметить, что при Петре значительный интерес проявляли к географической науке. Кроме двух книг с документами об экспедициях Беринга с вводными статьями А. Покровского и А. Андреева надо отметить статью А. Андреева на ту же тему. Пётр собственноручно написал инструкцию для первой экспедиции Беринга,

которая была осуществлена уже после смерти Петра. Открытие Великого северного морского пути и советские исследования Арктики повысили интерес к географическим открытиям в прошлом. А. Андреев внёс много нового в освещение биографии географа конца XVII и начала XVIII в. Семёна Ремезова³; он работал в различных областях: был географом, этнографом, «знаменщиком», чертёжником, архитектором, строил в Тобольске каменный город и в то же время пылливо изучал историю родной страны.

Важнейшей задачей в изучении этой эпохи является проблема научного синтеза. Она состоит в учёте развития производительных сил, в определении расстановки классов в петровскую эпоху и классовой борьбы; на этой основе надо показать роль Северной войны, борьбу Петра за морские берега, вскрыть природу государства и реформ государственных учреждений, а также культурных и бытовых перемен. Определить значение петровской эпохи в истории СССР — одна из задач учебников как для средней школы, так и для вузов. Это сделано в наших учебниках для вузов В. Лебедевым и В. Пичетой, показавшими военно-бюрократический или чиновничье-дворянский характер Российской империи при её возникновении и феодальную её основу. Впрочем, в этих учебниках преобладает фактическое освещение петровского периода⁴. Проблемы историографии и источниковедения петровской эпохи отражены в работах Н. Рубинштейна, М. Тихомирова и А. Андреева⁵.

³ Андреев А. Экспедиция В. Беринга. «Известия Всесоюзного географического общества». Т. 75. Вып. 2-й. 1942; Его же. Очерки источниковедения Сибири. М. 1940. «Экспедиция Беринга». Сборник документов, подготовленный А. М. Покровским. М. 1941; Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция В. Беринга. Под ред. и с предисловием А. Андреева. М. 1940; Андреев А. Труды Семёна Ремезова по географии и этнографии Сибири. «Проблемы источниковедения». Сборник III. Изд. АН СССР. 1940.

⁴ См. также К. Базилевич. Пётр Великий. «Большевик» № 18 за 1943 г.; Кафенгауз Б. Реформы Петра. «Молодой большевик» № 2 за 1940 г.; сборник документов «Реформы Петра I», предисловие В. Лебедева. М. 1937.

⁵ Рубинштейн Н. Русская историография. М. 1940; Тихомиров М. Источниковедение. Т. I. М. 1939; Андреев А. Очерки источниковедения Сибири. Т. I. М. 1940.

¹ См. рецензию Б. Кафенгауза и Г. Новицкого на книгу М. Богословского «Пётр I». «Историк-марксист» № 2 за 1941 год.

² Бородин А. Московская гражданская типография и библиотекари Киприановы. «Труды Института книги, документа, письма». Т. V. Изд. АН СССР. М. и Л. 1936.

Советская историческая наука сделала большой вклад в изучение петровской эпохи, но исследовательская работа шла неравномерно: одни крупные проблемы разработаны более полно, к другим едва лишь приступлено. Впервые в широких размерах проведено изучение такой важной проблемы, как возникновение и развитие крупной промышленности при Петре, исследованы народные восстания, поставлено изучение истории отдельных народов. Однако изучение истории внешней политики и военного искусства Петра I ещё находится в начальной стадии и ограничивается отдельными брошюрами и статьями. То же самое следует признать в

отношении государства при Петре, этот вопрос едва затронут и притом во многом неправильно освещён. Наконец, не освещены во всей полноте вопросы общего понимания эпохи.

Сложность петровской эпохи, грандиозность событий, их передовое, прогрессивное значение для истории нашей родины и гениальная личность Петра Великого возбуждают острый интерес, но вместе с тем продолжают вызывать учёные споры. Дальнейшее углублённое изучение петровской эпохи является одной из важнейших задач советской исторической науки.

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ МАРКСИЗМА И РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ О ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛЬШЕ

Е. Кандель и И. Прейс

В кипучей революционной деятельности Маркса и Энгельса особо важное место занимает их борьба против национального гнёта, против порабощения одного народа другим. В этой борьбе ярко проявились их последовательный демократизм и непримиримость к какому бы то ни было великодержавному шовинизму, к превознесению одного народа над всеми остальными.

Уже в своих первых литературных выступлениях Энгельс со всей силой своего гнева обрушивался на немецкий шовинизм с его зоологической ненавистью к другим нациям, с его бредовой «теорией» превосходства немецкого народа над всеми народами мира. Энгельс беспощадно бичевал эту «теорию», проникшую к тому времени во все сферы идеологической жизни Германии и отравившую сознание значительной части немецкого народа. «Всё это мирозерцание, — писал Энгельс в 1841 г., — было философски несостоятельно, ибо под его углом зрения весь мир был создан ради немцев, а сами немцы давно достигли высшей ступени развития»¹.

Этому немецкому национализму, враждебному прогрессивному развитию человечества, Маркс и Энгельс ещё до мартовской революции 1848 г. объявили беспощадную войну. «Немцы никогда не были националистами там, где интересы нации совпадали с интересами прогресса; но они являлись националистами всякий раз, когда их национализм шёл вразрез с прогрессом»². В этой яркой формулировке Энгельс метко охарактеризовал реакционную сущность немецкого национализма.

Против этого человеконенавистнического шовинизма Маркс и Энгельс выдвинули глубоко демократический лозунг, сформулировав его в пламенных словах: «Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы»³. Это важнейшее положение марксизма проходит через все работы и выступления Маркса и Энгельса по национальному вопросу.

Горячо отстаивая право угнетённых народов на независимое национальное суще-

ствование, основоположники марксизма поддерживали, однако, не всякое национальное движение, а только такие движения, которые шли по пути исторического прогресса и своей борьбой содействовали укреплению международной демократии.

Под этим углом зрения Маркс и Энгельс рассматривали и польское национальное движение, горячо поддерживая борьбу польского народа против его угнетателей. Польское национальное движение было направлено в то время против Священного союза, объединившего после Венского конгресса три реакционнейшие монархии в Европе: Россию, Пруссию и Австрию. В случае победы польский народ пробил бы большую брешь в этом оплоте всеевропейской реакции и открыл бы эру демократических революций в Европе. Это значение польского национального движения в XIX в. и определило глубокое сочувствие Маркса и Энгельса борьбе польского народа за своё освобождение.

Ещё в ноябре 1847 г., выступая на международном демократическом митинге в Лондоне, посвящённом годовщине польского восстания 1830 г., Маркс и Энгельс горячо защищали свободу и независимость Польши. Маркс отстаивал взгляд, что освобождение польского народа возможно только на пути его союза с демократическими движениями передовых стран Европы. Энгельс в своей речи подверг резкой критике политику Германии по отношению к Польше. «Никто иной, как немецкие князья, — заявил он, — извлекли выгоду из раздела Польши. Никто иной, как немецкие солдаты, ещё и теперь угнетают Галицию и Познань. Поэтому для нас, немцев, в первую очередь для нас, немецких демократов, важно смыть с нашего народа это пятно»⁴.

Когда в Германии грянула мартовская революция 1848 г., Маркс и Энгельс приняли активное участие в революционных битвах германского народа, находясь на посту редакторов самого передового и революционного печатного органа того времени — «Новой рейнской газеты». Они подняли свой голос в защиту польского народа, как и других народов, изнывав-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. II, стр. 70.

² Marx — Engels. Gesamtausgabe, Erste Abteilung, Bd. 6, S. 585.

³ Ibidem, S. 361.

⁴ Ibidem, S. 360—361.

ших под немецким гнётом. «Несмотря на патриотический шум и завывание почти всей немецкой печати,— писал Энгельс,— «Новая рейнская газета» с первого же момента выступила в защиту поляков в Познани, итальянцев в Италии, чехов в Богемии»¹.

Когда в 1863 г. польский народ вновь поднял знамя восстания и движение охватило всю Польшу, Маркс и Энгельс горячо откликнулись на это событие.

Особенно активную деятельность развернули Маркс и Энгельс в защиту Польши в период I Интернационала. С первого же момента своего создания Интернационал, руководимый Марксом, заявил о своей солидарности с борьбой польского народа за независимость и демократию. Маркс использовал каждый случай, чтобы со всей решительностью подчеркнуть эту позицию Интернационала в польском вопросе. Члены Интернационала принимали деятельное участие в ряде митингов, посвящённых освободительной борьбе польского народа. На одном из таких митингов сторонник Маркса Эккарнус, отстаивая взгляды Маркса в польском вопросе, осветил глубоко реакционную роль Пруссии в расчленении Польши и закончил свою речь словами: «Гибель прусской монархии — вот то неперемное условие, без которого невозможно воссоздание Германии и восстановление Польши»².

Подчёркивая роль реакционных государств в падении Польши, Маркс и Энгельс вместе с тем раскрыли и те внутренние причины и условия, которые способствовали разрушению польского государства. Они указывали на те социальные и политические отношения в стране, которые обостряли внутреннюю борьбу, порождали бесконечные междоусобицы, чем пользовались агрессоры для осуществления своих захватнических планов.

Анализируя в ряде своих работ социальные отношения в Польше, Энгельс показал, что господствовавшая в ней в течение столетий дворянская демократия, при которой каждый дворянин обладал широкими политическими полномочиями, имела своей основой крепостную эксплуатацию крестьян, их феодальное закрепощение и полное бесправие. Этот политический строй, мешавший созданию централизованного государства, соответствовал примитивным, отсталым экономическим формам жизни польского народа.

По мере экономического развития страны происходил процесс разложения дворянской демократии, процесс выделения из общей массы дворянства её аристократической верхушки — польских магнатов. Опираясь на своё экономическое могущество, они стремились сосредоточить в своих руках всю политическую власть и

повели ожесточённую борьбу против дворянской демократии. Но, ведя эту борьбу, польские магнаты отнюдь не стремились к созданию централизованного государства. Каждый магнат оставался неограниченным властелином своей вотчины, и все его помыслы были направлены лишь на то, чтобы расширить эту вотчину за счёт других магнатов. Польша продолжала оставаться политически раздроблённой страной.

Решительно борясь против дворянской демократии, польские магнаты в то же время всеми силами старались увековечить её наиболее отрицательные стороны — выборность королей и так называемое *liberum veto* — тот принцип, в силу которого сейм мог принять какое-либо решение только в случае полного, абсолютного единогласия, что неоднократно приводило к срыву сейма.

Сохранение этих наиболее пагубных для польского государства сторон дворянской демократии вело к усилению политического влияния магнатов и к их фактическому господству в стране. Подчинив своему экономическому могуществу мелкую шляхту и поставив её в полную зависимость от себя, магнаты пользовались ею как своим послушным орудием, при помощи которого они отстаивали свои интересы в сейме и областных сеймиках. Шляхетская польская республика превратилась на деле в олигархическое государство, которым заправляла группа всемогущих магнатов, враждовавших между собой, — Потоцких, Радзивиллов, Чарторыйских.

К этим коренным порокам политического строя Польши присоединялась и та вредная политика преследования других религий и угнетения других наций, которую проводили в своей стране польские магнаты. Всё это препятствовало процессу консолидации национального государства, вносило разброд и разногласия в политическую жизнь народа, лишало его возможности решать те большие, общенациональные задачи, которые стояли перед ним. Энгельс доказывал, что Польша, находящаяся «в состоянии полного развала... неспособная по своей конституции ни к какому общенациональному действию и обречённая тем самым стать лёгкой добычей своих соседей»³, неизбежно должна была прийти в упадок.

Иностранные государства пользовались внутренней слабостью Польши, бесконечными распрями между отдельными аристократическими фамилиями и между различными группами внутри дворянства и то и дело вмешивались во внутренние дела страны. Характеризуя положение Польши того времени, Энгельс писал: «С начала восемнадцатого столетия, по словам самих поляков, Польша держалась непорядком (*Polska nierzadem stoi*); иностранные войска непрестанно оккупировали всю стра-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 242.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXV, стр. 453.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, Ч. 2-я, стр. 10.

ну или проходили через неё; она служила им постоянным двором и харчевней (karczma zajezdna, как говорили поляки), причём, однако, платить они обыкновенно забывали»¹.

Польша становилась всё менее и менее способной сопротивляться чужеземным вторжениям. У власти оказалась деморализованная внутренними распрями аристократия, и это задерживало экономический и политический рост страны, не давало ей возможности стать на путь свободного и прогрессивного развития.

«Постепенная деморализация правящей аристократии,— пишет Энгельс,— недостаток сил для развития буржуазии и постоянные войны, опустошавшие страну, сломили, наконец, силу Польши. Страна, которая упорно сохраняла нерушимым феодальный строй общества, в то время как все её соседи прогрессировали, формировали буржуазию, развили торговлю и промышленность и создали большие города,— такая страна была обречена на гибель. Аристократы несомненно погубили Польшу и погубили её окончательно. Погубив её, они стали обвинять в этом друг друга и продали себя и свою страну иностранцам»².

С глубоким возмущением писал Маркс (в своих рукописях о Польше) о продажности польской аристократии и её предательстве по отношению к своему народу. «Бесстыдно наивная продажность польской аристократии», по словам Маркса, и была одной из причин упадка Польши.

Продажность верхушки польского дворянства, торговавшего своей страной, помогла реакционнейшим государствам Европы произвести первый раздел Польши, положивший начало полному расчленению и разрушению польского государства.

Это предательство аристократии вызвало в Польше широкое национальное движение под флагом борьбы за либеральную конституцию.

«Последствием уже первого раздела Польши,— писал Энгельс в «Новой рейнской газете»,— был совершенно естественный союз остальных классов, т. е. шляхты, бюргерства городов и, частью, крестьянства как против угнетателей Польши, так и против крупной аристократии родной страны. Насколько ясно поляки уже тогда понимали, что их независимость вне неотделима от свержения аристократии и от аграрных реформ внутри страны, показывает конституция 1791 г.»³.

Как ни умеренна была эта конституция, польская аристократия усмотрела в ней прямую угрозу своим эгоистическим интересам, своим классовым привилегиям. Магнаты Браницкий, Потоцкий, Ржевуский и др. объявили войну новой конституции.

Они содействовали новой интервенции реакционных держав в Польшу и явились союзниками и сообщниками поработителей своей страны. Польские аристократы вновь воспользовались своим излюбленным средством — прямой изменой родине в борьбе против прогрессивных сил, против демократического направления в Польше.

Уже в период Великой французской революции в Польше развернулась борьба демократических элементов против аристократии. Аристократическая партия яростно защищала всё гнилое, отжившее в общественном и политическом строе Польши, всё то, что вело государство к упадку, к разрушению.

Полное расчленение Польши, разрушение польского государства показало, какой огромный, непоправимый вред принесла эта партия — как её реакционная внутренняя политика, так и проникнутая авантюризмом внешняя политика — коренным интересам польского народа. Неизбежные плоды этой политики заставили впоследствии аристократическую партию изменить некоторые пункты своей программы, примкнуть к польскому национальному движению и даже принять активное участие в восстании 1830 года. Однако в своих основных принципах аристократическая партия осталась верна себе. Она попрежнему ориентировалась на реакционные европейские правительства, вело ожесточённую борьбу против демократии и продолжала защищать феодально-крепостническую эксплуатацию крестьянства.

Это особенно ярко проявилось в 1830 г., когда аристократия в результате победы польского восстания на время оказалась у власти. Энгельс в 1848 г. в речи, посвящённой польскому вопросу, указал, что аристократия, участвуя в восстании 1830 г., стремилась только отстоять свои привилегии. «Она,— говорил Энгельс,— оставляла неприкосновенным рабство, благодаря которому крестьяне опускаются до положения скота, унижительное положение евреев. Если во время восстания аристократия была вынуждена сделать уступки народу, то она сделала их только тогда, когда было уже слишком поздно, когда восстание уже было обречено на гибель»⁴.

В неустанной борьбе против аристократической партии окончательно оформилась и окрепла в Польше после разгрома восстания 1830 г. демократическая партия, программа которой строилась на основах, прямо противоположных политике аристократии. Демократическая партия вела решительную борьбу за независимость Польши, против поработителей польского народа. Она считала своими друзьями союзниками революционную Францию и революционные элементы России и других стран, хо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 10.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 159.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 383.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 265.

решо понимая, что только демократическая Европа может дать польскому народу национальную независимость и обеспечить его свободное развитие. Польские демократы всё больше проникались убеждением, что до тех пор, пока подавляющая масса польского народа, крестьянство, остаётся под гнётом крепостной зависимости, борьба за национальное освобождение не сможет приобрести в стране широкий размах и привести её к государственной независимости. Эта партия сделала лозунгом своей борьбы аграрную революцию и установление демократической республики.

Борьба двух направлений, возникших в конце XVIII в., проходит красной нитью через всю историю польского народа и в XIX в., определив ход развития его национально-освободительного движения. Она заполняет всю историю польской политической эмиграции, принявшей широкие размеры после поражения восстания 1830 года. Ещё в период восстания 1830 г., когда у власти на время стала аристократическая партия, виднейший польский историк Иоахим Лелевель, единственный представитель революционных кругов польского народа в национальном правительстве, провозгласил основные принципы польской демократии. Ярко и горячо говорил Энгельс о деятельности Лелевеля: «В самом национальном правительстве нашёлся человек, который резко нападал на узость взглядов господствующего класса. Он предложил действительно революционные меры, смелость которых устрасила аристократов сейма. Призывая к оружию всю старую Польшу... представляя гражданские права евреям и крестьянам, наделяя последних землёю, восстанавливая Польшу на основах демократии и равенства, он хотел превратить национальную борьбу в борьбу за свободу»¹.

Хотя демократическая программа Лелевеля и не нашла отклика в тогдашнем польском национальном правительстве, всё же она сыграла важную роль в развитии польского национально-освободительного движения. Она послужила идейной платформой, на которой и произошло объединение демократических элементов. Но после поражения восстания 1830 г. польские демократы, обогатённые суровым опытом восстания, уже находясь в эмиграции, в своих политических взглядах пошли дальше Лелевеля. В 1832 г. они создали Польское демократическое общество, основной принцип которого гласил: «Польша должна искать спасения не только в вооружённом восстании против чужеземного ига, но также в радикальной и демократической революции». Демократическое общество со всей решительностью выступило против партии князя Чарторыйского, против аристократов, клеймя их как виновников гибели Польши. В

своём манифесте 1836 г. это общество провозгласило лозунг: «Польша независимая и Польша демократическая». Необходимыми условиями демократизации страны оно объявило аграрную революцию, радикальное устранение всех феодально-крепостнических порядков, безвозмездное наделение всех крестьян землёй.

Маркс и Энгельс уже с конца 40-х годов в своих статьях и выступлениях горячо поддерживали демократическую партию в её борьбе против аристократии. Особенно горячий отклик встретил у Маркса и Энгельса лозунг аграрной революции. «А в чём заключается, — писал Энгельс в 1848 г., — неумолимая железная необходимость нового освобождения Польши? В том, что господство аристократии в Польше, которое с 1815 г. не прекращалось, по крайней мере в Познани и в Галиции и отчасти даже в русской Польше, теперь также пережило себя и погребено, как демократия мелкого дворянства в 1772 г.; в том, что восстановление аграрной демократии стало для Польши основным вопросом не только политической, но и общественной жизни; в том, что земледелие, этот источник существования польского народа, погибнет, если крепостной или обременённый барщиной крестьянин не сделается свободным земледельцем; в том, наконец, что аграрная революция невозможна без одновременного завоевания самостоятельного национального существования»².

Наибольшего развития достигла демократическая партия к моменту Краковского восстания 1846 г., организованного Демократическим обществом. Программа демократической партии, её задачи и цели стали ясны теперь всей Европе. Вожди Краковского восстания показали на деле, что борьба за демократическую Польшу и борьба против феодально-крепостнического гнёта в стране — это две неразрывно связанные стороны одного общего, демократического, национально-освободительного движения. «Люди, которые стояли во главе краковского революционного движения, — говорил Маркс на польском митинге в Брюсселе 22 февраля 1848 г., — имели глубокое убеждение в том, что только демократическая Польша могла быть независимой и что польская демократия невозможна без упразднения феодальных прав, без аграрного движения, которое превратило бы крепостных крестьян в свободных собственников»³.

Выясняя сущность Краковского восстания, Маркс и Энгельс в своих выступлениях подчёркивали, что оно отнюдь не имеет своей целью восстановление дворянско-аристократической Польши 1772 года. Старая Польша была чужда широким народным массам, она держалась на феодальной эксплуатации крестьянства и на уг-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 265.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 397.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 263.

нетении других народностей, входивших в состав Польши. Краковская революция, говорил Энгельс на митинге в Брюсселе 22 февраля 1848 г., «была ещё более враждебна по отношению к самой Польше, чем по отношению к её иностранным угнетателям,—враждебна по отношению к старой варварской, феодальной, аристократической Польше, в основе которой лежало порабощение большинства народа. Вовсе не желая восстановления этой Польши, она желала окончательно разрушить её и создать на её развалинах с помощью совершенно нового класса, с помощью большинства народа, новую, современную, цивилизованную, демократическую Польшу, достойную XIX века»¹.

Горячо поддерживая борьбу польских демократов, Маркс и Энгельс подчёркивали, что речь идёт о создании обновлённого государства на жизнеспособной основе, располагающего территорией, которая соответствовала бы потребностям и нуждам его национального развития. В частности Маркс и Энгельс указывали, что Польша должна владеть «большой прибрежной полосой на Балтийском море».

Вопрос о территории нового польского государства, о его границах Маркс и Энгельс решали не абстрактно, а с полным учётом конкретных условий международной обстановки. Они рассматривали польский вопрос в его органической связи со всей совокупностью вопросов, выдвигаемых борьбой прогрессивных сил Европы против сил реакции. Маркс и Энгельс исходили при этом из того положения, что вопрос о границах должен решаться так, чтобы в конечном счёте ослаблялись сила и влияние реакционных государств и чтобы, наоборот, возрастала сила демократических, прогрессивных государств, с развитием которых неразрывно связана судьба Польши. Границы государств должны явиться как бы пограничными столбами, отмечающими ту территорию, которая завоёвана уже демократической революцией в Европе.

В борьбе международной демократии за свободную Польшу Маркс и Энгельс начиная с 70-х годов XIX в. отводили особое место русскому революционному движению. Они постоянно подчёркивали неразрывную связь между национальным освобождением Польши и политическим раскрепощением русского народа.

В обращении к митингу, организованному в Женеве в 1880 г. по поводу пятидесятой годовщины польской революции 1830 г., Маркс и Энгельс писали: «Ныне, когда борьба эта развивается внутри самого польского народа, пусть будет она поддержана революционной пропагандой, революционной прессой, пусть она объединится со стремлениями наших русских братьев; это будет новым поводом повторить старый клич: «Да здравствует Польша!»².

Призыв объединить свою освободительную борьбу с революционными стремлениями русских братьев, с которым Маркс обратился к полякам за два года до своей смерти, является как бы его духовным завещанием польским демократам.

Объединение польских демократов с русскими революционерами, которое так горячо отстаивали Маркс и Энгельс, тесное боевое содружество обоих народов в борьбе против их общего врага — царского самодержавия — имело под собой глубокую почву.

Это содружество возникло ещё на заре революционной борьбы русского народа, в первой четверти XIX в., когда в бой вступила первая, немногочисленная когорта революционеров — декабристы. Пестель и его друзья устанавливали организационные связи с представителями польского национально-освободительного движения, с тайным польским обществом, руководимым видным демократом Лукасинским. Они договаривались о совместной борьбе против русского царизма, чтобы одновременно с двух сторон ударить по врагу. Декабристы обещали полякам в случае своей победы предоставить польскому народу независимость — это необходимейшее условие для его свободного национального развития и дружбы с братским русским народом. Поляки, со своей стороны, обязались, как об этом писал декабрист Бестужев-Рюмин, поднять восстание в одно время с декабристами и оказывать им всемерное содействие в борьбе. Они обещали декабристам помощь также в установлении связей с тайными политическими обществами за рубежом. Один из основных пунктов достигнутого соглашения, как об этом сообщает видный декабрист Сергей Муравьев-Апостол, гласил: «Общества, Русское и Польское, продолжая действовать отдельно, составляют союз между собою. Русское общество, признавая независимость Польши, требует от Польского общества содействия и пособия, когда начнёт открытые свои действия».

Польские демократы преклонялись перед героической борьбой декабристов и с чувством глубокой признательности говорили о горячей поддержке, которую встретила среди декабристов национально-освободительная борьба польского народа. «Пестель... знал,— писала газета «Demokrata Polski» в 1859 г.,— что для славян и Европы нет свободы без свободной и независимой Польши, и за это умер». В декабристах видели своих подлинных друзей и широкие массы польского народа: они почтили память Муравьева, Пестеля и других казнённых декабристов торжественной панихидой в Варшаве.

Восстание декабристов 1825 г. было задушено, подавлено неслыханными репрессиями по отношению к его участникам.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 266.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 551.

Вожди восстания были казнены. Но значение этого движения для освободительной борьбы русского и польского народов велико. Искра, брошенная декабристами, не потухла, а, продолжая разгораться, превратилась, наконец, в яркое пламя. «Декабристы,— писал Ленин,— разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию»¹.

Герцен явился преемником декабристов и в той страстной борьбе, которую он вёл за свободу и независимость польского народа. В одной из своих статей 1853 г.— «Поляки прощают нас» — Герцен писал: «Муравьёв, Пестель и их друзья первые протянули руку полякам». Горячо, взволнованно писал он в той же статье о том, что польские демократы протягивают теперь руку русским революционерам. И он восклицает: «Рука эта — в то же время рука Муравьёва и Пестеля»².

Сознавая необходимость объединения русского революционного движения с национально-освободительной борьбой поляков, Герцен в 1852 г. установил тесную связь с виднейшими представителями польской демократической партии — Ворцелем и его друзьями. При их непосредственном участии он создал в Лондоне первую «трибуну для вольного русского слова — русскую свободную типографию». Герцен ярко изобразил то впечатление, которое произвело на Ворцеля появление первого русского нелегального издания: «Он сжал мне обе руки и повторил: «Да, мы должны идти вместе, у нас одна цель и те же враги!»³.

Пламенный защитник неразрывного союза между русским революционным движением и национально-освободительной борьбой поляков, Герцен подчёркивал, что речь идёт о союзе с Польшей демократической, — он осмеивал польских аристократов, мечтавших восстановить старую, олигархическую Польшу. «Поляки более и более сближаются с русскими,— писал он в 1853 г.— Мы говорим о Польше демократической, народной, современной»⁴.

Братский союз между русским и польским народами, рождённый в общей борьбе против русского царизма, должен был, по мысли Герцена, привести после победы над царизмом к тесному союзу между двумя свободными, независимыми государствами. Эту мысль Герцен развивал в 1859 г. в серии статей «Россия и Польша». Он здесь вновь отстаивал тот принцип, что «Польша, как Италия, как Венгрия, имеет неотъемлемое, полное право на государственное существование, независимое от России»⁵. Добившись независимости, Польша должна будет сама свободно решить вопрос о своих взаимоотношениях с раскрепощённой Россией. И Гер-

цен питал надежду, что Польша добровольно вступит в государственный союз с освобождённой Россией. Но речь может идти при этом, писал Герцен, только «о вольном союзе равных»⁶.

Принцип неотъемлемого права народов на независимое государственное существование Герцен проводил со всей последовательностью. Он критиковал тех польских националистов, которые, признавая это право за своим народом, отрицали его за другими народами, в частности за украинцами. Не для того, говорил он, должна быть освобождена Украина от гнёта русского царизма, чтобы подпасть под другое, не менее тяжкое иго польских панов. Он доказывал, что вопрос о формах государственного существования Украины должен решаться самими украинцами: «Развяжемте им руки, развяжемте им язык, пусть речь их будет совершенно свободна, и тогда пусть они скажут своё слово»⁷. Герцен был уверен в том, что если Россия станет свободной, то ставшая также свободной Украина не пожелает отделиться от неё.

В 1863 г., когда Польша восстала против русского царизма, Герцен вновь поднялся на борьбу в защиту Польши. Герцен, Огарёв и их друзья как подлинные представители русской революционной демократии заключили союз с центральным народным комитетом, возглавлявшим восстание. В статьях этого периода Герцен бичевал царское правительство, которое с «большой жестокостью подавляло польское восстание, и обращался к русским солдатам и офицерам с призывом проявить братские чувства к восставшим полякам. Под его влиянием группа революционно настроенных русских офицеров сражалась на стороне поляков против военных сил царизма.

Герцен клеймил позорную, реакционную роль Пруссии, помогавшей царской власти расправиться с польскими повстанцами. Гневно звучит его обращение к Пруссии: «На твоём юнкерском лбе нет помазания, ты останешься военной семинарией рода человеческого»⁸. Он клеймил Германию, как исконного врага славянских народов: «Германия примет искреннее участие своей радостью, что славяне, во всяком случае, будут бить славян!»⁹.

В страстной защите героической борьбы польского народа в 1863 г. Герцен проявил исключительное мужество и непреклонную волю. «Когда вся орава русских либералов,— писал Ленин,— отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда всё «образованное общество» отвернулось от «Колокола», Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии»¹⁰.

Величайший русский революционный демократ Чернышевский, подобно Герцену, вёл последовательную борьбу против по-

¹ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 468.

² Герцен А. Соч. Т. VII, стр. 258, 259.

³ Герцен А. Былое и думы. Т. V, стр. 575. 1921.

⁴ Герцен А. Соч. Т. VII, стр. 258.

⁵ Герцен А. Соч. Т. IX, стр. 463.

⁶ Герцен А. Соч. Т. X, стр. 239.

⁷ Герцен А. Соч. Т. IX, стр. 466.

⁸ Герцен А. Соч. Т. XVI, стр. 110.

⁹ Там же, стр. 27.

¹⁰ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 467.

литики угнетения других народов, проводившейся русским царизмом и другими реакционными правительствами Европы. Неотъемлемое право народов на национальную независимость — таков тот принцип, который проходит через все высказывания Чернышевского по национальному вопросу. «Удерживать в своей зависимости, — писал он, — чужое племя, которое негодует на иноземное владычество, не давать независимости народу только потому, что это кажется полезным для военного могущества и политического влияния на другие страны, — это гнусно»¹. Те же взгляды Чернышевский отстаивал и по отношению к Польше, он являлся сторонником её независимости.

Но в отличие от Герцена Чернышевский, писавший в условиях свирепой царской цензуры, не мог открыто и прямо выражать своё отношение к борьбе польского народа за независимость, к конкретным событиям этой борьбы. Он вынужден был облекать свои мысли в иносказательную форму — в форму аллегорий, намёков, смысл которых внимательному читателю всё же нетрудно было разгадать. Чернышевский широко пользовался также и языком художественных образов. Так, в его романе «Пролог» в образе одного из героев романа — Соколовского — выведен видный польский революционер, активный участник польского восстания 1863 г. — Сигизмунд Сераковский. В романе ясно выступает горячая симпатия Чернышевского к польским борцам за свободу. Устами Волгина, главного героя романа, Чернышевский называет Соколовского «настоящим человеком», бесконечно преданным своим убеждениям и готовым принести любые жертвы во имя торжества своего дела. С другой стороны, страстная ненависть Чернышевского к угнетателям Польши нашла выражение в отталкивающим образом графа Чаплина, в котором Чернышевский вывел Муравьёва-вешателя, палача польского восстания 1863 года.

В своих статьях Чернышевский резко критиковал присяжных хулителей польского народа, которые прикрывали свою вражду к освободительной борьбе поляков мнимо-либеральными, демагогическими фразами, смешивая польский народ с польской аристократией. Особенное возмущение вызывала у Чернышевского система натравливания одного славянского народа на другой, которой пользовалось реакционное австрийское правительство. В статье «Национальная бестактность» он писал, что такая политика проводится «людьми, для которых выгодно раздувать в каждой части Австрийской империи вражду народностей, чтобы держать каждую народность в угнетении силою другой народности»².

Вместе с тем Чернышевский бичевал тех славян, которые покорно переносили наци-

ональный гнёт, выказывая «свою способность упорствовать в роли, унижительной и вредной для них, и свою неспособность действовать сообразно достоинству и интересу своему»³. С гневом говорил Чернышевский о позорной роли в период революции 1848—1849 гг. той части австрийских славян, которая была использована реакционными правительствами как орудие для борьбы против прогрессивных, революционных сил. Этим, говорил Чернышевский, она только увековечила своё собственное рабство. Польский народ, который вёл неустанную борьбу против сил реакции, вызывал у Чернышевского чувство искренней симпатии. Ленин с большой похвалой отметил «позицию всероссийского демократа-революционера Чернышевского, который тоже (подобно Марксу) умел оценить значение польского движения»⁴.

Борьба за свободу польского народа, которую вели Герцен, Чернышевский и другие выдающиеся русские демократы, стала славной традицией русского революционного движения, переходившей от одного поколения революционеров к другому. Примеру Герцена и Чернышевского следовали русские революционеры-демократы 60—70-х годов, отстаивавшие в своей печатной и устной пропаганде право Польши на независимость.

В эти годы русские и польские революционеры шли рука об руку в борьбе против царизма. Русские и польские революционные организации всё чаще вступали в соглашения друг с другом для совместной работы и борьбы. Так, в 1880 г. польская группа социалистов «Równość» («Равенство») заключила соглашение с группой русских революционеров в Женеве, во главе которой стоял Плеханов. Между обеими группами установилась тесная связь во всей их практической революционной деятельности. Плеханов, Засулич и их друзья, выступая на митингах, посвящённых борьбе польского народа, требовали его освобождения от национального гнёта.

Когда Плеханов и его сторонники перешли от народничества к марксизму и организовали группу «Освобождение труда», их борьба за независимость и свободу Польши приобрела ещё большую глубину и последовательность. Борясь против политики национального угнетения, против порабощения польского и других народов, Плеханов выступал не только как продолжатель славных традиций русской демократии, но и как поборник нового, революционного мировоззрения пролетариата — марксизма. Возможность освобождения польского народа Плеханов ставил уже теперь в прямую и неразрывную связь с перспективами борьбы и победы русского революционного пролетариата. Лозунг освобождения Польши стал одним из боевых лозунгов поднимавшегося на борьбу рабочего класса России.

¹ Чернышевский Н. Соч. Т. V, стр. 48. 1906.

² Чернышевский Н. Соч. Т. VIII, стр. 282.

³ Там же, стр. 475.

⁴ Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 457.

Плеханов в своих выступлениях отметил глубокую связь между национально-освободительной борьбой польского народа и революционной борьбой пролетариата. Если буржуазия, говорил Плеханов в своей речи на митинге, посвящённом столетию польского восстания 1794 г., отказывается теперь признать «права человека, гражданина и народа», которые она провозгласила в период своей революционной юности, то «пролетариат встаёт на защиту всех угнетённых... Долг европейской революции Польше будет уплачен рабочим классом или же не будет уплачен совсем. Вот почему я, как социалист, счёл своей обязанностью почтить память великого поляка Костюшко»¹.

Плеханов говорил в этой речи, что существуют два вида любви к своей стране, два способа отстаивать её честь: «Один способ — это способ каннибала, думающего, что величие и слава его племени находятся в прямом соотношении к числу соседей, которые будут уничтожены или порабощены». Второй способ, второй вид любви к родине — это та любовь, которой любят родину настоящие патриоты, считающие угнетение других народов позором для своей страны и стремящиеся всеми силами освободить её от этого позора. Подлинные русские патриоты «убеждены, что, борясь за освобождение Польши, они защищают дело русской свободы». В своих выступлениях о Польше Плеханов отстаивал ту же линию, какую проводили в этом вопросе на протяжении всей своей деятельности Маркс и Энгельс.

В последующую эпоху, в эпоху империализма, национальный вопрос приобрёл ещё большую остроту и новый, специфический характер. Уже с самого начала империалистической эпохи проявилась одна из наиболее характерных её черт — усиление национального и колониального гнёта, а вместе с этим и рост национально-освободительных движений. Исторический опыт национальных движений этой эпохи получил блестящее марксистское обобщение в гениальных трудах Ленина и Сталина. Ленино-сталинское учение по национальному и колониальному вопросу определило пути и методы разрешения национального вопроса в ходе Великой Октябрьской социалистической революции, а также после её победы. Эта революция, воплотив в жизнь большевистский лозунг права наций на самоопределение и на самостоятельное государственное существование, открыла перед народами России зарю новой жизни.

С польского народа, как и с других народов бывшей царской России, спали вековые путы, которые не давали ему возможности свободно строить свою государственную жизнь. Ближайшим соседом но-

вой Польши была теперь не старая, царская Россия, а советское государство, могущественный союзник всех свободолюбивых народов. Но реакционные круги Польши, которым в польском государстве удалось стать у кормила правления, повели в ущерб интересам польского народа ожесточённую борьбу против молодой Советской республики. Следуя традициям авантюристической политики агрессивных польских магнатов, они посягали на территорию других народов, ставших членами свободного союза освобождённых наций, и лелеяли реакционную мечту — восстановить Польшу 1772 года. Во имя этих захватнических планов они провоцировали войну между польским и советским народами. «Польские помещики и капиталисты, — говорил Ленин в 1920 г., — бурлят, бросают угрозы, что они хотят себе территории 1772 г., что они желают себе подчинить Украину»².

Но и перед лицом надвигавшейся войны Ленин заявлял, что русскому народу дорога национальная свобода Польши, что она остаётся верен своей национальной политике, которая от начала до конца строится на принципе свободы народов. «И мы говорим товарищам в Польше, — заявлял Ленин, — что мы её свободу бережём, как свободу всякого другого народа, что русский рабочий и крестьянин, испытавший гнёт царизма, хорошо знает, чем был этот гнёт. Мы знаем, что величайшим преступлением было то, что Польша была разделена между немецким, австрийским и русским капиталом, что этот раздел осудил польский народ на долгие годы угнетения, когда пользование родным языком считалось преступлением, когда весь польский народ воспитывался на одной мысли — освободиться от этого тройного гнёта»³.

Наперекор всем провокационным проискам польских реакционных кругов советский народ оставался и остаётся верен своему принципу равенства и свободы наций и неизменно следует ему в своих взаимоотношениях с Польшей. Советский Союз, последовательно отстаивая дело мира, неоднократно предлагал польскому правительству объединиться для совместной борьбы против фашистской агрессии, угрожавшей обоим народам. Но правящие круги Польши, находясь в фарватере профашистских политиков, отвергали предложения советского правительства. Они не хотели видеть угрозу, всё более нависавшую над Польшей, и не предотвратили фашистского нашествия, которое обрушилось на страну, уничтожило её государственную независимость и поработило польский народ.

Дружеские, братские чувства народов Советского Союза к польскому народу особенно ярко проявились в наши дни, в условиях великой войны свободолюбивых государств против германского фашизма. Судьба польского народа, вновь лишившегося

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». Сб. I, стр. 194. 1934.

² Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 58.

³ Там же.

своей национальной независимости, истерзанного гитлеровской Германией, близка сердцу советского человека. Советский народ, на долю которого выпала основная тяжесть жесточайшей войны, видит в польском народе, борющемся за свою национальную свободу, союзника и соратника в освободительной войне против немецко-фашистских захватчиков. Он всеми силами стремится поддержать поляков в их борьбе за своё национальное существование, за своё освобождение от гитлеровского ига.

Товарищ Сталин неоднократно указывал, что победа над германским фашизмом должна привести к созданию сильной и независимой Польши. В своём приветственном обращении к съезду Союза польских патриотов в СССР товарищ Сталин писал: «Можете быть уверенными в том, что Советский Союз сделает всё возможное, чтобы ускорить разгром нашего общего врага — гитлеровской Германии, укрепить польско-советскую дружбу и всемерно содействовать воссозданию сильной и независимой Польши».

Совместная борьба советского и польского народов за окончательный разгром гит-

леровской Германии и за прочный мир в Европе со всей убедительностью показывает, как необходим союз между советским и польским народами как во время войны, так и после неё. Говоря о взаимоотношениях между СССР и Польшей после войны, товарищ Сталин подчёркивал, что они должны строиться «на основе прочных добрососедских отношений и взаимного уважения, или, если этого пожелает польский народ, — на основе союза по взаимной помощи против немцев, как главных врагов Советского Союза и Польши»¹.

Уже сейчас, в период войны, советский народ, его Красная Армия оказывают величайшую помощь польскому народу, его патриотам, сражающимся рука об руку с нашей армией против гитлеровской Германии. Воодушевлённая призывом вождя, следуя его приказу, Красная Армия освобождает один польский город за другим, и уже близок день, когда она вызовет весь братский польский народ из немецкой неволи.

¹ И. Сталин. О Великой отечественной войне Советского Союза, стр. 96. 1943.

ЖАН ЖОРЕС

(К тридцатилетию гибели — 1914 — 1944)

А. Манфред

Ромен Роллан в августе 1915 г. сравнивал убийство Жореса с «великим проигранным сражением»¹.

Эта оценка передавала ту остроту утраты, которую ошушали в дни первой мировой войны лучшие люди демократии перед свежей могилой Жана Жореса.

Но и сейчас, тридцать лет спустя, в грозные годы Великой освободительной войны передового человечества против гитлеровской тирании, мир демократии и прогресса в иных словах и в иных сопоставлениях выдаёт должное памяти бесстрашного и мужественного французского патриота, демократа и поборника мира.

Время — вернейший критерий значения и роли отдельных событий и лиц — определило и историческое место Жореса. Не примечательно ли, что из многочисленной плеяды руководителей французского социалистического и демократического движения последнего полувека имя Жореса лучше других выдержало испытание временем! И даже те, кто в спорах с Жоресом в большинстве случаев оставались правы, даже такие заслуженные борцы, как Жюль Гэд, Поль Лафарг, Эдуард Вайян, лучшей поры их деятельности, — даже они не смогли стать такими же боевыми соучастниками великих событий современности, каким был и остаётся до сих пор в своей второй, посмертной жизни Жорес.

Вокруг имени Жореса не только при его жизни, но и после смерти не затихали политические страсти. Его друзья и враги — а тех и других у него было много — никогда не оскорбляли его памяти равнодушием. Никто не мог отрицать его значительности. Но тогда как одни соглашались лишь признать в нём замечательного трибуна, потрясавшего мощью своего ораторского дара, большинство видело в нём прежде всего политического борца. Жорес, всю жизнь ведший споры, возбуждал их и после своей смерти. Политическая деятельность Жореса получала нередко диаметрально противоположную оценку. Стоит напомнить лишь один наиболее разительный пример. В то время как одни видели

в Жоресе первую жертву фашизма², другие, в сектантском ослеплении — и это звучит сегодня почти кощунством, — готовы были представить его чуть ли не идейным предтечей фашизма³.

Но политическое чутьё французского народа вернее всяких литературных классификаторов определяло место Жореса в жизни Франции. Его имя стало символом борьбы передовой демократии против реакции, против империализма и империалистической войны.

Десять лет спустя после гибели Жореса французский народ, свергнувший на выборах 1924 г. реакционное правительство «национального блока», добился перенесения праха великого патриота и демократа в Пантеон, ознаменовав это событие демонстрациями, каких давно уже не видела столица Франции.

Ещё десять лет спустя, в 1934 г., рождавшийся в борьбе против фашизма народный фронт отметил двадцатую годовщину убийства Жореса мощной демонстрацией и клятвой в верности демократическому знамени и в ненависти к фашизму.

Имя Жореса с гордостью носит в подзаголовке «Humanité» — бсевой орган французской коммунистической партии, застрельщик борьбы против гитлеризма, реакции и национальной измены.

И в дни национальной катастрофы Франции и ныне, в дни её возрождения, консолидация антифашистских национальных сил, французские патриоты, поднявшиеся на борьбу против тирании гитлеризма и его лава-левских сателлитов, пишут на знамёнах освободительного движения и имя пламенного патриота Франции, её верного сына — Жана Жореса.

² См. Павлович М. Соч. Т. VII, стр. 97. Гиз. 1926. «Он (Жорес. — А. М.) был первой жертвой мирового фашизма, который расцвёл таким пышным цветом в результате мировой войны».

³ См. Клеман Ж. Жорес-реформист, стр. 231—233. Перевод с французского. М. 1931 Государственный организованный капитализм — «формула, являющаяся также формулой фашизма, была давно дана Жоресом» (стр. 33). См. также предыдущие страницы. (Разрядка моя. — А. М.).

¹ Роллан Р. Соч. Т. XVIII, стр. 90—91.

Общественная биография Жана Жореса представляла собой известное отступление от сложившихся политических обычаев Третьей республики, от неписанного, но распространённого кодекса правил возвышения политических лидеров.

При всём индивидуальном многообразии путей формирования и продвижения политических деятелей парламентской Франции многие из них могли быть сведены к одной типической формуле: слева — направо. Слева направо — это классический образец эволюции значительной части государственных и политических деятелей Третьей республики. Этот путь, проделанный Жоржем Клемансо, был затем варьирован Мильераном, Вивиани, Брианом, Кайо и др., вплоть до нынешних презренных изменников Франции — Лавала, Дорио, Марселя Деа. В этом ставшем традиционным для определённой группы политиков пути к власти, жаждавших её, вчера ещё безвестных молодых людей, не было ничего принципиально нового. Это были лишь модернизированные варианты старой роли знаменитых героев французской литературы — Жюльена Сореля или Эжека Растиньяка, — правда, без той доли благородства, которая была присуща этим персонажам романов Стендаля и Бальзака. Короче говоря, это был ставший обычным путь к «карьеру», путь к деньгам, к власти, к «успеху».

Жан Жорес родился в 1859 году. Он формировался как политический деятель в условиях Третьей республики. Но путь Жореса резко расходился с путями ряда его политических сверстников. Жорес шёл не слева направо, а справа налево. Он шёл с тем передовым направлением буржуазной демократии, которое поддерживало прогрессивные традиции в Третьей республике. Выходец из буржуазной среды, буржуазный профессор философии в Тулузском университете, буржуазный радикал в начале своей политической деятельности, он двигался неизменно влево — к французскому народу, к его передовой части — пролетариату, к социалистическому движению — и пал на боевом посту в борьбе за дело народа, сражённый ударом ненавидевших и боявшихся его реакционных кругов.

А между тем перед ним оставалась широко открытой дверь на верхние этажи социального здания. Его положение, влияние и связи, высокая одарённость, широкий политический горизонт, замечательный ораторский талант, знание внутренней механики парламентских комбинаций делали для него этот путь «наверх» более лёгким, чем для кого-либо иного. Клемансо ещё в 1906 г. называл его «почти президентом совета»¹. «Вы сами один — большинство»², — бросали Жо-

ресу реплики в палате депутатов. Более того: ценя его силу и опасаясь её, правящие круги всячески старались затянуть его в свои сети, втянуть в «свою сферу». Его прельщали министерскими портфелями, властью, славой, ему льстили, его старались подкупить. Всего за несколько часов до убийства (31 июля 1914 г.) Абель Ферри предлагал ему министерский портфель в кабинете Вивиани³. Даже царское правительство России, превосходно осведомлённое о силе влияния Жореса⁴, в 1906 г. пыталось предложить ему 200 тыс. франков за отказ от кампании против русского займа, что отменил в своё время Ленин⁵.

Но Жорес не поддавался соблазнам буржуазного обольщения. В разъединённом ядом коррупции Третьей республике он заслужил, как некогда Робеспьер, почётное прозвище «неподкупного». Он шёл своим путём. Он вступил на большую политическую дорогу в 80-х годах, почти одновременно с Мильераном и Вивиани, и вместе с ними в начале 90-х годов примкнул к социалистическому движению. Вивиани и Мильеран закончили своё политическое поприще премьерскими и президентскими креслами, опираясь на поддержку самых реакционных слоёв французской буржуазии. Жорес, разойдясь в пути со своими бывшими товарищами, в расцвете сил, далеко не исчерпав своих возможностей, был скошен выстрелом из-за угла, направленным этими же реакционными кругами.

Любовь к народу, вера в его силу, искренний гуманизм и демократизм давали Жоресу силу и волю не только противостоять этой среде и нравам прожжённых дельцов, беспринципных политиканов и беззащитных карьеристов, но и пойти войной против них.

Жорес до последнего своего вздоха был последовательным демократом. Воспитанный на лучших традициях великой буржуазной революции 1789—1794 гг., считая Третью республику её детищем, он хотел бы видеть республику чистой и незапятнанной, идеальной, т. е. соответствующей тем первоначальным предначертаниям, которые давали ей великие демократы прошлого, тому содержанию, которое вкладывали в неё передовые люди современности. Республика для него была «логически наиболее совершенной формой демократии»⁶. Не случайно слова «республика» и «демократия» Жорес нередко писал с прописной буквы. Эти два понятия были для него неразрывно связаны между со-

³ Zévaès A. Le parti socialiste de 1904 à 1923, p. 122—125. P. 1923.

⁴ Русское посольство в Париже систематически информировало министерство иностранных дел о выступлениях Жореса в палате депутатов и в печати. См. «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.», М. 1922.

⁵ См. Ленин. Соч. Т. XI, стр. 134.

⁶ «Dépêche de Toulouse». Т. I. 1893. Цит. по Zévaès A. Le socialisme en 1912, p. 41, P. 1912.

¹ «Спор Жореса с Клемансо», стр. 7. Изд. «Народное право». М. 1918.

² Раппорт Ш. Ж. Жорес — человек-мыслитель-социалист, стр. 10. Гомель. 1921.

бой и представлялись ему интегральной формой общественного прогресса. «Во Франции одно лишь слово Республика, всё заполненное грандиозными воспоминаниями о первых поколениях республиканцев, содержит в себе одном все обещания братского равенства»¹, — писал в 1890 г. Жорес.

Всякое дальнейшее общественное совершенствование, вплоть до установления социалистического порядка («социалистической гармонии», как характерно говорил Жорес), он мыслил только в рамках демократической республики. «Социализм по существу носит республиканский характер. Можно даже сказать, что он сам — республика, так как он в сущности есть распространение республиканского режима на условия собственности и труда»², — писал Жорес в 1902 г., уже будучи лидером социалистической партии.

Эта демократическая республика или республиканская демократия превращалась таким образом для Жореса в универсальную самодовлеющую ценность. В этой фетишизации понятия республики вообще было, конечно, много от наивных, мелкобуржуазных иллюзий, от идеалистического мышления, до конца Жоресом не преодоленного. Но глубокая вера в имманентно-прогрессивные качества республики, в её соответствие политическим стремлениям народа воодушевляла Жореса на борьбу против всех сил, стремившихся задуть, урезать или извратить демократическую республику.

Выйдя в середине 80-х годов на широкую политическую дорогу, Жорес столкнулся с реальностью, очень мало походившей на его представления об идеальной республике. Это был период безвременья, измельчания и вырождения господствующей партии умеренных республиканцев, бессилия радикалов, мелочного политиканства и всеобщей продажности. Скандальные поражения тонкинской авантюры 1883—1885 гг., трусливая и бездарная внешняя политика в Европе, разоблачение и позорное изгнание президента Гриви из Елисейского дворца, уродливый буланжистский кризис, всепроникающая коррупция, подготавливавшая панамский гнойник, — такова была скандальная хроника республики в 80-х годах XIX века. Эта республика, так быстро утратившая свои недозревшие добродетели и приумножившая пороки, старательно прикрытые завесой буржуазной респектабельности, республика, становящаяся материалом для сатирических разоблачений «Современной истории» или «Острова пингвинов» Анатоля Франса, была злой пародией на ту совершенную Республику с большой буквы, о которой, зажигаясь, говорил тулузский профессор.

¹ Jaurès Jean. Oeuvres. Etudes socialistes. Vol. I. 1888—1897. Les éditions Rieders, p. 45. P. 1931.

² Цит. по Энзор Р. Современный социализм, стр. 412. Москва. Библиографический институт бр. Гранат.

Но пороки республики не ввергли Жореса в уныние, он не отшатнулся от неё с содроганием. Скорее напротив: именно эти пороки, грозившие республике опасностью внутреннего разложения или подчинения реакционно-клерикальным элементам, с ещё большей повелительностью побуждали Жореса выступить на её защиту.

Жорес верил во внутренние силы демократии, в мощь народа, создавшего республиканские учреждения. Все эти Жюль Ферри, Гриви, герои буланжистского кризиса, «панамисты» казались ему только грязной накипью на могучем и здоровом теле республики. Жорес верил в то, что народ, совершивший пять революций, сумеет очистить республику от этой скверны и вдохнуть в неё новую жизнь. И он ринулся в бой за очищение и возрождение республики.

Жорес начал борьбу в рядах буржуазного радикализма; с позиций радикалов он ратовал против Буланже, против правящих республиканцев-оппортунистов, против их консервативной политики. Но вскоре он убедился, что пороки, разъедавшие официальную, правящую Францию, глубоко проникли и в поры радикального движения. Он удостоверился в ограниченности, двоедушности, бессилии радикализма и понял, что подлинные силы демократии нужно искать за пределами этих промежуточных групп — в рядах поднимавшегося на борьбу пролетариата и его социалистического авангарда.

Жорес увидел в пролетариате и социализме единственную активную силу, способную возродить и укрепить демократическую республику, наполнить её новым содержанием.

В известной парламентской речи 21 ноября 1893 г., направленной против реакционной программы кабинета Дюлюи, Жорес говорил: «Именно потому, что социализм оказывается единственно способным разрешить основное противоречие современного общества, именно потому, что социализм возвещает, что республика политическая должна превратиться в республику социальную, именно потому, что он хочет, чтобы республика была утверждена в мастерской так же, как она утверждена здесь (в палате депутатов. — А. М.), именно потому, что он хочет, чтобы нация была суверенна в экономической сфере для уничтожения привилегий праздного капитализма, подобно тому, как она суверенна в сфере политической, — именно поэтому социализм и исходит из республиканского движения. Это республика — великий подстрекатель, это республика — великий вожак, — так отдайте же её в руки ваших жандармов»³.

Позднее в предисловии к «Истории великой французской революции» Жорес писал: «Социалисты, пролетарии воодушевлены в настоящее время одной и той же идеей... социализм... всё более и более становится великим живым единством и

³ Jaurès Jean. Oeuvres. Etudes socialistes. T. I, p. 235.

оказывает всё более и более многостороннее влияние на жизнь. От него в настоящее время ждут обновления и расцвета все великие силы человечества: труд, мышление, наука, искусство и даже религия, рассматриваемая как подчинение вселенной человечеству»¹.

Жорес постоянно подчёркивал генеалогическую связь между социалистическим пролетариатом и революционным республиканизмом прошлого, он видел в пролетариате единственного носителя и защитника идеи республики, её наследника и продолжателя, подхватившего республиканское знамя, выдавшее из рук буржуазных партий.

«Социалистическая партия — партия глубоко, страстно республиканская. Республика и социализм неразделимы и почти сливаются в одно понятие. — говорил Жорес в своей речи 11 октября 1905 г. в Лиможе. — Социализм неразрывно связан с республикой и по существу и по традиции. Революционная французская традиция соединяет и отождествляет социализм и республику»².

Жорес пришёл, следовательно, к социализму во имя защиты и укрепления демократии; борьба в рядах социалистической партии стала для него наиболее последовательной формой этой защиты.

В знаменитой речи в парламенте 21 ноября 1893 г. «Республика и социализм», направленной против министерства Дюпюи, Жорес в лапидарной и яркой форме выразил это отношение социализма к демократической республике. Подчёркивая и развивая мысль, что социалистическое движение «с такой очевидностью и силой исходит из всех республиканских, светских, демократических учреждений» и что правительство большинства став на путь борьбы с ним, «будет вынуждено прибегать к реакционным действиям», Жорес закончил свой обвинительный акт против консервативного большинства энергичной декларативной формулой: «Вы — дезертиры республиканской политики, мы — социалисты — будем её продолжать!»³.

Социализм Жореса и родился в борьбе против дезертиров республиканской политики. Если, с одной стороны, в оценке Жоресом социалистического пролетариата как носителя и знаменосца подлинной демократии сказались его превосходное политическое чутьё, чувство новой эпохи, то, с другой стороны, особенности его прихода к социализму, подчёркивающие его последовательность как демократа, также объясняют в известной мере источники его слабости и непоследовательности как социалиста.

Придя в ряды социализма, движимый стремлением спасти и возродить демокра-

¹ Жорес Ж. История великой французской революции. Т. I, стр. 7. М. Гиз. 1920. Перевод с французского А. Водена.

² Жорес Ж. Избранные речи и статьи, стр. 69—70. Перевод с французского. Изд. «Луч». СПб. 1907.

³ Jaurès Jean. Oeuvres. Etudes socialistes. Т. I, p. 240.

тию, Жорес не стал пролетарским революционером. В этом убеждают не только его многолетняя деятельность и политическая практика, не оставляющая на этот счёт никаких сомнений: он сам в своих выступлениях и высказываниях многократно и совершенно определённо подтверждал это. Начать с того, что он давал термину «пролетариат» расширительное толкование. Жорес под пролетариями подразумевал не класс наёмных промышленных рабочих, созданных капитализмом и противостоящих ему, а более широкие общественные группы капиталистического общества

В речи в Лиможе 11 октября 1905 г. Жорес со всей определёностью разъяснил, кого он имеет в виду под термином «пролетарии». «Под рабочими, гражданами, — говорил Жорес, — я подразумеваю не только тех, кто работает своими мускулами, но всех, кто производит и творит, — работающих умом, так же как и руками: мастеровых, инженеров, химиков, учёных, артистов, поэтов, всех, кто создаёт предметы роскоши и наслаждений»⁴.

Жорес часто высказывал отрицательное отношение к революции. Он с искренней убеждёностью и откровенной прямоотой заявлял, что стремится к победе мирных путей «преобразования общества» и надеется на возможность избежать насильственной борьбы, вооружённого восстания. В речи в палате депутатов 8 ноября 1910 г. Жорес говорил: «Неизбежно произойдёт социальное изменение, будет иметь место социальная революция. Единственный вопрос заключается в том, чтобы знать, родится ли она в конвульсиях и кризисах, или в великом организованном движении прогресса демократии. Я же, несмотря ни на что, несмотря на ненависть, внушаемую пролетариату обманами и изменами, я ещё верю, — я говорю здесь от всего сердца, как на народных собраниях, — я верю в могущество организованного в демократию прогресса»⁵. Эта речь очень характерна для Жореса. Кстати, она показывает ещё одну особенность его терминологии: Жорес употребил здесь слово «революция», он вообще им пользовался очень часто, но его интерпретация понятия «революция» далека и глубоко отлична от того понимания, которое вкладывает в этот термин революционный марксизм.

В речи на Лионском конгрессе социалистической партии 1912 г. Жорес высказался откровенно: «А! Я знаю, говорят о насилиях, имеющих место в стачках, о дающихся иногда советах прибегать к жестокости. Ещё раз заявляю, — я говорил это часто и повторяю ещё раз: это вещи, которые я не люблю»⁶.

В этих высказываниях ясно сквозит отвращение Жореса к тем «плебейским» фор-

⁴ Жорес Ж. Избранные речи и статьи, стр. 79.

⁵ Клеман Ж. Жорес-реформист, стр. 42.

⁶ Там же, стр. 53.

мам борьбы, которые марксизм-ленинизм ставит на первое место — перед парламентскими формами классовой борьбы. Примкнув к социалистическому движению рабочего класса, Жорес, однако, не стал марксистом-диалектиком: он оставался всегда идеалистом-эклети́ком. И опять-таки это подтверждалось не только его методом политического и научного анализа, его историческими и философскими работами, всем его политическим мышлением, но и собственными его заявлениями¹.

Конечно, активное участие Жореса в социалистическом движении не прошло для него бесследно: оно наложило отпечаток на его политическое мировоззрение и даже на его терминологию. В этом легко убедиться, сопоставляя его ранние выступления, скажем, 80-х годов, с его статьями и речами предвоенных лет². Но эти изменения не коснулись главного.

• Став членом и лидером социалистической партии, Жорес, по существу, оставался всегда, до последних своих дней, тем же, кем он был и раньше, — интеллигентом-демократом, мужественным, честным, боевым, бесстрашным, но находящимся всецело во власти идеалистического мировоззрения и мелкобуржуазных иллюзий.

Эта позиция с неизбежностью приводила Жореса в правый лагерь социалистического движения. Он стал лидером реформистского направления французского социализма и в известной мере и II интернационала. Во всех крупных спорах в рядах французских и международных социалистов он в большинстве случаев отстаивал ошибочные, неверные позиции, имея противниками представителей левого крыла II интернационала. Ленин подвергал жестокой и суровой критике взгляды Жореса. Он вёл борьбу против оппортунистического направления Жореса, против его тактики и взглядов как социалиста. Но, говоря о позиции Жореса во время «казуса Мильерана», когда особенно резко обнаружилось грубо неверное, откровенно реформистские взгляды Жореса, Ленин, разоблачая их смысл, в то же время подчёркивал: «Кто хочет с диалектически-материалистической точки зрения оценить жоресизм, тот должен строго отделить субъективные мотивы и объективные исторические условия»³. Это указание Ленина наряду с другими его высказываниями о Жоресе говорит о том, что Ленин в своей критике жоресизма никогда не забывал о безукоризненной честности, искренности и

¹ «Материалистическое понимание истории не является препятствием к её идеалистическому толкованию». — писал Жорес. См «Идеалистическое и материалистическое понимание истории», стр. 3. 1906; см. также Jaurès J. Oeuvres. T. VII «De la réalité du monde sensible». P. 1937; его введение к «Истории великой французской революции».

² Ср., например, «Le socialisme de la Révolution Française». Oeuvres. T. I, с его статьями о всеобщей стачке, и т. п.

³ Ленин. Соч. T. VII, стр. 198.

мужестве Жореса, о чистоте и благородстве его побуждений.

Жорес был реформистом. В период, когда история объективно ходом развития поставила пролетариат перед великими революционными боями, Жорес проповедовал возможность мирных форм борьбы, возлагал надежды на реформы, сеял иллюзии и тем самым отвлекал рабочий класс от его прямых боевых задач. Общественный вред реформизма Жореса был несомненен. Но вместе с тем реформизм Жореса — это не реформизм Мильерана или Бернштейна. И хотя в известные периоды времени они стояли на довольно близких позициях, их имена глубоко чужды друг другу.

Реформизм Жореса, если так можно выразиться, — это наивный реформизм. Он был следствием мелкобуржуазных иллюзий, идеализирующих и приукрашивающих действительность. Стремления и помыслы Жореса были высоки и чисты. Он был воодушевлён одним желанием — служить своему народу, служить человечеству. Но его гуманизм и демократизм, как и у многих лучших представителей западноевропейской интеллигенции, не сумевших до конца соединиться с передовым классом демократии — пролетариатом, — имели несколько общий и отвлечённый характер.

Этот гуманизм шёл от идей французского просветительства XVIII в., от Руссо, от традиций французской буржуазной революции, от великих утопистов-социалистов. Жорес был одним из последних моги́кан и наследников этой растянувшейся на полтора столетия духовной генерации французского буржуазного гуманизма. Сменявшиеся идейные наслоения, воздействие иной общественной среды видоизменили этот гуманизм до неузнаваемости; в XX в. он был совсем не похож на гуманизм, который прокладывал себе дорогу в XVIII столетии. Но сквозь воззрение и аргументацию Жореса, казалось, целиком порождённые новой исторической эпохой, явственно проступали следы гуманистических концепций прошлого. Из этих истоков — от философии просветительства и утопического социализма — шла его непоколебимая и наивная вера в могущество разума, в спасительную силу убеждения. Каким наивным анахронизмом звучали накануне первой мировой войны, в 1912 г., его мечтания, облечённые в форму статьи о победе сил «разума и гармонии»: «Ах, если бы народы смогли ещё в течение нескольких лет сохранить мир, предотвратить роковой взрыв назревающих конфликтов! Если бы они могли дать время силам разума и гармонии, чтобы распознать друг друга, организовать, преисполнить сознанием самих себя»⁴. Или его разительное по своей наивности и откровенной утопичности требование в дни балканских войн 1912 г. «революционизировать» дипломатию (без революции вообще). «Я не устану повторять, — писал в «Humanité» Жорес в

⁴ Jaurès J. Au bord de l'abîme, p. 110. P. 1939.

марте 1912 г., — как я это уже делал и раньше, что необходимо революционизировать дипломатию. Надо, чтобы она основывалась на их принципах»¹. И не менее характерное для того же идеалистически гуманистического мышления заключение: «Без крупного морального потрясения, восстанавливающего силы права, справедливости, мира, правды, Европа окажется обречённой на самые ужасные авантюры»².

От французских утопистов — хотя Жорес от этого и отгораживался — шла и его иллюзорная вера в возможность доводами от разума переубедить правящие классы, добиться убеждением иной политики, иных практических результатов. Жорес неоднократно апеллировал к правящим классам — к их разуму, совести, сознанию. Он взывал в политике к чувствам, он привносил в неё моральные оценки. В 1912 г., стремясь предотвратить вовлечение Франции в войну, Жорес писал очень характерные для него строки: «Мы — мы не перестанем предупреждать Францию, и, может быть, в конце концов, если исступление правящих и большинства не стало хроническим, наши призывы будут услышаны»³. В дни июльского кризиса 1914 г. — на пороге первой мировой войны — Жорес наряду с яростной и мужественной борьбой против неё обращался к Вивиани и другим министрам, убеждал их, уговаривал, стремился воздействием на их сознание и чувства добиться иного направления французской политики⁴.

Буржуазный гуманизм Жореса, как уже говорилось, носил слишком общий и отвлечённый характер. В своих статьях и выступлениях Жорес рассматривал обобщённые, сложные категории как органическое единство. Сложность и противоречивость классового членения общества так до конца и оставались непостижимыми Жоресом. Он апеллировал к единству, которого не было и не могло быть в реальном классовом обществе.

Всё это при субъективно лучших побуждениях давало теоретически и практически неверные, неосуществимые, утопические рецепты решения социальных вопросов.

К тому же в отличие от Анатоля Франса, с которым Жореса объединяла не только личная дружба, но и во многом идейное родство⁵. Жорес сохранил верность оптимистическим традициям французского гуманизма. Он оставался всю жизнь неисправимым идеалистом и оптимистом.

Жорес твёрдо верил в лучшее будущее. Клемансо как-то остроумно заметил: «Произведения Жореса можно безошибочно уз-

нать: у него все глаголы в будущем времени»⁶. Это было верно. Но, страдая избытком оптимизма, Жорес готов был наделить им и других. Он видел современный ему мир лучшим, чем он был на деле. Он часто готов был видеть добрую волю там, где в действительности её заменяли жёсткий расчёт или злой умысел. Он не терял веры в возможность доводами от разума и убеждениями достигнуть соглашения даже тогда, когда исход спора решала только борьба. В переводе на политический язык это означало: политика классового примирения. И эту политику, реформистскую политику Жорес защищал с той же идеалистической убеждёностью. В споре с Клемансо в июле 1906 г. он говорил: «Но я имею право перед парламентом, перед пролетариатом изложить гипотезу переустройства, основанного на закономерной мирной эволюции; потому что я страстно жажду, чтобы эта гипотеза воплотилась в жизнь»⁷. От этой убеждённости Жореса его реформизм не становился, конечно, менее вредным для революционного движения пролетариата, поэтому-то Ленин вёл с этим реформизмом борьбу, но убеждённости и субъективной честности Жореса даже в его заблуждениях многое объясняли в его облике политического борца.

Если бы Жорес был только социалистом-реформистом, автором примирительных резолюций, он никогда не занял бы того места в общественном сознании современности, которое он сохраняет до сих пор.

Глубоко антиисторичны попытки некоторых историков свести оценку Жореса к педантичному каталогизированию списков прегрешений Жореса перед ортодоксальным марксизмом, тем более что он таковым никогда себя не признавал.

Сила Жореса не в его деятельности как лидера правого крыла французского социализма, а в том, что несмотря на то, что он, скажем прямо, был плохим социалистом, он сумел быть мужественным и бесстрашным борцом против открытых и тайных врагов демократии, верным сыном и горячим защитником французского народа, его интересов, стремлений и нужд. А его мученический конец поставил его имя на одно из почётнейших мест в исторической галерее героев и мучеников борющегося рабочего класса.

И, определяя место Жореса в общественном и идейном развитии Франции, его надо искать не среди оппортунистических социалистов типа Реноделя, а в том идейно-интеллектуальном направлении французской общественной мысли, которое представлено Эмилем Золя, Анатолем Франсом, Роменом Ролланом и др.

Идейное, этическое, интеллектуальное родство Жана Жореса с передовой группой

¹ Jaurès J. Au bord de l'abîme, p. 60.

² Ibidem.

³ Ibidem, p. 63.

⁴ Zévaès A. Le parti socialiste de 1904 à 1923, p. 119—140.

⁵ См. Ségur N. Conversations avec Anatole France. P. 1925; де Гофф Марсель. Анатолий Франс в 1914—1924 гг. Л. 1926.

⁶ Suarez Georges. Soixante années d'histoire française — Clémenceau, ed. Tallendier. T. II, p. 71. P. 1932.

⁷ «Спор Жореса с Клемансо», стр. 22.

французской интеллигенция, представленной Эмилем Золя, Анатолем Франсом, Роменом Ролланом и др. — этой французской «партией» прогресса, — неоспоримо. Их роднили и сходство интеллектуального строя, при всём индивидуальном своеобразии каждого из них, и близость этических принципов, игравших значительную роль в их гуманистическом мировоззрении, и, наконец, родственность их общественной функции, осуществляемой разными методами — критикой и разоблачением жестокой действительности Третьей республики. В последнем Жорес пошёл значительно дальше своих духовных товарищей. В отличие от них (по преимуществу художников и людей созерцательного склада ума) Жорес был прежде всего человеком действия. В нём билось сердце пламенного борца. Он был бойцом и по убеждению и по темпераменту. Его слух, как и Ромен Роллана, чутко воспринимал голос человеческого страдания, но неизмеримо сильнее и действеннее была его реакция на это восприятие. Он никогда не уклонялся от сражения; напротив: он сам его искал и был в первых рядах нападающих.

Не было ни одного крупного политического столкновения во Франции при жизни Жореса, в котором он не скреживал бы своей шпаги с врагами демократии.

Жорес начал политическую борьбу с выступлениями в 1887—1889 гг., против авантюры генерала Буланже, против «панамистов» в 1892 г. и взрастившей их социальной среды. Но общественно весомой политической борьба Жореса становится лишь в 90-е годы, в период, когда реакционные клерикально-милитаристские элементы, используя слабость дискредитированных фракций республиканцев, только что переживших позорное падение Гриви, буланжистский кризис, панамский скандал, перешли в наступление против демократии.

Так называемые «злодейские законы», проведённые после покушений анархистов в 1893—1894 гг., были одним из первых ударов, направленных не только против социалистов (которых преднамеренно амальгамировали с анархистами), но и против завоёванных демократией позиций вообще.

Жорес, переизбранный в 1893 г. в парламент, ринулся в бой против объединившихся реакционно-консервативных сил. Отмежевываясь от анархистов, он разоблачал социальный смысл этих законов, раскрывая не только их заострённость против пролетариата, но и их антидемократическую, антиреспубликанскую природу. Он правильно подчёркивал, что удар по рабочему классу есть в то же время удар и по республиканской демократии вообще.

Жорес был в первых рядах и во время кампании 1894—1895 гг. против президента реакции Казимира Перье, в этой острой схватке между реакционной и прогрессивной Францией. В палате депутатов, на страницах печати, выступая защитником Жеро-Ришара на его процессе, он вёл яростный и сосредоточенный огонь против ненавистного ставленника реакции — Казимира Перье. И в свержении его — в этой несомненной побе-

де социалистической партии и поддерживавших её прогрессивных сил — большая заслуга Жореса.

Можно сказать, что Жорес несмотря на ошибки в его позиции спас честь французского социализма в 1898—1899 гг. в знаменитом деле Дрейфуса. В отличие от Гэда, после колебаний занявшего сектантскую позицию «невмешательства», в отличие от большинства французских социалистов Жорес со всей решительностью вступил в это сражение. Он был прав, утверждая, что «не только в интересах человечества, но и в прямых интересах пролетариата протестовать, как мы это делали, против беззаконий, раскрытых процессом Дрейфуса»¹, что борьба против преступлений и насилий атакующей реакции есть достойнейшая и непосредственная задача рабочего класса. В ноябре 1900 г., выступая в Лилле на диспуте с Гэдом, Жорес, возвращаясь к спорам о тактике в период дела Дрейфуса и обосновывая занятую им в то время позицию, говорил: «Когда поставлена на карту республиканская свобода, когда угрозе подвергается свобода духа, свобода совести, когда старые предрассудки, разжигающие национальную ненависть, снова возрождаются и когда, кажется, жестокие религиозные междоусобия минувших веков снова готовы возгореться. — тогда долг социалистического пролетариата стать впереди тех буржуазных фракций, которые не хотят пойти назад, во тьму прошлого»². И лозунг Жореса «На защиту республики!», который он позднее, во время «казуса Мильерана», когда условия во Франции изменились, неверно интерпретировал, — этот лозунг в дни дела Дрейфуса, в дни борьбы демократии против реакции, был правилен и встречал сочувственный отклик в прогрессивных кругах Франции.

Жорес с горячим сочувствием и восторженностью встретил русскую революцию 1905 года. Идеалист, обольщавший себя наивной надеждой на возможность «мирного преобразования» общества, он безоговорочно одобрял революционное насилие русского пролетариата и подчёркивал значение для Европы революционной борьбы в России. В дни декабрьского вооружённого восстания (25 декабря 1905 г.) на страницах «Humanité» Жорес писал: «Из этой страны льда, где всякая жизнь, казалось, заморожена вечной зимой, отныне распространяется по Европе тёплое дыхание свободы»

¹ Jaurès J. Les preuves. Affaire Dreyfus, p. 13—14. P. 1898. Для Жореса был очевиден глубокий социальный смысл «дела». Он писал: «Дрейфус, ошибочно и преступно осуждённый обществом, с которым мы сражаемся, независимо от его происхождения и предназначавшейся ему судьбы, становится резким протестом против общественного порядка. Вследствие ошибки общества, которое в борьбе против него упорствует в насилии, лжи и преступлении, он становится элементом революции» (стр. 13).

² Жорес Ж. и Гэд Ж. Две тактики, стр. 10. Изд. «Литературное дело». СПб. 1926. Перевод с французского А. Н. Вейсбрута.

и справедливости»¹. И после разгрома декабрьского восстания Жорес сохраняет веру в русскую революцию.

7 января 1906 г. он снова писал в «Humanité»: «Реакционеры напрасно льстят себя надеждой, что русская революция раздавлена и навсегда потоплена в крови. Негодование, которое вызывается свирепыми московскими репрессиями, пробуждает сознание нации»². И правильно понимая свои — французского социалиста — первоочередные обязанности по отношению к русской революции, Жорес с огромной энергией и страстностью начинает борьбу против предоставления французского займа царизму, облегчающего ему расправу с революцией. «Но разве не чудовищно, чтобы правительство французской республики помогало русскому самодержавию против народа... это значит возложить на Францию часть ответственности за убийства и преступления... — писал Жорес на страницах «Humanité» в январе 1906 года. — Кто бы ни дал денег самодержавию, он этим будет поддерживать убийство нации; брызги крови и следы рабочего клейма останутся у него на руках и на лбу»³.

Жорес в 1906—1909 гг. вёл борьбу против политики «социального консерватизма» Клемансо, против правительственных насилий над бастующими, чинимых кабинетами Сарьена, Клемансо, Бриана и др. С первых же дней вступления Клемансо в правительство в качестве министра внутренних дел в кабинете Сарьена Жорес разоблачал полный переход вождя радикалов, бывшего дрейфусара Клемансо, в лагерь воинствующей политической реакции. В парламентском поединке с Клемансо в июне 1906 г., вскоре после подавления новым правительством забастовки в Га-де-Кале, Жорес с присущим ему мастерством показывал превращение вчерашнего «непримиримого» критика в боевую силу реакции: «А! Я понимаю смущение, тайное раздражение министра внутренних дел (Клемансо. — А. М.). До сих пор он критиковал все учреждения, не рисуя положительной перспективы нового общества, нового строя; когда же люди, отчасти воспользовавшиеся его резкой критикой, двинулись в путь и размерами своего выступления подчеркнули, что время голой критики миновало, что нужно действовать, необходимо реформировать порядок, основанный на несправедливости и угнетении, — тогда вчерашний критик, очутившийся перед пустым местом своих концепций будущего, невольно охватывается чувством досады, выражающимся в излишнем применении полицейской и военной силы»⁴. И, продолжая свои обвинения против Клемансо, Жорес утверждал, что «рабочий класс при настоящем правительстве терпел больше притеснений, чем при прежних республиканских министерствах»⁵.

¹ Жорес Ж. Избранные речи и статьи, стр. 195.

² Там же, стр. 198.

³ Там же, стр. 199—200.

⁴ «Спор Жореса с Клемансо», стр. 16.

⁵ Там же, стр. 21.

Жорес вёл энергичную борьбу против политики кабинета Бриана (1909—1911 гг.), с которым он был связан в прошлом дружбой; он яростно выступал против реакционного курса Пуанкаре; уже накануне своей гибели он изобличал происки реакции, скрытые за внешней стороной процесса Кайо.

Борьба Жореса против реакционной политики французского империализма, против открытых и тайных врагов французского народа была всегда действительна и конкретна. Он не любил безличных обвинений, анонимной критики, теоретического осуждения «греха» вообще. Он выступал с поднятым забралом и срывал защитные маски со своих противников. Он разоблачал французский империализм в его конкретной политике и главных действующих лицах. Его сила была в том, что он сражался не против реакции вообще, а против конкретных её носителей; он называл врагов по именам, приковывая к ним внимание всей страны. Его нельзя было утратить, он обладал «сверхчеловеческой храбростью»⁶, по свидетельству его современников. Он публично бросал обвинения в лицо министрам и президентам — всем этим Перье, Дюпюи, Мелинам, Рувье, Пуанкаре, чьи имена он произносил с нескрываемым презрением, выводя на чистую воду их грязные дела, их тайные побуждения и преступные замыслы.

И эта мужественная и действенная борьба Жореса против врагов в собственной стране давала ему право высмеивать и разоблачать оппортунистическую практику германской социал-демократии, её политическое бессилие и немощь. Выступая на Амстердамском конгрессе II интернационала в 1904 г., Жорес, обращаясь к германским социал-демократам, говорил: «Вы продолжаете ещё более притуплять, смущать и ослаблять в немецком пролетариате эту исторически слишком слабую силу недостаточной революционной традиции... Вы скрыли от своего собственного пролетариата, от интернационального пролетариата вашу немощь действовать за непримиримостью теоретических формул, которые вам будет доставлять ваш превосходный товарищ Каутский до самой своей смерти»⁷.

Конкретность и действенность неустранимой борьбы Жореса и создавали ему столько врагов в лагере реакции. Но они же порождали горячую любовь и глубокое уважение народа, сопровождавшие Жореса на всём пути его прижизненной и посмертной славы.

Жорес стяжал себе в Европе славу глашатая мира, борца за братство народов. Весь свой неукротимый, бурный темперамент, всю свою яростную, неиссякаемую энергию, поразительный ораторский талант он поставил на службу борьбы против империалистической агрессии, против угрозы войны.

⁶ Zévaès A. Op. cit., p. 124.

⁷ Жорес Ж. и Бебель А. Две речи, стр. 9—10. Изд. «Вперёд». Одесса.

Борьба Жореса против империалистов — поджигателей войны — не носила формы отдельных, спорадических выступлений. На протяжении всей своей активной жизни, изо дня в день, на страницах «Dépêche de Toulouse», «Petite République», «Humanité», на рабочих собраниях, в палате депутатов, на международных конгрессах Жорес, не снижая напряжения атаки, не притупляя зоркости взгляда, вёл тяжёлую, непрекращавшуюся борьбу против империалистической войны. Это была, как он сам говорил, «беспрерывная битва» (*lutte perpétuelle*) против войн.

Жорес начал эту борьбу с яростного выступления против реакционно-милитаристской авантюры генерала Буланже, одновременно мобилизуя внимание и насторожённость страны против агрессивно-провокационных замыслов Бисмарка. Стремясь предотвратить реваншистскую войну между Францией и Германией и разрешать противоречия между ними на демократической основе, Жорес в то же время неустанно предупреждал об опасности, грозившей со стороны прусского милитаризма.

Перед растущей военной угрозой Франции, в первую очередь со стороны Германии, Жорес считал необходимым прежде всего расширение и укрепление демократии, политики социального прогресса. В 1894 г. в программной статье «La France» Жорес писал: «Правда заключается в том, что лучшей защитой Франции в кризисах, которые готовятся, было бы в самой полной мере стать страной республиканской свободы, социального прогресса и демократии»¹.

В то же время, в 80—90-х годах, Жорес приветствовал сближение Франции с Россией, считая, что сотрудничество этих стран способно обуздать воинственные замыслы германских империалистов².

Жорес возвышал свой голос против политики колониальных захватов и авантюризма. Он бичевал французскую экспансию на Мадагаскаре (1894—1896 гг.) и в Африке, итальянскую грабительскую авантюру против Абиссинии (1895—1896 гг.), подавление империалистическими державами национально-освободительного движения в Китае (1900 г.) и другие акты колониальной политики.

Жорес выступал в защиту угнетённых народов, протестуя против резни и истребления армян при Абдул-Гамиде, против расправы над восставшим народом Крита, против угнетения народов балканских стран.

С первых же дней французской экспансии в Марокко Жорес стал решительным противником этой «бессмысленной и подлинно преступной политики»³. 19 сентября 1903 г. в статье «Un grand danger» («Большая опасность») Жорес предостерегал: «Военно-колониальная интрига, которую Франция

стремится завязать в Марокко, — это одна из самых больших опасностей, угрожающих республике и Франции»⁴. С тех пор несмотря на угрозы, бешеную травлю, злобное улюлюканье империалистической печати и «профессиональных националистов» Жорес на протяжении всех последующих лет изо дня в день вёл открыто и мужественно борьбу против французской колониальной политики в Марокко⁵.

Жорес, — которого его враги, стремившиеся ранить всего чувствительнее, обвиняли в «германофильстве», а позднее и в измене Франции, — многократно подчёркивал, какая опасность грозит от имперской, «кастовой, юнкерской» Германии, как он её называл.

В 1905 г. на страницах «Humanité» Жорес выдвигал совершенно правильную мысль, что именно Германия стала самым реакционным государством в Европе. Говоря о враждебном отношении Германии Вильгельма II к русской революции, об отказе Германии присоединиться к давлению европейских держав на Турцию Абдул-Гамида в целях прекращения угнетения народа Македонии, Жорес писал: «Таким образом, и по внешней и по внутренней своей политике она (Германия. — А. М.) становится самой реакционной державой в Европе; и именно поэтому она на пути к полной изоляции. Эта великая страна, где мысль отличалась такой смелостью, может потерять связь с общим движением человеческой культуры»⁶. По меткому замечанию Ромен Роллана, Жорес сумел предугадать и «роль приручённого зверя, которую в случае войны сыграет германская социал-демократия»⁷.

В дни марокканских кризисов (1905 и 1911 гг.), боснийского кризиса (1908—1909 гг.), итало-турецкой войны (1911—1912 гг.), балканских войн (1912—1913 гг.), накануне первой мировой войны Жорес разоблачал поджигателей войны, раскрывал нити заговора против мира⁸. Перед лицом растущей военной угрозы Жорес постоянно апеллировал к пролетариату, будил его энергию, толкал и вдохновлял его на борьбу против военной опасности. Он призывал пролетариев удвоить активность в укреплении их связей, умножить их «солидарность, чтобы дать почувствовать всем державам варварства силу цивилизации, которую не сёт в себе всемирный пролетариат»⁹.

В грозные дни июльского кризиса 1914 г., когда на мир неотвратимо надвигалась война, Жорес удесятил свою энергию и усилия, чтобы предотвратить это бедствие.

В последней, ставшей знаменитой речи в Вёзе, близ Лиона, 25 июля 1914 г. Жорес призывал французский народ к борьбе против надвигавшейся катастрофы. В яркой и образ-

⁴ Ibidem, p. 36.

⁵ См. Jaurès J. Le guépier marocain (1906—1908). P. 1933.

⁶ Жорес Ж. Избранные речи и статьи, стр. 192.

⁷ Роллан Р. Соч. Т. XVIII, стр. 44.

⁸ См. его статьи, собранные в VII томе «Oeuvres. Europe incertaine». P. 1934.

⁹ Jaurès J. Au bord de l'abîme, p. 25.

¹ Jean Jaurès. Oeuvres. Pour la paix. Les alliances européennes 1887—1903, p. 63. P. 1931.

² Jean Jaurès. Oeuvres. La genèse de l'Alliance franco-russe, p. 39—63.

³ Jaurès J. Oeuvres. Т. II. La paix menacée, p. 33. P. 1931.

ной форме он разоблачал империалистическую политику предыдущих лет, приведшую к мировой войне. Принцип: «Ты можешь воровать на одном конце улицы, потому что я украл на другом» — этот принцип и практика империалистических правительств приехали в конце концов к войне. Но Жорес не отказывался от борьбы до последней минуты. «В момент, когда мы стали перед угрозой убийства и одичания, у нас остаётся только один шанс на сохранение мира и спасение цивилизации — это чтобы пролетариат собрал все свои силы, насчитывающие большое число братьев, и чтобы все пролетарии: французы, англичане, немцы, итальянцы, русские, потребовали у этих тысяч людей объединения для того, чтобы единодушное биение их сердец предотвратило ужасный кошмар»¹.

В последней статье Жореса, опубликованной в «Humanité» 31 июля 1914 г., за день до начала европейской войны и за несколько часов до убийства Жореса, народный трибун звал пролетариев на борьбу против войны. Он заканчивал статью энергичным призывом к борьбе: «То, что сейчас нужнее всего, — это непрерывность действия, это постоянная бдительность пролетарской мысли и совести. В этом — истинная защита. В этом — гарантия будущего»².

Последовательность и бесстрашие в борьбе против зачинщиков войны, создавшие Жоресу популярность в широких народных массах, были источником и той зоологической ненависти, которую питали к великому трибуну империалистические и предфашистские элементы.

В позитивной мирной программе Жореса было много наивного, утопичного, неверного. Его план «новой армии», насквозь реформистский, был явно утопичен. В конкретных оценках международной ситуации, определении сил мира и войны Жоресу за долгие годы его борьбы случалось ошибаться, высказывать неверные суждения. Но антивоенная деятельность Жореса никогда не имела ничего общего ни с буффонадным и лживым антимилицаризмом Эрве, ни с политикой непротравления злу толстовского толка.

Жорес также не был противником всякой войны; его антимилицаризму было чуждо сантиментальное отрицание войны «во всех случаях». Достаточно обратиться даже к его книге «Новая армия» — произведению, в котором реформистские взгляды Жореса получили едва ли не наиболее завершённое выражение, — чтобы убедиться, как правильно и глубоко оценивал Жорес прогрессивный характер революционных войн 1792—1794 гг., как верно он понимал источник силы и преимущества этих войн как войн справедливых³.

Жорес решительно отвергал проповедовавшееся в ту пору Эрве принципиальное без-

различие пролетариата к судьбам своей страны, к вопросам её национальной и государственной независимости. «Утверждение, что пролетарии, находящиеся во власти капитала, не подвергнутся в результате иностранного вторжения и завоевания ещё худшему угнетению, является детским вздором»⁴, — писал Жорес. Он иронизировал над теми, кто говорил, что могут вообще найтись французы, для которых безразлично, находится ли под владычеством прусской каски или французского президента республика.

Жорес был убеждённым противником и малодушной, слабой внешней политики — политики попустительства, уступок агрессору. В конце 90-х годов он вёл открыто и мужественно борьбу против недостойной Франции политики в восточном вопросе, против подчинения французской дипломатии интересам Германии. Он разоблачал позорную роль Франции в крито-греко-турецком вопросе 1897 г. и лживость позиции Мелина, попустительствовавшего «во имя сохранения мира» расправе над освободительным движением греков.

В феврале 1897 г., обвиняя французскую дипломатию в постыдной роли прислужницы Вильгельма II и требуя твёрдой внешней политики, соответствующей демократическим принципам страны, Жорес писал: «Мы находимся накануне фактического объявления войны Греции, во имя сохранения её жертв султану-палачу, султану-убийце — и это под внушением и под руководством Вильгельма II! Это с сердцем, исполненным гнева и стеснённым стыдом, я пишу эти строки! Позор для нас, если мы терпим подобные вещи! Позор для Франции, если она мирится с такой жалкой ролью!»⁵.

Эти строки, написанные в конце 90-х годов, могут показаться предназначенными для Франции 1936—1939 гг., для Франции предмюнхенской и мюнхенской политики.

Борьба Жореса против войны и его позиция в вопросах внешней политики были исполнены подлинного патриотизма и чувства братства народов, и это придавало им такую силу.

Жорес был великим патриотом своей страны. «Я всегда был убеждён, что пролетариат никогда не станет сочувствовать учению об отказе от национальнойности»⁶, — писал о себе Жорес. Горячий и искренний поборник братства народов и равноправия наций, Жорес гордился тем, что он был французом и верным сыном своей родины. Он был патриотом свободной, демократической Франции, великих традиций Франции 1793, 1848 и 1871 годов. В полемике с реакционными националистами, претендовавшими на монополию патриотических чувств и обвинявшими Жореса в

¹ Jaurès J. Au bord de l'abîme. p. 356.

² Jaurès J. Oeuvres. T. IX. p. 398.

³ Jaurès J. Oeuvres. T. IV. L'armée nouvelle, p. 72—89. P. 1932.

⁴ Ibidem, p. 303.

⁵ Jaurès J. Les alliances européennes, p. 148.

⁶ Jaurès J. L'armée nouvelle. p. 302.

антипатриотизме, национальном предательстве и пр., Жорес писал: «Это мы (социалисты.— А. М.) являемся истинными националистами, так как только мы можем создать подлинное единство нации»¹.

Жорес мечтал «вырвать отечество из рук лиц, взявших его на откуп»²,— империалистов и грабителей-финансистов, мечтал о могучей, свободной, народной Франции.

«Только в социальной Республике Франция найдёт возрождение своего величия»³,— писал Жорес. И он призывал рабочих и всех честных французов бороться за очищение и возрождение своего отечества.

Во имя защиты своей родины, во имя патриотизма Жорес обличал реакционные силы, которые, прикрываясь мнимым патриотизмом, проводили политику, враждебную национальным интересам Франции, представляли собой потенциально партию национальной измены.

В конце 90-х годов Жорес срывал защитную маску патриотизма с милитаристско-реакционной клики антидрейфусаров, из ненависти к демократии прикрывавших и скрывавших в своей среде немецкого шпиона Эстергази; с Мелина и мелинистов, под завесой лицемерных фраз о сохранении мира угодничавших перед Германией в вопросах внешней политики; с Андре Тардые, защищавшего на страницах «Temps» «великие интересы Франции» и втихомолку (в 1912 г.) продававшего немцам французские интересы в деле Н'гоко-Санга; с «великого патриота» Кальметта, организовавшего в 1914 г. грязный поход против «германофила» Кайо, но тайно получавшего для «Figaro» деньги от немецких банков, от Круппа и от враждебных Франции венгерских групп.

Жорес разоблачал эту тесно связанную между собой влиятельную клику плутократов и крайних реакционеров, готовых из страха и ненависти к народу своей страны вступить в сделку и открыть ворота внешнему врагу, стать на путь национальной измены.

Жорес разоблачал и бичевал политических предшественников— духовных отцов Бонна, Пэтенов, Лавалей. Жорес вёл борьбу против реакционных, империалистических,

антинациональных сил открыто, мужественно, бесстрашно.

Французская реакция платила ему за это жгучей ненавистью. Ни один из социалистических деятелей Франции не подвергался такой бешеной травле, как Жорес. По свидетельству его биографа, «Temps» ежедневно помещала одну или две статьи, направленные против Жореса. «Можно было составить библиотеку из нападений и клеветнических выпадов»⁴, направленных против него. Накануне мировой войны 1914—1918 гг. реакционная националистическая печать издана в день призывала к убийству Жореса.

31 июля 1914 г., на пороге первой мировой войны, наёмный убийца Виллен оборвал жизнь великого французского патриота.

Жорес был первой жертвой французского предфашизма.

Но и после своей смерти Жорес продолжал жить в сознании народа.

Его гремевший голос из-за могильной плиты продолжал достигать врагов французского народа, звать на борьбу, сплачивать силы страны для её возрождения. Его имя на тысячах оттисков коммунистической «Humanité» наряду с именами новых борцов за свободу и независимость Франции стало одним из символов народной борьбы против фашизма.

В дни величайших испытаний Франции, в страшные годы её порабощения немецко-фашистской тиранией, французские пролетарии и все честные патриоты страны с особым чувством вспоминали слова Жореса: «Пролетариат, отказавшийся от защиты национальной независимости, а вместе с нею и своего свободного развития, никогда не будет в силах победить капитализм; и если он без сопротивления допустит, чтобы гнёт завоевателя добавился к гнёту капитала, тогда он будет неспособен даже поднять свою голову»⁵.

Французский народ поднялся на борьбу против владычества фашистского завоевателя, против изменников, открывших врагу ворота Франции, против предателей своей родины.

В этой великой освободительной войне, которая только одна может спасти и возродить Францию, незримо сражается и старый боец против реакции, военной агрессии, предфашизма, поборник мира, свободы и демократии, великий французский патриот— Жан Жорес.

¹ Jaurès J. Les alliances européennes, p. 118.

² Jaurès J. Oeuvres. T. IV, p. 344.

³ Jaurès J. Les alliances européennes, p. 118.

⁴ Раппопорт Ш. Ж. Жорес— человек-мыслитель-социалист, стр. 12.

⁵ Jaurès J. Oeuvres. T. IV, p. 303.

ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРОМВЕЛЯ (1641 — 1651)

В. Семёнов,

проф. Моск. госуд. пед. инст. имени В. И. Ленина

Английская революция 40—50-х годов XVII в. выдвинула крупнейшего государственного деятеля и полководца — Оливера Кромвеля. Именно Кромвель, опираясь на народные массы, сумел довести до конца борьбу с феодальными классами, поддерживавшими Карла I, и установить новый для того времени буржуазный порядок, распространившийся позднее по всей Западной Европе. В настоящей статье нам хотелось бы остановиться на военной деятельности Кромвеля в период гражданских войн, проследить его развитие и рост как полководца, подчеркнуть основные его качества как военачальника, которые создали ему славу в истории военного искусства.

I

Кромвель стал военным человеком в сравнительно позднем возрасте. До революции это был типичный мирный, полудеревенский, полугородской сквайр, усердно занимавшийся сельским хозяйством. Он никогда не состоял на регулярной военной службе и не участвовал ни в одном походе. Лишь начавшаяся гражданская война парламента с королём заставила Кромвеля заняться военными вопросами.

Регулярной армии (подобно существовавшей в то время в ряде стран континентальной Европы) в Англии тогда ещё не было. Военные силы состояли из отрядов народного ополчения, носившего чисто местный и строго оборонительный характер (милиция отдельных графств), и наёмных войск, число которых и при Тюдорах и при Стюартах в разное время было неодинаковым, но никогда не было особенно большим. Можно согласиться с биографами Кромвеля, что главной учительницей его в военном деле была гражданская война¹. И всё же в дорезолюционной жизни Кромвеля был ряд моментов, которые в известной степени подготовили его к военной деятельности. В быту тогдашнего провинциального джентльмена имелись некоторые обстоятельства, способствовавшие воспитанию в нём качеств будущего воина.

Прежде всего следует отметить страстное увлечение Кромвеля верховой ездой. Кромвель был прекрасным наездником и большим знатоком лошадей. Далее, изве-

стно, что Кромвель был не менее страстным охотником. Охота на оленей, а также соколиная охота особенно увлекали его. Эти два обстоятельства необходимо учесть, потому что в ту эпоху конница в армиях Европы играла громадную роль; пехота, хотя и многочисленная, ещё далеко не сделалась «царицей поля».

Но Кромвель, бесспорно, имел и некоторую военную подготовку. Участие в местной милиции графства (Гентингтоншир) кое-что дало Кромвелю. Кроме того, как почти все тогдашние дворяне, он обучался фехтовальному искусству. Когда в 1642—1643 гг. Кромвель стал организовывать свои отряды, он поражал современников тщательностью проводимого им строевого обучения, чего, конечно, он не мог бы делать, не обладая военными познаниями.

Большое внимание уделял Кромвель событиям Тридцатилетней войны. Тридцатилетняя война интересовала его и с религиозно-политической стороны (как протестантская война против папистско-габсбургского блока) и с точки зрения развития военного дела (нововведения Густава-Адольфа). Кромвель читал и изучал специальный военный журнал «Swedish Intelligencer», издававшийся в Англии и информировавший англичан о событиях Тридцатилетней войны. Таким образом, не пройдя регулярной военной школы, Кромвель, тем не менее, имел познания в военном деле. Совершенствовать и систематизировать их Кромвелю пришлось в огне гражданской войны.

Деятельность Кромвеля по организации военных сил парламента начинается с конца 1641 года. Его имя связано с первым постановлением Долгого парламента об организации особой парламентской армии. В ноябре 1641 г., когда было получено сообщение о восстании в Ирландии, в парламентских кругах возникло подозрение о связи королевских придворных с этим восстанием. Тогда именно Кромвель выступил с предложением назначить парламентского главнокомандующего вооружёнными силами «по эту сторону реки Трента». Он назвал и кандидатуру на должность нового главнокомандующего — графа Эссекса, сына Эссекса — фаворита Елизаветы, казнённого в 1601 году².

В январе 1642 г., вскоре после отъезда

¹ Belloc. Oliver Cromwell, p. 172. 1934; Ashley M. Oliver Cromwell the conservative dictator, p. 93. 1937.

² «Journals of the House of Commons», Vol. 11, p. 305.

короля из Лондона, по инициативе Кромвеля был создан Комитет обороны, превратившийся в дальнейшем, с вступлением в войну Шотландии, в комитет обоих королевств¹. Летом 1642 г., ещё до официального объявления войны королём, Кромвель начал формирование своего перзого отряда. Отряд был сформирован в Кембридже и состоял всего из 60 человек. В августе Кромвель присоединился со своим отрядом к войскам графа Эссекса. 23 октября 1642 г. Кромвель принимал участие в битве при Эджилле, первом значительном сражении парламентаристов с роялистами. Карл I и его племянник принц Руперт намеревались одним ударом сокрушить разнородные, составленные частью из милиции, большей же частью из наёмников отряды парламентской армии и захватить Лондон.

Вначале Руперту удалось нанести поражение парламентской коннице, но его солдаты увлеклись грабежами и оторвались от королевской пехоты, которой парламентские войска со своей стороны нанесли чувствительные удары. В конце концов Эссексу удалось задержать продвижение роялистов на Лондон, и таким образом столица была спасена. Кромвель видел сильные и слабые стороны обеих армий. Пылкость и стремительность Руперта, а также уверенность в победе, которой в начале гражданской войны были преисполнены кавалеры, выгодно отличали его войска от вялых, нерешительных, бесформенных парламентских войск. Парламентская конница явно уступала роялистской. Повидимому, вскоре после этого произошёл исторический разговор Кромвеля с Джоном Гемпленом, разговор, который протектор вспоминал спустя 15 лет в беседе с представителями парламента. «Ваши войска, заявил я,— вспоминал Кромвель,— состоят из старых разложившихся наёмников, кабатчиков и тому подобных людей, а в их (т. е. роялистских — В. С.) войсках сражаются дети джентльменов, младшие сыновья их и люди с положением. Разве такие низкие, ничтожные люди могут противостоят джентльменам, обладающим честью, храбростью и решительностью... Вы должны найти людей духа»².

Кромвель поставил себе задачу — найти «людей духа» и организовать из них образцовую армию. Весь 1643 год, а особенно первая его половина, был для Кромвеля периодом лихорадочной работы. Он был душой ассоциации семи восточных графств, куда входили Кембриджшир, Норфольк, Сеффольк, Эссекс, Линкольншир и некоторые из центральных графств, вынесших на себе главную тяжесть первых лет гражданской войны. Центром ассоциации был город Кембридж, с которым Кромвель был тесно связан и представителем от которого он был в Долгом парламенте. Энергия, про-

явленная Кромвелем в этот период, была поистине поразительна. Он был всё время в движении, объезжая по несколько раз названные графства. Одновременно Кромвель разоблачал роялистские интриги и заговоры, ободрял друзей и колеблющихся, побуждал к более энергичным мероприятиям комитеты графств, особенно настаивая на изыскании денежных средств, необходимых для содержания новой армии.

Он сам набирал волонтёров, подыскивал для кавалерии хороших лошадей, занимался обучением своих людей, число которых быстро увеличивалось. Письма этого периода прекрасно передают бурный темперамент Кромвеля, с головой погружившегося в общественные дела. «Умоляю вас о снабжении, не забудьте о деньгах... Я прошу не для себя. Если бы это нужно было для меня, я не раскрыл бы рта в такое время»³,— писал он 28 мая 1643 г. мэру города Кольчестера (Эссекс). «Наберите 2 тыс. человек... я знаю, что трудно собрать такое большое число и в такое короткое время, но уверяю вас: это необходимо и поэтому должно быть сделано»⁴,— требовал он в письме к Кембриджскому комитету от 31 июля 1643 года. «Умоляю вас, спешите с набором людей, насколько можете, особенно пехоты. Известите ещё раз всех наших друзей об этом... Денег, которые я привёз с собой, совершенно недостаточно... Очень жаль, что вы заставляете меня писать вам об этом так часто... Но, джентльмены! Дайте им (бойцам.— В. С.) возможность жить и существовать, чтобы они могли с охотой проливать за вас свою кровь. Больше я ничего не скажу»⁵,— писал Кромвель 8 августа тому же комитету.

Небольшой отряд кавалерии, организованный Кромвелем летом 1642 г., через девять месяцев вырос в солидную военную силу: в мае 1643 г. он насчитывал уже 12 эскадронов. К началу 1644 г. в его полку было свыше тысячи всадников. По всей Восточной Англии при содействии Кромвеля было набрано и обучено до 12 тыс. человек.

Три обстоятельства обращали на себя внимание современников, когда они наблюдали новое войско полковника Кромвеля. Это — социальный состав армии, повышенная религиозность его солдат, высокая дисциплина.

О социальном составе отрядов Кромвеля ясное представление даёт один из важнейших мемуаристов той эпохи — Уайтлок. В своих мемуарах Уайтлок писал, что большинство солдат Кромвеля — «фригольдеры или дети фригольдеров, которые вступили в эту распрю, руководствуясь своей со-

¹ D'Ewes Diary. Abbott — Cromwell's writings and speeches. Vol. I, p. 149. 1937.

² Carlyle-Lomas. Cromwell's Letters and speeches. Vol. III, p. 85, ed. 1904.

³ Letters and speeches. Vol. I, p. 137—138.

⁴ Ibidem, p. 143.

⁵ Ibidem, p. 149—150.

вестью. Они были хорошо вооружены, да и без хорошего оружия они держались сплоченно, как один человек, и отчаянно бились»¹.

Таким образом, Кромвелю удалось сразу нащупать главный резервуар пополнений для парламентской армии: самостоятельное крестьянство, йоменри, довольно ещё сильное в XVII в., давало английской революции те силы, при помощи которых новые классы буржуазии и новое (буржуазное) дворянство могли покончить с феодальной аристократией. Демократизация армии распространялась и на офицерский состав.

Конечно, Кромвель не преграждал доступа в свои отряды джентльменам. Вследствие связи значительной части джентри с буржуазией многие джентльмены (особенно в Восточной Англии), естественно, оказались на стороне парламента, а не короля. Притом джентльмены имели и больше военных знаний, как это мы видели на примере Кромвеля. Но Кромвель подчинял принцип сословности «принципу дела». «Простой человек» казался ему более подходящим для офицерского поста, если он обладал необходимыми для этого качествами, чем джентльмен, не имевший этих качеств. Эту мысль Кромвель откровенно изложил в письме к члену Сэффолькского комитета от 29 августа 1643 г.: «Право, я предпочёл бы иметь просто одетого капитана, который знает, за что он сражается, чем того, кого вы называете джентльменом и у которого, кроме этого, ничего нет»².

Впоследствии, в 1645 г., граф Манчестер обвинял Кромвеля в том, что он предпочитал «простых людей» «джентльменам». «Полковник Кромвель,— говорил Манчестер,— выбирает офицерами не тех, у кого.. много поместьев, а простых людей, бедных, не обладающих родовитостью, только бы это были благочестивые и честные люди. Если вы обратите внимание на его собственный полк, то вы увидите там множество из тех, кто называет себя божьими людьми. Некоторые из них заявляют, что у них бывают видения и что они могут пророчествовать»³.

Вторая половина заявления Манчестера ярко характеризует то воодушевление и энтузиазм, которые царили в армии Кромвеля. «Божьи люди», «люди духа», «честные люди» — это были крайние пуританские, индепендентские секты, больше всего распространившие своё влияние в среде демократических слоёв населения тогдашней Англии (крестьянство, а также городские мелкобуржуазные и плебейские элементы). В религиозной форме радикальные пуритане выражали наиболее резкую оппозицию к старому, феодальному режиму и желание перестроить общество на новых, по существу своему антифеодальных началах.

Кромвель особенно ценил в индепендентах их готовность «честно» и «верно» служить «делу» вплоть до полной победы над «общим врагом». Поэтому он решительно протестовал против политики пресвитериан, стремившихся изолировать армию от представителей радикальных религиозных течений.

10 марта 1644 г. Кромвель писал генерал-майору Кроуфорду, уволившему одного лейтенанта под тем предлогом, что тот был «анабаптист»: «Сэр! Государство, выбирая себе людей на службу, не обращает внимания на их мнения; если они хотя бы верно служат ему,— этого достаточно»⁴.

Но не только демократичность и религиозность были характерны для эскадронов полковника Кромвеля. Его войско отличалось высокой дисциплиной, прекрасной обученностью, слаженностью военного строя.

«Они сражаются сплоченно, как один человек»⁵,— писал Уайтлок. «Королевские войска, очень сильные в атаке, трудно было собрать вновь в строй,— жаловался Кларендон (мемуарист из лагеря роялистов),— в то время как кромвелевские войска, побеждают ли они или их бьют, тотчас же соединялись вновь и стояли в полном порядке, пока не получали иного приказа»⁶. Кромвель долго и настойчиво обучал своих кавалеристов военному строю и в конце концов добился той чёткости в построениях, какая ему была необходима для последующих маневров.

Поведение солдата в новой армии было регламентировано строгими правилами. Расхлябанности не могло быть места, строго запрещались и карались грабежи, воровство, пьянство, распутство, не говоря уже о более серьёзных нарушениях военной дисциплины, вроде неповиновения начальнику или оставления своего места во время боя.

Наряду с суровыми требованиями дисциплины Кромвель проявлял внимательное отношение к своим людям, заботу об их материальном положении; он лично знал большинство из них. В 1643 г., когда войско Кромвеля не было ещё столь многочисленным, он был особенно близок к солдатской массе. «Мои войска увеличиваются в числе,— писал он в сентябре 1643 г. своему другу Сент-Джону.— У меня хорошая компания. Вы прониклись бы к ним уважением, когда узнали бы их. Они не анабаптисты, а честные люди, хорошие христиане; они ждут, когда их используют в качестве бойцов (men)»⁷.

С середины 1643 г. на востоке Англии начались сражения отрядов Кромвеля с силами роялистов. В этих битвах солдаты Кромвеля проявили себя образцово. Первая битва была при Грантеме (Grantham), в западной части Линкольншира, 13 мая 1643

¹ Whitelocke. Memorials, p. 72; см. Abbott. Op. cit. Vol. I, p. 216.

² Letters and speeches. Vol. I, p. 154.

³ The Quarrel between the Earl of Manchester and O. Cromwell. Abbott. Op. cit. Vol. I, p. 216.

⁴ Letters and speeches. Vol. I, p. 170—171.

⁵ Whitelocke. Op. cit., p. 72; Abbott. Op. cit., p. 216.

⁶ Clarendon. History of the Rebellion. Vol. II; ср. Buchan. Oliver Cromwell, p. 127. 1934.

⁷ Letters and speeches. Vol. I, p. 156.

года. Неприятель в этой битве потерял около 100 человек убитыми и 45 пленными. Кромвель потерял лишь двоих. Сначала оба враждебных отряда в течение нескольких часов стояли друг против друга, не решаясь брать на себя инициативу. Всё же Кромвель первым принял решение атаковать противника. Нанеся стремительный удар по неприятелю, он быстро достиг серьёзного успеха¹.

Следующей битвой, в которой отличились эскадроны Кромвеля, была битва при Генсборо (Gainsborough), в северозападной части Линкольншира, 31 июля 1643 года. Эта операция носила более сложный характер, чем при Грентеме. Прежде всего это был смелый кавалерийский рейд, совершённый Кромвелем с целью оказать помощь городу Генсборо, окружённому роялистами. Захват врагом этого важного пункта, расположенного на Тренте, грозил отрезать весь Линкольншир, а также мог повлечь за собой падение крепости Гулль, с успехом державшейся против роялистов. Столкновение с неприятелем и на этот раз оказалось успешным для Кромвеля. Противник был отброшен на 6 миль, понеся значительные потери убитыми и ранеными. Но Кромвель убедился, что за Трентом стоит большая армия кавалероз под командованием графа Ньюкестля. Чтобы не быть самому отрезанным от остальных сил Восточной ассоциации, Кромвель отступил, проделав обратный путь весьма успешно и не потеряв ни одного человека. В течение двух суток он прошёл 80 миль (120 км)². Сознывая опасность, создающуюся для Восточной Англии, Кромвель забил тревогу.

В письмах к комитетам Кембриджшира и Сеффолька от 31 июля он требовал немедленно набрать по 2 тыс. чел. пехоты, чтобы встретить Ньюкестля. Особенно ярко передаёт настроение Кромвеля в это время его письмо от 6 августа, адресованное «Комиссарам в Кембридж»: «Нет времени для дискуссий; посылайте, что можете. Мобилизуйте все ваши отряды, посылайте их в Гентингтон; собирайте волонтеров, сколько можете; спешите с конницей. Немедленно пошлите эти письма в Сеффольк, Норфольк, Эссекс. Умоляю вас не скупиться, но быть деятельными и щедрыми»³.

В другом письме членам комитета в Эссексе (с пометкой: «Спешно, спешно, весьма спешно») Кромвель бранит комитет за плохую подготовку присланных людей: «Вы прислали сюда 2 тыс. человек пехоты; но лишь они сюда пришли, как вскоре же вернулись обратно. Разве таким образом можно спасти королевство?»⁴. Как видим, Кромвель большое значение придавал связи тыла с фронтом.

Под влиянием настойчивых убеждений Кромвеля войска Восточной ассоциации, укрепившись численно, объединились для нанесения совместного удара по врагу. 11 октября 1643 г. произошло довольно крупное сражение близ Винсби (Winsby), в восточной части Линкольншира. Кроме Кромвеля в сражении при Винсби участвовали Томас Ферфакс и граф Манчестер, считавшийся главнокомандующим всеми войсками Восточной ассоциации. Силы противников были приблизительно равны — по 3 тыс. на каждой стороне. Кавалеры потерпели поражение, потеряв около 600 чел. убитыми и столько же пленными. Один из очевидцев так описывает эту битву: «Наши люди шли в бой несколькими отрядами, распевая псалмы. Полковник Кромвель храбро и решительно набросился на врага немедленно после того, как драгуны сделали первый залп. Его лошадь была убита под ним, и он пересел на другую... Поистине эта первая атака была совершена с таким мужеством и решительностью, что неприятель не мог уже выдержать новой»⁵.

Последовавшая затем атака Ферфакса окончательно сломила сопротивление роялистов и обратила их в бегство. Характерно, что Кромвель в этой битве смелее, чем в предшествовавших битвах, без колебаний, прибег к методу быстрой, внезапной атаки⁶.

Тактика Кромвеля — постоянно держать инициативу в своих руках и навязывать противнику бой, не дожидаясь его нападения, — в дальнейшем стала его излюбленной. Так, в течение 1643 г. солдаты Кромвеля не только организовали новое, приближавшееся к регулярному типу войск объединение, но и закалились в схватках с противником, воодушевлённые рядом достигнутых серьёзных успехов. Кромвелю удалось найти «людей духа». «Я собрал их... и с того дня они никогда не были биты»⁷, — вспоминал он в 1657 году.

В январе 1644 г. Кромвель получил звание генерал-лейтенанта. Летом этого года произошла битва при Марстон-Муре, одна из решающих в ходе гражданской войны. Военный талант Кромвеля в этой битве проявился в полном блеске.

II

Весной и летом 1644 г. гражданская война была в полном разгаре. Довольно многочисленные, но фактически ещё не объединённые общим командованием войска парламента сражались на разных фронтах с переменным успехом: на западе, в Ланкашире и других местах, победы одерживали кавалеры; в центре Англии граф Эссекс вёл операции крайне вяло; на севере и востоке, наоборот, парламентская сторона

¹ Letters and speeches. Vol. I, p. 134—135. Письмо от 13 мая 1643 года.

² Ibidem, p. 140—143; ср. Беллос. Op. cit., p. 172.

³ Letters and speeches. Vol. I, p. 147.

⁴ Ibidem. Vol. III, p. 316, supplement.

⁵ Vicars. God's Arpe Overtopping the Worlds Waves. Abbott. Op. cit. Vol. I, p. 265—266.

⁶ Firth Ch. Cromwell's Army, p. 140, где он анализирует это сражение.

⁷ Letters and speeches. Vol. III, p. 65.

имела определённый перевес. Войска Восточной ассоциации вместе с войсками лорда Фердинанда Ферфакса и его сына Томаса Ферфакса, а также вместе с шотландцами, пришедшими на помощь английскому парламенту в борьбе против короля, очистили почти весь обширный по своим пространствам Линкольншир. Армия лорда Ферфакса приступила было уже к осаде Йорка. Вследствие критического положения, создавшегося на севере для роялистов, в частности для войск графа Ньюкестля, король приказал Руперту прервать операции на западе (в Ланкашире) и спешно пойти в Йоркшир на соединение с силами Ньюкестля. Обеим роялистским армиям удалось соединиться под Йорком (28 июня). Ферфаксу пришлось снять осаду и отступить на запад от Йорка. Здесь в местности, известной под названием Марстон-Мур (Марстонская пустошь), он вскоре соединился с прибывшими войсками Манчестера и Левена (шотландцы). Роялистские войска также подошли сюда.

2 июля 1644 г. при Марстон-Муре произошла битва, которая по числу участников была самой значительной из всех битв гражданской войны 40—50-х годов. «Никогда ещё со времён войны Роз на английской почве не сходились друг с другом такие большие армии»¹. Парламентские войска, состоявшие из войск Восточной ассоциации под командованием Манчестера и Кромвеля, шотландцы Левена и Давида Лесли (командовавшего конницей) и армии Фердинанда и Томаса Ферфаксов насчитывали до 27 тыс. чел., из которых 20 тыс. составляли пехоту и 7 тыс. — конницу. У роялистов общее число войск было меньше — около 18 тыс. чел., — но их кавалерия равнялась парламентской (11 тыс. пехоты и 7 тыс. конницы).

Таким образом, и в этой битве решающий удар предстояло нанести кавалерии. Обе стороны долгое время выжидали, изучая друг друга. Сражению предшествовала ожесточённая артиллерийская канонада. «Огня было столько, что, казалось, весь воздух превратился в огненную стихию»², — выразительно замечал один из наблюдателей. Лишь к вечеру, после 6 час., Кромвель начал атаку против королевской кавалерии. Вначале атака была удачна, и один из полков Руперта был отеснен назад. Но вступивший в битву Руперт стремительной контратакой остановил наступление отрядов Кромвеля. Произошла свалка, во время которой Кромвель был легко ранен в шею и на время вышел из строя. Руперт продолжал яростно атаковать левое крыло парламентских войск. Но Лесли, стоявший со своими шотландцами в резерве, сумел приостановить натиск Руперта. Это дало Кромвелю возможность перестроить свои ряды, и вскоре он предпринял вторую атаку на конницу Руперта, на этот раз настолько

сильную, что неприятельская кавалерия была быстро рассеяна, «как пыль». «Левое крыло, которым командовал я... разбило всю кавалерию принца»³.

Однако это была лишь половина дела. Положение парламентских войск было к этому моменту весьма серьёзным. Парламентская пехота, находившаяся в центре, и парламентское правое крыло (конница Томаса Ферфакса) не имели успеха. Часть неприятельской конницы под командованием роялиста Горинга разбила парламентскую пехоту Фердинанда Ферфакса и отбросила ковные отряды, которыми командовал Томас Ферфакс. Манчестер, Левен и Ф. Ферфакс начали было уже отступать. Казалось, вся парламентская армия готова была обратиться в бегство. Но Кромвель спас положение. Поручив Лесли продолжать преследование Руперта и выделив часть своих людей против королевского центра, где пехотой командовал Ньюкестль, Кромвель со своими главными силами предпринял мощный фланговый удар против конницы Горинга и, в короткое время сокрушив её, соединился с Томасом Ферфаксом. После этого вместе с ободрившейся парламентской пехотой он напал на неприятельскую пехоту и разгромил её. Ньюкестль бежал. Четыре тысячи убитых и полторы тысячи пленных были результатом поражения кавалеров⁴.

«Редко в истории можно было наблюдать более драматический поворот счастья, как это случилось на Марстон-Муре»⁵, — замечает один из новейших биографов Кромвеля. Кромвель расценивал свою победу как «абсолютную победу» и видел в ней проявление божественной милости к «партии благочестивых». «Бог сделал их (врагов. — В. С.) как бы жнивом для наших мечей»⁶, — писал он. Политические последствия победы при Марстон-Муре были громадны. Армия Ньюкестля — наиболее крупная армия короля — перестала существовать. Весь север был потерян для короля.

Для Кромвеля марстонмурская битва имела особенное значение. Роль Кромвеля в ней оказалась наиболее блестящей. Он стал героем в глазах всей армии и всех наиболее активных и радикальных сторонников парламента. «Манчестера эта битва убила, Кромвеля превознесла и сделала героем дня»⁷, — замечает другой биограф Кромвеля. Руперт признавал сокрушительную тактику Кромвеля и прозвал его за эту битву «железнобоким» («Ironsides»). Вскоре это название было распространено поклонниками Кромвеля не только на него самого, но и на его солдат, превратившихся в «Ironsides» Кромвеля. Большое уважение

³ Letters and speeches. Vol. I, p. 176. Письмо полковнику Уолтону от 5 июля 1644 года.

⁴ Ibidem, p. 176—177.

⁵ Abbott. Op. cit. Vol. I, p. 286—287.

⁶ Letters and speeches. Vol. I, p. 176.

⁷ Belloc. Op. cit., p. 189.

¹ Buchanan. Op. cit., p. 141.

² Letters and speeches. Vol. I, p. 175.

ж Кромвелю в этот период питал и Лесли, участник Тридцатилетней войны и поклонник шведской военной системы. Он с восторгом говорил о солдатах Кромвеля как о «лучших солдатах Европы»¹.

Битва при Марстон-Муре сыграла огромную роль в разгроме короля. Но она не завершила этот разгром. Она лишь заставила Кромвеля и других радикальных вождей парламента усилить организацию парламентских сил для окончательной победы над королём. Но здесь у Кромвеля произошло столкновение с его ближайшим начальником графом Манчестером, который в вопросе о задачах войны держался своих особых взглядов.

III

После марстонмурской битвы парламентские армии снова разделились. Кромвель с Манчестером вернулись в восточные графства, чтобы окончательно очистить их от роялистов. Вскоре между генералами возникли серьёзные разногласия. Граф Манчестер отказывался от решительных действий, не хотел брать крепостей, оставшихся ещё в руках кавалеров; он отказывался также и от плана преследования Руперта на западе (в Чeshire). Если в восточных графствах операции парламентских войск были парализованы, то на других фронтах они шли совсем плохо. Эссекс терпел неудачи в Корнуэлле; Скиппон капитулировал (сдав оружие) в начале сентября в западной бухте Лоствидзиль. Кромвель тяжело переживал все эти неудачи. В одном из писем к Уолтону от 6 сентября 1644 г. он писал: «С душевной скорбью переживаем печальное положение наших армий на западе... Поистине, если бы у нас были крылья, мы полетели бы туда... Но среди нас есть некоторые люди, слишком медлительные на дело. Если бы мы менее обращали внимания на свои личные цели, наше общее дело было бы сделано гораздо скорее»².

27 октября 1644 г. произошла новая крупная битва при Ньюберн³, которая окончательно раскрыла глаза Кромвелю на недостатки руководства и организации парламентского войска в целом. В отличие от битвы при Марстон-Муре новая битва не дала парламенту сколько-нибудь определённых результатов, показав скорее активность кавалеров. Ободрённый удачами на западе, Карл осенью 1644 г. решил взять реванш и предпринял новое наступление на Лондон. Он вступил в пределы Беркшира, куда должен был прибыть с кавалерией и Руперт. Парламент разгадал план короля и принял меры к тому, чтобы воспрепятствовать соединению короля с принцем. Манчестеру был дан приказ от-

резать Карла от Оксфорда и захватить его самого с его немногочисленным войском. Манчестер, Кромвель и Скиппон (возвратившийся к исполнению обязанностей) командовали отдельными соединениями. Но согласованности в действиях у генералов не было. Не было даже настоящего единоначалия. Манчестер задержался в пути и хотя и атаковал королевские войска, но слишком поздно, уже после захода солнца. Вследствие этого Карл смог легко ускользнуть из подготавливавшейся ему ловушки. Он благополучно вывел свои войска, даже вывез всю артиллерию и возвратился в Оксфорд. Парламентские генералы были настолько обескуражены своей неудачей, что даже не решились его преследовать.

Через месяц после битвы при Ньюберн Кромвель выступил в парламенте с официальным обвинением Манчестера в «намеренной бездеятельности», квалифицируя последнюю как «измену». «Я заявил, — рассказывал потом Кромвель, — что граф Манчестер виноват в большинстве этих неудач и что это произошло не вследствие каких-либо случайных и частных обстоятельств, а из-за принципиального нежелания его лордства превратить настоящую войну в победу»⁴. Манчестер, со своей стороны, обвинял Кромвеля в неповиновении, в склонности к мятежу, в желании уничтожить аристократию и в покровительстве опасным сектам. Борьба двух генералов получила принципиальный характер. Манчестер и Кромвель были представителями двух разных политических партий: Манчестер — пресвитериан, Кромвель — индепендентов. Манчестера поддерживала палата лордов, Кромвеля — палата общин, а также многие выдающиеся офицеры армии.

9 декабря 1644 г. Кромвель произнёс в парламенте историческую речь, в которой требовал немедленной реорганизации армии. «Сказать по совести, — говорил Кромвель, — я думаю, что если армия не будет преобразована и если война не будет вестись энергично, то народ более не вынесет бремени войны и заставит вас заключить позорный мир»⁵.

В заключение Кромвель высказал надежду, что любовь к родине заставит генералов отказаться от своих частных выгод и подчинить их интересам страны, что ни один член палаты не остановится перед тем, чтобы отказаться, если это потребует, от собственных выгод ради общего блага.

Так родился знаменитый акт о «самоотречении», в результате которого должно было получить отставку старое, пресвитерианское командование. Через нижнюю палату билль прошёл уже 19 декабря 1644 года. В палате лордов он встретил противодействие, но в начале апреля 1645 г. также был принят. В течение января 1645 г. через обе палаты прошёл другой билль — о «новой модели», — окончательно утверждавший принцип централизованного

¹ Gardiner. Great Civil War. Vol. II, p. 1—2.

² Letters and speeches. Vol. I, p. 181.

³ Это так называемая вторая битва при Ньюберн в отличие от первой, происходившей в сентябре 1643 года.

⁴ Abbott. Op. cit. Vol. I, p. 302.

⁵ Ibidem, p. 314.

управления и точный состав парламентского войска.

Армия «нового образца» была в полном смысле слова детищем Кромвеля. Кромвель принимал активное участие в проведении обоих названных биллей, реформировавших армию. Он первый по-настоящему обосновал в своих парламентских выступлениях необходимость военной реформы¹. Но самое главное — Кромвель своей предшествующей деятельностью по организации войска Восточной ассоциации уже на деле создал тип регулярного, строго дисциплинированного, преодолевшего местнические, локальные настроения войска. Отряды Восточной ассоциации составили и персонально наиболее значительную часть контингента «новой модели».

В частности в новую, образцовую парламентскую армию целиком вошла знаменитая кромвелевская конница. Во главе армии новой формации был поставлен генерал Томас Ферфакс, командовавший на севере и всё время ранее поддерживавший контакт с войсками ассоциации. 10 июня 1645 г., по представлению Ферфакса, Кромвель был назначен генерал-лейтенантом «новой модели» с поручением командовать всей кавалерией. По букве акта о «самоотречении», Кромвель как член парламента не должен был занимать высшую командную должность. Но для него было сделано исключение. Никто другой не мог бы заменить его на посту командующего кавалерией. Назначения Кромвеля требовал и Лондон.

В петиции, поданной в парламента 8 июня 1645 г. от имени лондонского Сити, давалась лестная оценка военных и политических заслуг Кромвеля: «Всеобщее уважение и любовь, которые питают к нему как офицеры, так и солдаты всей армии, его собственные личные достоинства и способности, его великая заботливость, энергия, мужество и верность делу парламента, проявленные им на службе и ознаменованные крупными успехами, заставляют нас публично заявить вам обо всём этом»².

Кромвель был назначен помощником Ферфакса в критический момент. Предстояла новая, решительная схватка с кавалерами. Карл спешил напасть на Ферфакса, прежде чем закончится реорганизация парламентских военных сил. Король задумал широкий план. Он снова рассчитывал захватить север и отрезать от Лондона восточные графства. Встреча войска произошла в графстве Норземптоншир, близ деревни Нэзби. Убедившись в численном превосходстве парламентаристов, Карл некоторое время колебался, прежде чем вступить в бой. У короля было всего 7500 чел. (из них 4 тыс. кавалерии), у Ферфакса с Кромвелем — 14 тыс. (из них одной козницы 6500 чел.). Всё же

по совету Руперта король начал битву 14 июня 1645 года. Сначала кавалеры имели успех. Руперт, бывший на правом фланге королевской армии, прорвал левый фланг парламентского войска, где командовал Айртон, и, преследуя его кавалеристов, продвинулся далеко вперёд, оторвавшись от основной массы королевских войска. (Подобную тактику Руперт применял уже раньше, в битве при Эджилле 1642 года.) Парламентская пехота, расположенная в центре и руководимая Скиппоном, дрогнула. Но Кромвель и на этот раз исправил положение. Находясь на правом фланге парламентских войска, он стремительно ударил по коннице роялиста Лангдейля (на левом фланге королевского войска) и быстро разбил её. После этого он напал на королевскую пехоту, разгромил её, а затем стал угрожать королевским резервам. Карл бежал, бросив весь свой обоз и всю канцелярию. Когда Руперт через некоторое время возвратился, всё уже было кончено и ему самому оставалось лишь обратиться в бегство. Парламентские войска захватили 5 тыс. пленных и среди них 500 офицеров. Король потерял свою последнюю компактную армию. Кромвель одержал новую блестящую победу.

Парламентские войска (в частности кавалерия) имели при Нэзби большой численный перевес. Но не этим объяснялся разгром короля: сказывалась положительная сторона реформы — концентрированное командование, очищенное от колеблющихся элементов типа Манчестера и др. Снова проявились упорство, дисциплинированность, выдержка «железнобоких». Ещё раз Кромвель показал себя образцовым тактиком. В частности свой излюбленный фланговый удар, который Кромвель мастерски применил в битве при Марстон-Муре, он ещё более решительно повторил при Нэзби.

Признавая, как обычно, в этой победе проявление «божественной руки», Кромвель в письме к спикеру палаты общин Вильяму Лентоллу в то же время подчёркивал, что победу одержали «честные люди», «верно служащие парламента», «те, которые сражаются за свободу своей страны»³. В этих словах Кромвеля содержалось признание им роли демократии в победе над королём и феодальными силами.

IV

Битва при Нэзби окончательно определила исход войны в пользу парламента. Зимой 1645—1646 г. военные действия ещё продолжались, но они носили характер добивания противника. Ликвидировались последние опорные пункты кавалеров, главным образом в западных округах Англии. Деятельность Кромвеля в этой кампании

¹ Кроме Кромвеля ещё в начале 1644 г. с проектом реформы выступали Уоллер и Мэсси, но их предложения не были достаточно мотивированы. См. Firth Ch. Op. cit., p. 31.

² Abbott. Op. cit. Vol. I, p. 355.

³ Letters and speeches. Vol. I, p. 204—205. Донесение о победе в письме к спикеру от 14 июня 1645 года.

выражалась в очищении от кавалеров юго-западных областей Уилтшира (гор. Бристоль) и Девоншира.

С военной точки зрения, кампания на западе интересна главным образом тем, что она показывает искусство Кромвеля брать укрепленные пункты. Кромвель придавал большое значение артиллерии и умел пользоваться ею как во время полевых сражений, так и особенно при осаде крепостей¹.

После падения Оксфорда, со второй половины 1646 г., в военных действиях происходит длительный перерыв. В начале 1647 г. первая гражданская война закончилась совершенно. Карл I оказался в плену у своих противников. Однако весной 1648 г. в стране разразилась новая, вторая гражданская война. Это был большой роялистский мятеж, вспыхнувший одновременно в разных концах Англии.

Во второй гражданской войне на долю Кромвеля снова выпала задача руководить ответственными операциями на западе. 11 июля 1648 г. он захватил крепость Пемброк, являвшуюся главным опорным пунктом роялистов в Уэльсе. Тогда возникла новая серьезная опасность: шотландские роялисты во главе с герцогом Гамильтоном перешли англо-шотландскую границу и направились в Ланкашир, чтобы соединиться там с английскими кавалерами. У Гамильтона и действовавших в союзе с ним роялистов Монро и Лангдейля было около 25—30 тыс. чел., у Кромвеля — всего 10 тыс. (из них 6500 конницы).

Кромвель находился на крайнем западе Уэльса. Главная парламентская база военного имущества была расположена на северо-востоке, в Гулле, на другом конце Англии, на расстоянии 245 миль (около 400 км) от Пемброка. Без дополнительного снабжения своих войск Кромвель не мог начинать новую кампанию. Кромвелю нужно было сделать громадную дугу, прежде чем встретиться с неприятелем в Ланкашире. В этих условиях быстрота передвижения, выигрыш во времени имели громадное значение.

К счастью для Кромвеля, его враги облегчали разрешение этой задачи. Во-первых, шотландцы начали марш в Англию слишком поздно — 9 июля, в то время как 11-го Кромвель уже взял Пемброк и таким образом развязал себе руки. Во-вторых, Гамильтон продвигался крайне медленно. Расстояние от границы до Престона, примерно в 120 миль, он прошёл за 40 дней, т. е. делая за сутки всего 3 мили (около 5 км). В результате этого войска шотландцев растянулись длинной цепью и их арьергард далеко отстал от авангарда. Гамильтон пришёл в Престон фактически лишь с половиной своего войска. Остальная часть находилась ещё в пути. Гамильтон рассчитывал, далее, что к нему присоединится большое количество английских роялистов. Но этот расчёт оказался несостоятельным.

В Ланкашире к нему присоединилось не более 4 тыс. вооружённых людей.

Всё же положение Кромвеля было трудным: надо было пройти длинный путь в короткий срок. Между тем ощущался недостаток в снабжении. Особенно страдала пехота Кромвеля из-за отсутствия обуви. «Пришлите башмаков для моих бедных, измученных солдат»², — писал с дороги Кромвель правительству в Лондон в конце июля. Тем не менее солдаты парламента, полуразутые, плохо питавшиеся, упорно продвигались на север. Свою «дугу» длиной в 369 миль (около 500 км) Кромвель проделал за 33 дня. Сначала он шёл по 10—12 км в сутки, потом повысил скорость до 16—18 км в сутки, что в несколько раз превышало скорость движения шотландцев³. 26 июля Кромвель был в Глостере, 30-го — в Уорвике, 3 августа — в Ноттингеме, 8-го — в Донкастере (Йоркшир). В Донкастере Кромвель застал артиллерию, прибывшую по его требованию из Гуллы. Солдаты здесь впервые за всё время марша могли отдохнуть в течение трёх дней. К этому времени парламенту удалось наладить также удовлетворительное снабжение армии продовольствием и обмундированием.

Разрешив таким образом ряд практических вопросов, Кромвель приступил непосредственно к выполнению плана разгрома противника. Круто повернув из Донкастера на запад, Кромвель 16 августа неожиданно для Гамильтона подошёл к Престону. Но одна из армий Гамильтона — армия Монро — ещё не прибыла, другая — армия Лангдейля — подошла, но стояла отдельно от основных сил шотландцев. Гамильтон и его помощник Бейли находились южнее Престона, за рекой Риббл; Лангдейль стоял к северу от города. Всего у Гамильтона и Лангдейля было до 20 тыс. чел. — вдвое больше, чем у Кромвеля. Но разведённость шотландско-роялистских сил, с одной стороны, и неожиданность появления Кромвеля — с другой, поставили шотландцев в затруднительное положение. Кромвель быстро взял инициативу боя в свои руки. В течение 17 августа он разбил войско Лангдейля, прежде чем ему смог оказать помощь Гамильтон; а затем 18-го, перейдя реку, разгромил войска Гамильтона. 19 августа битва превратилась фактически в преследование противника, который вынужден был бежать в южном направлении, так как Кромвель отрезал ему путь отступления на север.

Шотландцы потеряли до 2 тыс. убитыми и 8—9 тыс. пленными. «Наша конница утомилась до изнеможения, преследуя врага, — писал Кромвель в одном письме. — Мы частью побили, частью захватили и рассеяли всю его пехоту, осталась лишь небольшая часть конницы, вместе с которой убежал герцог... Если бы наши кони

¹ Firth Ch Op. cit., p. 140.

² Abbott. Op. cit. Vol. I. p. 625.

³ Belloc. Op. cit., p. 309—310.

могли бежать, мы бы захватили их всех»¹. Через несколько дней Гамильтон был настигнут отрядом Ламберта и взят в плен. Так кончилась трёхдневная престонская битва. «Престонская кампания была, возможно, наилучшей из всех стратегических операций Кромвеля»², — так характеризует её один из современных биографов Кромвеля.

Действительно, престонская кампания замечательна во многих отношениях. Прежде всего она была целиком делом Кромвеля, обладавшего полнейшей свободой действий, фактически независимого главнокомандующего во всей этой операции. Далее, обращает на себя внимание наличие определённого, продуманного плана кампании и в основе его — грандиозный фланговый заход, тот же излюбленный Кромвелем фланговый удар. Наконец, в этой кампании особенно блестяще проявились тактические качества Кромвеля: быстрота и скрытность продвижения, концентрация своих сил в противоположность рассеянными (хотя и более многочисленными) силами противника, стремительность удара, смелость и инициатива. Кромвель не только нападает на вдвое превышающее его силы войско врага, но и изолирует противника от Шотландии, лишая таким образом шотландцев возможности перебрасывать с севера свои резервы.

Политическими последствиями победы при Престоне явились подавление шотландской роялистской контрреволюции и победа союзной с английским парламентом партии Аргайля. 4 октября Кромвель вступил в столицу Шотландии Эдинбург. Шотландский парламент немедленно признал недействительными все договоры, заключённые ранее с кавалерами. Так как дело сторонников короля к этому времени потерпело поражение и на востоке Англии (взятие Ферфаксом Кольчестера 24 августа), то вторая гражданская война тем самым была закончена. Её непосредственным, логическим результатом было установление в 1649 г. английской республики.

V

Престонская операция положила начало ряду последующих кампаний Кромвеля, которые он вёл самостоятельно и которые отличались наиболее крупными масштабами. Мы не будем останавливаться на его ирландских походах. Не говоря уже о политическом своеобразии их (что требует специального исследования), с военной точки зрения они менее интересны, чем войны на Британском острове. Ирландцы были слишком разьединены, они не смогли противостать Кромвелю ни в одном крупном сражении. Операции Кромвеля в Шотландии фактически сводились к захвату крепостей и городов, воспроизводя в общем картину западной кампании 1645—1646 гг., о которой мы упоминали выше. Иное дело — шот-

ландские походы 1650 и 1651 гг.: Денбар и Вустер были венцом военного искусства Кромвеля. В то же время именно шотландские кампании 1650 и 1651 гг. окончательно завершили цикл гражданских войн в Англии, начавшихся с конца 30-х годов XVII в. (шотландские войны-восстания перед английской революцией).

О том, что Шотландия готовит новую войну против английской республики, в Лондоне знали уже с конца 1649 года. Приезд в Шотландию Карла II и признание его эдинбургскими пресвитерианами королём Шотландии ясно говорили об этом. 12 июля 1650 г. парламент назначил Ферфакса главнокомандующим в предстоящей войне с Шотландией. Но Ферфакс отказался от этого поста, и тогда главнокомандующим был назначен Кромвель (26 июля 1650 г.). Обе стороны долго и упорно готовились к шотландской войне. У той и другой стороны имелись опытные, закалённые в боях солдаты. Но преимущество всё же было на стороне Кромвеля. Его войска состояли из 16 тыс. отборных ветеранов (10 500 пехоты и 5500 конницы). Его помощниками были опытный генерал Флитвуд (по пехоте) и молодой, способный, хотя несколько тщеславный Ламберт (по кавалерии). У Кромвеля была лучшая артиллерия. Парламент принял меры к снабжению армии достаточным количеством продовольствия и снаряжения. Большое количество судов должно было плыть на север, вдоль побережья, и регулярно снабжать армию. На побережье предполагалось создать особые морские базы.

Кромвель знал отличные качества шотландских солдат, бывших ранее его союзниками. Главнокомандующим шотландской армией официально был старый граф Левен, фактически же — Давид Лесли, который сражался с Кромвелем бок о бок при Марстон-Муре. Лесли, безусловно, был незаурядным полководцем. В его армии было свыше 30 тыс. чел. (27 тыс. пехоты и 5 тыс. кавалерии), т. е. вдвое больше, чем у Кромвеля. Но в составе шотландской пехоты большинство были новобранцы. Шотландское руководство не имело должного единства. Наиболее крайние пресвитериане ковенантеры не доверяли Лесли и требовали от него чистки армии от крайних, подозрительных, с точки зрения пресвитериан, элементов.

22 июля 1650 г. Кромвель перешёл границу и затем быстро прошёл по Южной Шотландии. 28 июля он был уже в Массельбурге, в 5½ милях от Эдинбурга. Лесли отступал, как бы намеренно заманивая английские войска в глубь Шотландии, с тем чтобы потом обрушиться на них, пользуясь своим численным превосходством. Кромвель понимал это. Между тем возникли трудности. Снабжение не было таким идеальным, как это предполагалось в Лондоне до начала операций.

Суровый шотландский климат вызвал среди английских солдат заболевания. Английские войска находились в Шотландии уже целый месяц, а успехов не было.

¹ Letters and speeches. Vol. I, p. 345—346. Письмо к Cholmley от 20 августа 1648 года.

² Ashley M. Op. cit., p. 148.

На военном совете 31 августа было принято решение отойти от Массельбурга к югу, к Денбару, и, если можно, закрепиться там, а если не удастся, пойти дальше, к границе. 1 сентября английская армия достигла Денбара (в 30 милях от Эдинбурга). Лесли следовал за ней по пятам и в тот же день захватил важный горный проход, который открывал путь на юг, в Англию.

Таким образом, сухопутная дорога английским войскам была отрезана. Кромвель оказался в мешке. В письме ньюкестльскому губернатору Гезльригу от 2 сентября Кромвель не скрывал опасности своего положения: «Мы находимся в очень трудном положении. Враг блокирует нас... и мы можем выйти отсюда разве только чудом»¹. Войска Лесли были расположены на соседнем холме Дун-Хилл и были недоступны для англичан. В то же время англичане в любой момент могли подвергнуться нападению шотландцев. Однако Лесли не спешил с нападением. Он решил сначала захватить другие проходы, чтобы полностью отрезать Кромвеля от внешнего мира. Но руководящие пресвитерианские круги, предвкушая торжество победы, торопили своего главнокомандующего, требуя от него немедленного наступления. Под давлением их Лесли 2 сентября спустился с холма в долину; правое крыло его войск вышло на дорогу, ведущую на юг, в Бервик. Английская армия оказалась прижатой к Денбару. Вечером того же дня Кромвель, обозревая местность, заметил движение в лагере шотландцев. Он понял, что враг собирается атаковать его. Наступил критический момент, когда полководец должен быстро принять решение. Кромвель решил опередить шотландцев и отдал приказ по войскам быть готовыми к атаке. Кромвель предполагал нанести главный удар по правому крылу неприятеля, чтобы затем, смяв его, обрушиться на центр. Он учёл, что узкая долина затруднит развёртывание неприятельских сил. В то же время Кромвель выбрал очень удобный пункт для своей артиллерии. Пушки были поставлены в одном охотничьем доме на берегу потока, разделявшего обе армии. Пушки были хорошо замаскированы, и их огонь оказался особенно убийственным для левого фланга неприятеля. Шотландская артиллерия была слаба.

Вся ночь прошла в приготовлениях. Было холодно и сыро. Стоял туман. 3 сентября, в 4 часа утра, когда туман несколько рассеялся и показалась луна, Флитвуд, Ламберт и Монк — генералы Кромвеля — начали наступление против неприятельского центра и частично против его левого крыла. Вначале они встретили серьёзное сопротивление и продвигались вперёд с большими трудностями. Но Кромвель с тремя полками кавалерии зашёл в тыл правого неприятельского фланга и ударил по нему. В рядах шотландцев началось смятение. Оно увеличилось ещё больше, когда артил-

лерия Кромвеля начала усиленно громить левый фланг шотландцев. Воспользовавшись этим, английская пехота под командованием Монка вклинулась в ряды шотландских пехотинцев (в большинстве рекрутов) и начала их истреблять. В 5 час. 30 мин. утра на горизонте появилось солнце. При свете его Кромвель с торжеством наблюдал начавшееся бегство противника. «Бегут, бегут! Уверю вас, они бегут!»² — закричал он громко, ободряя солдат.

В 6 час. утра сражение было закончено. 3 тыс. шотландцев было убито; 10 тыс. пленных, 200 знамен, весь обоз и артиллерию достались победителям³. Потери англичан были ничтожны: по словам Кромвеля, всего 20 человек (!), по данным шотландских источников — 30. Так произошла битва, «самая блестящая из всех, какие когда-либо давал Кромвель»⁴.

Вместо того чтобы попасться в «капкан» и капитулировать, Кромвель напал на неприятеля и разбил его наголову, хотя тот имел почти двойное превосходство сил. Удивительный глазомер, способность правильно ориентироваться, умелое использование разных родов войск — кавалерии, пехоты, артиллерии, — наконец, знаменитый фланговый удар — всё это обеспечило англичанам новую блестящую победу. Кромвель самому Денбар всегда казался чудом⁵.

Несмотря на победу английских войск при Денбаре война с Шотландией не была закончена. Правда, Кромвель вторично вступил в Эдинбург. Но многие шотландские крепости продолжали упорно держаться. Северная Шотландия оставалась незавоёванной. Лесли собрал новое войско и продолжал оказывать сопротивление. 1 января 1651 г. в городе Перте Карл II короновался шотландской короной. Связь шотландских пресвитериан и английских кавалеров на некоторое время укрепились. В интересах Кромвеля было дать Лесли ещё одно решительное сражение. Но опытный шотландский генерал действовал с большой осторожностью и упорно избегал сражения. Болезнь Кромвеля, продолжавшаяся почти в течение всей первой половины 1651 г., ещё более задержала развитие активных операций.

Шотландской войне, казалось, не будет конца. Всё же удалось завязать сражение. 20 июля 1651 г. произошла довольно крупная битва близ Инверкитинга, в которой Ламберт одержал победу. 2 тыс. шотландцев было убито, 1400 взято в плен. Теперь Кромвель мог взять под свой контроль всю р. Файф. 2 августа он занял город Перт. Лесли грозила опасность быть отрезанным от Западной Шотландии. Однако и положение Кромвеля было нелёгким: численность его войска заметно уменьшилась вследствие болезней и военных потерь; снабжение было

² Abbott. Op. cit. Vol. II, p. 318.

³ Ibidem, p. 318—319.

⁴ Ibidem, p. 319.

⁵ Letters and speeches. Vol. II, p. 111, etc. Ряд писем от 4 сентября 1650 г. Лен-толлу, Айртону, Гезльригу и др.

¹ Letters and speeches. Vol. II, p. 92.

неудовлетворительное; солдатам несколько месяцев не выдавали жалованья.

Неизвестно, как развернулись бы в дальнейшем события в Шотландии, если бы советники Карла II сами не ускорили развязку. Они решили перенести войну на территорию Англии. Этот план оказался для роялистов роковым. Но Карл II, тяготившийся опекой пресвитериан, живо ухватился за него. 5 августа шотландские роялистские войска перешли границу. Они снова, как и в 1648 г., шли западной дорогой в Ланкашир, откуда в случае удачи путь открывался в глубь Англии, на Лондон. В случае же задержки — в Уэльс и Корнуэлл, области, наиболее активно поддерживавшие кавалеров в предшествующих войнах. Кромвель был доволен этим шагом врага. Он видел в нём доказательство отчаяния шотландцев, пытавшихся добиться успеха другим путём. Он был рад, что противник избавляет его от новой зимней кампании в Шотландии¹. Задача состояла лишь в том, чтобы захватить противника и уничтожить его.

Кромвель начал преследование. Часть своих войск, под командованием генерала Монка, он оставил в Шотландии. Сам же с основной массой войск пошёл на юг, в Англию, восточной дорогой, делая, таким образом, и на этот раз «дугу». Генералу Ламберту было поручено следовать за шотландцами по западной дороге («по пятам противника»). Генерал Гаррисон, бывший в Ньюкестле, получил приказ пойти на запад и следовать параллельно неприятельским войскам, не давая им повернуть на восток; в дальнейшем Гаррисон должен был соединиться с Ламбертом.

И на этот раз, как и в 1648 г., скорость продвижения войск Кромвеля имела решающее значение. Выступив в поход 6 августа, Кромвель 22-го был в Уорвике, где соединился с войсками Ламберта и Гаррисона. Из Уорвика Кромвель резко повернул на Вустер, куда только что прибыл Карл II. Шотландцы были утомлены длинным и тяжёлым путём и нуждались в отдыхе. Их было всего 16 тысяч. Приток роялистских сил в Англию оказался и на этот раз незначительным, и королю приходилось довольствоваться лишь тем войском, которое он привёл с собой из Шотландии. Кромвель, наоборот, имел теперь значительный перевес в силах, так как он получил новое пополнение. Всего у него было около 31—32 тыс. человек.

Имея численное превосходство, Кромвель, подойдя к Вустеру (28 августа), разделил свои силы. Одна часть войска, которую он возглавлял сам, была расположена перед Вустером, с восточной стороны, преграждая врагу дорогу на Лондон. Другая часть войска, под командованием Ламберта и Флитвуда, подошла к Вустеру с юга, овладев важным пунктом — мостом на р. Северн

3 сентября, в головщию денбарской битвы, Кромвель дал сражение при Вустере. Сначала главное сражение происходило к югу от города. Флитвуд и подошедший к нему на помощь Кромвель перешли р. Северн и её приток Тим (по pontонным мостам) и разбили наголову шотландские войска. Победённый неприятель устремился в город, где находился Карл II. Тогда Кромвель возвратился обратно через Северн к своим войскам, расположенным к востоку от Вустера, и отрезал врагу путь отступления. Вскоре на улицах Вустера началось побоище. Было взято около 7 тыс. пленных. Шотландская армия перестала существовать. Карлу II удалось убежать, но его дело было проиграно.

«Враг понёс большие потери и теперь рассеян,— писал Кромвель спикеру вечером 3 сентября.— Мы его преследуем. Ваши войска, и старые и вновь набранные, сражались с величайшим мужеством»². «Gronping mercu» — «увенчивающая милость» — так охарактеризовал Кромвель вустерскую победу, являющуюся действительно венцом его военных успехов и концом гражданской войны. В то же время это была последняя битва, которой Кромвель руководил лично. Последующие войны с Голландией и Испанией в 50-е годы происходили, конечно, не без участия Оливера. Но непосредственно он этими операциями уже не руководил.

VI

Кромвель, безусловно, принадлежит к числу крупнейших в истории полководцев. Его военно-организаторский талант сказался в факте создания большой регулярной армии, организованной в процессе революционной войны при его ближайшем и активнейшем участии. При этом Кромвель прошёл сложный путь командира — от капитана, обучавшего лично несколько десятков волонтеров, до генерал-капитана, главнокомандующего всей армией республики.

Кромвель, далее, был, бесспорно, выдающимся генералом кавалерии, мастерски владевшим искусством кавалерийской атаки, кавалерийских рейдов, кавалерийских фланговых ударов. Его тактика строилась на смелой инициативе, маневрировании, быстроте действия и строгом учёте реальной действительности. Если во время боя возникали непредвиденные обстоятельства, Кромвель быстро менял и видоизменял свои планы: ему чужды были рутинёрство и педантизм.

Кромвель, несомненно, был и крупным стратегом. Его кампании периода 1648—1651 гг. поражают целеустремлённостью, продуманностью, наличием определённого плана. Обычно он навязывал своему противнику те или иные действия, в то же время сохраняя за собой инициативу.

¹ Letters and speeches. Vol. II, p. 213—215. Письмо к Лентоллу от 4 августа 1651 года.

² Ibidem, p. 223. Письмо от 3 сентября 1651 года.

Не являясь абсолютным новатором в приёмах военного дела (строй, оружие, роды войск и т. д.), Кромвель следовал наиболее передовой тогдашней военной системе, которая связана с именем шведского короля Густава-Адольфа, но своими корнями уходит ещё глубже — в практику революционных войн нидерландской революции конца XVI и начала XVII века. Кромвель внёс ряд усовершенствований в эту систему. Спаянность его солдат в строю, их способность быстро рассыпаться и вновь собираться на свои места; маневренность, нашедшая наиболее яркое выражение в его знаменитом фланговом ударе и в практике обхода неприятеля («дуга»); широкое пользование ручным огнестрельным оружием (и в пехоте, а отчасти и в коннице); широкое применение не только осадной, но и полевой артиллерии — все эти моменты представляли собой дальнейшее развитие военного искусства по сравнению с практикой Морица и Густава-Адольфа.

Но у Кромвеля как полководца было ещё одно качество, обеспечивавшее его по-

беды, — способность психологически воздействовать на солдатские массы. Солдаты искренне любили Кромвеля и верили ему. Для них он был бесспорным моральным авторитетом. Чем это достигалось? Прежде всего тем, что Кромвель во время гражданской войны сам искал поддержки народных масс, черпал свои ресурсы из народа и тем самым придавал своей армии народный характер.

Армия Кромвеля в своих декларациях неоднократно заявляла, что она борется за свободу и благо своей страны. Религиозная идеология Кромвеля — идеология передового, радикального пуританизма — помогала ему находить с народными массами общий язык и общие чувства. В религиозных формулировках, в цитатах из священного писания Кромвель и его солдаты, по существу, выражали своё общее настроение — глубочайшую уверенность в правоте своего социального и политического дела и в неизбежности его победы.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

«ПЕСНЯ О ЩЕЛКАНЕ» И ТВЕРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1327 г.

Проф. Н. Воронин

Известная «Песня о Щелкане Дудентьевиче» дошла до нас в двух основных версиях. Записи А. Гильфердинга дают «Песню» в сокращённом виде, без описания деятельности Щелкана в Твери и его гибели. Вариант, сохранившийся в сборнике Кирши Данилова, имея отличия в первой части, полнее по своему содержанию. Этот вариант заканчивается рассказом о тверских бесчинствах Шевкала и его убийстве. Здесь упоминаются «два удалых брата Борисовича», которые являются главными действующими лицами описанного в «Песне» убийства Шевкала во время Тверского восстания против татар в 1327 году. По сути дела, никаких указаний на восстание «Песня» не содержит; напротив, народное недовольство Щелканом находит выход в жалобе удалым братьям Борисовичам, которые пытались задобрить татарина дарами «злата, серебра и скатново земчюга». Однако Щелкан не воздал послам «старой, богатой Твери» должного почёта, «зачванился он, загорделился, и оне (т. е. те же Борисовичи.— Н. В.) с ним раздорили один ухватил за волосы, а другой — за ноги и тут ево разорвали, тут смерть ему случилася, на на ком не сыскалося»¹.

У А. Гильфердинга, в отличие от Кирши, Борисовичи представлены как «князь благоверные Митрий Борисович да Борис Борисович»². Вариант Кирши Данилова, записанный в середине XVIII в., старше, и утеря конца «Песни» в записях Гильфердинга может быть отнесена к XVIII—XIX векам.

«Песня о Щелкане» почти не вызвала специальных исследований, где были бы поставлены вопросы о времени её сложения. Лишь в общей литературе мы имеем высказывания о том, что представляли собой действующие лица «Песни» — Борисовичи, — были ли они реальными историческими героями 1327 г. и, если это так, кто они по своей социальной принадлежности. Вместе с этим решался вопрос о происхождении, возрасте и исторической документальности «Песни о Щелкане».

Остановимся на некоторых из этих высказываний.

С. Соловьёв говорит о «Песне» в очерке внутреннего состояния русского общества до 1462 г., т. е. считает её сложившейся в XIV—XV вв., и приводит как образец светской литературы, «замечательный по взгляду на татар и на поведение ханских баскаков на Руси». Борисовичей Соловьёв считал князьями³.

В. Келтуяла полагает, что в основу «Песни о Щелкане» положены рассказы о действительном событии в Твери в 1327 году. Текст песни хорошо отражает эти события, воспроизводя собственные имена исторических лиц и общую картину татарского произвола. «Зато имя князя тверского Александра забыто и вытеснено отчеством — Борисовичи: в этом отчестве отразились воспоминания о позднейшем времени в истории Твери — о времени князя Бориса Александровича и его сына Михаила». Автор считает, что это отчество, как и заключительный стих о благополучном исходе восстания, противоречащий действительности, присоединены певцами позднее, когда реальные черты события изгладились. Не датируя прямо возникновение «Песни», автор, повидимому, относит её к XIV веку⁴.

М. Сперанский относит «Песню о Щелкане» к старшей группе исторических песен, к эпохе монгольского ига: «Летописный рассказ, особенно с деталями, сообщаемыми Тверской летописью, даёт объяснение песни почти целиком, кроме конца её, будто поступок тверичей сошёл для них безнаказанно: это изменение конца может указывать на ту пору редакции нашей песни, более позднюю, когда татары уже перестали быть грозой русских, а песня со счастливым окончанием тем более льстила народному самолюбию и представлялась с таким содержанием вполне естественной. Замена князя Александра братьями Борисовичами указывает на то же: имя Борисовичей следует считать отзвуком уже XV в., когда Тверь при князе Борисе Александровиче переживала в последний раз блестя-

¹ Сборник Кирши Данилова, стр. 13—14. СПб. 1901.

² Гильфердинг А. Онежские былины. Т. III, стр. 253, 415, №№ 235, 269, 283. М. и Л. 1940.

³ См. Соловьёв С. История России. Т. I, стр. 1314—1315. Изд. «Общественная польза». СПб.

⁴ Келтуяла В. Курс истории русской литературы. Ч. 1-я. Кн. 2-я, стр. 267—270. СПб. 1911.

шую по наружности эпоху своей независимости»¹. Таким образом, автор, относя возникновение «Песни» ко времени, близкому к описываемому событию, и сближая её с версией рассказа о Шевкале в Тверском сборнике, полагал, как и Келтуяла, что первоначальным действующим лицом «Песни» был Александр Михайлович Тверской, а не Борисовичи, что «Песня» заканчивалась мрачной картиной разгрома Твери, что, следовательно, вариант Кириши Данилова далёк от текста протооригинала.

В специальной статье А. Седельникова «Песня о Щелкане и близкие к ней по происхождению»² возникновение первоначального текста памятника отнесено к творчеству скоморохов времени Грозного; самый же сюжет произведения истолкован как сатирическое отображение событий XVI века, скомороший памфлет на Грозного (Азвяк) и его шурина Михаила Темрюковича (Щелкан). Тем самым автор отрицал возможность «признать за данной песней значительное старшинство перед всеми остальными великорусскими историческими песнями»³. Таким образом, «Песня о Щелкане», как утверждает автор, имеет отношение к Москве XVI в., а не к Твери XIV века. Тверское событие 1327 г. было использовано как маскировка для выпада против царя Ивана и опричнины.

Выводы А. Седельникова не встретили возражений и были приняты в последующих работах по русскому фольклору⁴. С отнесением «Песни о Щелкане» к XVI в. всё развитие русской исторической песни получало начало лишь со времени Грозного⁵. Нужно отметить, что построение А. Седельникова представляется чрезвычайно искусственным и мало убедительным. Попытка связать содержание «Песни» с событиями XVI в. была бы правомерна, если бы её содержание совершенно расходилось с фактами XIV века. Однако, как увидим ниже, при ближайшем анализе оказывается несомненным, что «Песня» без всяких натяжек и надуманных построений целиком отвечает событиям 1327 г. и, более того, является ценным историческим источником для более полного их освещения.

В недавнее время Я. Лурье высказал мысль, что «удалые Борисовичи» «Песни» — это не князь с братом, а тверской тысяцкий с братом⁶. При этом автор сослался на генеалогию бояр Шетневых; их родоначальником был Борис Фёдорович Поло-

вой, внук которого, Михаил Шетнев, был тверским тысяцким; после Михаила эта должность закрепилась в их роде⁷. Догадка эта встречает поддержку в позднейших источниках, свидетельствующих о большой популярности в Твери рода Борисовичей ещё в XVI—XVII веках. Писцовые книги XVI в. по Тверскому уезду знают три поколения Борисовичей, или чаще Борисовых, — это народное прозвище, видимо, было более распространённым, чем фамилия Шетневых: она упомянута только один раз⁸. В перечнях владений «бояр и детей боярских тверич» Борисовичи стоят на первом или втором месте, что свидетельствует об их политическом и родовом весе.

Старший и наиболее крупный землевладелец Василий Петрович Борисович, проживавший свой век в Москве, имел сёла и деревни в разных волостях, но основной массив земель (109 деревень и починков) был в волости Кавь. Среднее поколение Борисовичей к концу XVI в. уже вымерло: это сыновья Василия Петровича — Тимофей Васильевич и Никита Васильевич Борисовичи. Землями Тимофея владела его вдова Настасья с сыновьями Григорием и Иваном, служившими у князя Владимира Андреевича. Землями Никиты владела «Стефанида, жена Борисова», с сыновьями Матвеем, Александром и Василием, служившими на государственной службе⁹. Очень характерно, что землевладение Борисовичей, в отличие от большинства других владельцев Тверского края, подтверждалось «крепостями старинными», частью погоревшими в тверском Спасском соборе «в великий пожар». Можно установить, что под «старинными крепостями» писцы разумеют акты времени великого князя Бориса Александровича¹⁰. Таким образом, история Борисовичей углубляется до первой половины XV в., когда они пользовались, видимо, особым благоволением княжеского двора. Это время отстоит всего на 100 лет от 1327 г. и Тверского восстания. Однако источники позволяют заполнить и этот разрыв.

В тех же писцовых книгах упоминаются владения тверского Михаило-Архангельского монастыря, «что кладутца Борисовичи». Старший из Борисовичей XVI в., Василий Петрович, отдаёт монастырю деревню Боково. Тот же Василий

⁷ Борзаковский В. История Тверского княжества, стр. 222—223. СПб. 1876; Соловьёв С. Указ. соч., стр. 952, прим. 3.

⁸ Необычность фамилии — «Борисовичи» — заставила издателя сопроводить её при первом упоминании недоумённым «sic!». Писцовые книги Московского государства. Ч. I-я, отд. 2, стр. 164. Изд. Н. Калачова. Уп. Петра Шетнева на стр. 221.

⁹ Земли Василия Петровича, см. там же, стр. 181, 184, 226, 284—285; Тимофея Васильевича и его сыновей, стр. 84, 232, 258; Никиты Васильевича и его сыновей, стр. 164, 255, 284, 288—289.

¹⁰ Там же, стр. 164; указание, что «старинные крепости» — акты князя Бориса, стр. 168, 169; грамот старше князя Бориса не было предъявлено ни разу.

¹ «Былины. Исторические песни». Т. II, стр. 324 и 340. Под ред. М. Сперанского. М. 1919.

² «Художественный фольклор». Т. IV — V, стр. 36 и сл. М. 1929.

³ Там же, стр. 36.

⁴ См., например, Соколов Ю. Русский фольклор, стр. 262 и сл. М. 1938.

⁵ Там же.

⁶ Лурье Я. Роль Твери в создании национального государства. «Учёные записки ЛГУ» № 36, стр. 107.

Петрович жаловал земли другому Михайловскому монастырю, «что Михайло Архангил на пустыньки, на реке на Шоше, бывала Василья Петровича»¹. Понять значение почитания Михаила Архангела в роде Борисовичей помогают источники XVII века.

Писцовая книга Потапа Нарбекова 1626 г. при описании тверского Загородского посада также сообщает о Михайло-Архангельском монастыре на берегу Волги: «Монастырь Архангельской, где кладутца Борисовичи, а в нём храм деревян клецки обалился, да место пусто, а стояла на том месте храм Похвалы пресвятыя Богородицы»².

Здесь упомянуты не какие-либо другие Борисовичи, а именно потомки Бориса Полового. Об этом свидетельствует посвящение храма Архангелу Михаилу — патрону первого в роде Шетневых тысяцкого Михаила Фёдоровича Шетнева, который, по видимому, и положил основание Михайловскому монастырю, ставшему местом погребения их рода. Характерно, что тверской тысяцкий поставил свой храм не в Кремле, где были княжеская усыпальница — Спаский собор — и княжеская дворцовая церковь Михаила Архангела³, а вне Кремля, на Загородском посаде «старой, богатой Твери», как бы подчёркивая этим свою социальную связь с демократическими слоями городского населения. Таким образом, можно считать доказанным, что Борисовичи «Песни о Щелкане» — реальные исторические участники событий 1327 г., а не позднейшая замена фигурировавшего первоначально имени князя Александра, как это полагали и М. Сперанский и В. Келтуяла.

Следует напомнить подмеченное В. Борзаковским отличие судьбы тверских тысяцких от участи тысяцких в Москве и Рязани. Если о последних мы знаем в связи с упоминанием об их трагических убийствах и связанных с этим волнениях, то о судьбе тверских тысяцких таких сообщений нет⁴. Видимо, здесь между тысяцкими, боярством и княжеской властью не возникало тех острых политических противоречий, которые вели к гибели тысяцких и, наконец, к исчезновению этой должности. Вы-

ступление тысяцкого во главе восстания 1327 г. против татар представляется вполне естественным. Вспомним киевское восстание 1068 г., связанное с борьбой против половцев, когда явившиеся в город за оружием жители киевской округи после отказа князя обратились в первую очередь к своему тысяцкому Коснячку⁵. У тверских тысяцких Борисовичей ненависть к татарам подогревалась свежими воспоминаниями о предке их рода, черниговском боярине Феодоре, казнённом в 1246 г. в Орде вместе с князем Михаилом Всеволодовичем Черниговским. Любопытно, что именно около церкви-усыпальницы Борисовичей происходили торжественные встречи останков погибших в Орде тверских князей Михаила Ярославича и Александра Михайловича.

Изложенное со всей определённой свидетельствует о том, что «Песня о Щелкане» в варианте Кириши Данилова говорит о вполне реальных деятелях восстания 1327 г., т. е. сохраняет чрезвычайно жизненную связь с этим событием; рассказ о нём реалистичен и конкретен, т. е. ещё не подвергся значительной фольклорной переработке с амортизацией и заменой жизненных деталей общими местами и сюжетными оборотами. Это вновь ставит вопрос о времени появления «Песни о Щелкане», которое, на наш взгляд, может быть значительно приближено к 1327 году.

Летописные повествования о шевкаловщине дошли до нас в двух вариантах. Первый и наиболее интересный вариант содержится в первой части Тверского летописного сборника⁶; второй, отличаясь от первого по содержанию и стилю изложения, приписывает руководство восстанием князю Александру⁷, тогда как в первом выступают безыменные тверские горожане. К этой же группе принадлежит рассказ 1 Псковской летописи. Сохраняя руководящую роль Александра Тверского, этот рассказ пропитан похвалами ему и дополнен весьма сочувственным описанием его пребывания во Пскове⁸.

Рассказ о шевкаловщине в Тверском сборнике носит характер вставного, записанного со слов повествования. Его начало вполне фольклорно: злые татары посоветовали хану погубить князя Александра и других русских князей, чтобы прочнее владеть Русью; Шевкал берётся уничтожить христианство и князей и полонить их семьи. Это вступление по смыслу сближается с началом «Песни о Щелкане». Далее следует изложение деятельности Шевкала в Твери. Придя сюда, Шевкал согнал князя Александра с отцовского двора и занял его. Начались надругательства над народом, на-

¹ Писцовые книги Московского государства. Ч. 1-я, отд. 2, стр. 195, 278, 287, 157.

² Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова, стр. 64. Тверь. 1626. Тверь. 1901. Автор анонимной статьи «Загородский посад в 1626 г.» («Тверские губернские ведомости» № 7, за 1865 г.), полагал, что «Борисовичи» здесь — потомки князя Бориса Михайловича Кашинского.

³ Овсянников Н. Тверь в XVII веке. Тверь. 1839, а также данные летописей о названных княжеских храмах.

⁴ Борзаковский В. Указ. соч., стр. 223—224; Иловайский Д. История Рязанского княжества, стр. 120—121. М. 1858; Соловьёв С. Указ. соч. Т. I, стр. 951—952, 987. В Тверской земле тысяцкие — «тысячники» — играли значительную роль ещё в середине XV в.; См. Лихачёв Н. Инок Фомы слово похвальное..., стр. 153. СПб. 1908.

⁵ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), I. Лаврентьевская летопись 1068 г., ст. 170—171. Л. 1926.

⁶ ПСРЛ, XV. Тверская летопись, ст. 415.

⁷ ПСРЛ, VII. Воскресенская летопись, ст. 200; X. Никоновская летопись, ст. 194.

⁸ ПСРЛ, IV, ст. 185.

силія и грабежи. «Народи же, гордостю повсегда оскръбляеми от поганых, жаловахуся многажды великому князю, дабы их оборонил; он же, видя озлобление людей своих, не могый оборонити, тръпети им веляше; и сего не тръпяще тверичи, и искаху подобна времени (т. е. ждали случая для нападения на татар.— Н. В.)». И этот случай представился: 15 августа, в Успенев день, дьякон Дюдко вёл ранним утром к Волге на водопой «к ѓбилицу младау и зело тучну»; татары позарились на лошадь и отняли её; на крик Дюдко сбегались тверичи, а татары взялись за сабли. Тверичи не отступили, но «ударяша в колоколы и стаха вечием и поворотися весь град и весь народ том часе събрашася и бысть в них замятня (т. е. некоторое колебание.— Н. В.) и кликнуша тверичи и начаша избывати татар. где кто застропив, дондеже и самого Шевкала убиша и всех поряду. Не оставиша и вестоноши, разве еже на поли пастуси коневии пасуще и похватиша лучшии жеребци и скоре бежаша на Москву и оттоль в Орду и тамо възвестиша кончину Шевкалову».

Здесь, как и в «Песне о Щелкане», князь Александр не играет никакой роли; на первом плане рассказа — «люди тверичи», подобно тому как в «Песне» — вожди народа «удалые братья Борисовичи». С. Соловьёв отдаёт предпочтение перед другими вариантами рассказу о 1327 г. Тверского сборника, так как здесь «Шевкалово дело рассказано подробнее, естественнее и без упоминания о замысле Шевкала относительно веры»¹.

Обратим внимание на одну подробность рассказа, придающую ему особую живость и конкретность. Это — описание выхода ранним утром дьякона Дюдко с его столь любовно описанной «зело тучной младау кбылицей» и заключение рассказа, где вновь выступает осведомлённость о том, что происходит вне города, на поле, где паслись конские стада и откуда «коневии пастуси», взнуздав «лучший жеребци», помчались на Москву с тревожным известием об избиинии татар. Эти подробности наводят на мысль, что этот рассказ сообщён кем-либо из этих пастухов (если это не были татары), или, скорее, самим дьяконом Дюдко, любителем лошадей, имя которого вместе с именами князя и Шевкала названо в тексте². Рассказ не носит черт книжной речи, что особенно ярко сказывается при сравнении с текстом летописных рассказов второго типа, изобилующих литературными штампами и поучительными ремарками летописца.

Следует обратить внимание на место рассказа о Шевкале в Тверском сборнике.

1327 годом оканчивается великокняжеский летописный свод, доведённый до этого

года князем Александром³. Сжатый и деловой текст летописи под 1327 г. неожиданно прерывается рассказом о Шевкале, резко отличающимся от официального и сухого языка летописных записей смежных лет. Перед началом рассказа помещена краткая запись о получении князем Александром великого княжения, резко отличная по характеру от фольклорного начала рассказа о Шевкале: «Того же лета князю Александру Михайловичу дано княжение великое, и прииде из Орды, и седе на великое княжение». После заключения рассказа о восстании, в котором уже сообщено о гибели Шевкала, снова идут типичные летописные записи: «Той же зыми преставися Пётр Митрополит и убиень бысть Шевкаль», а дальше, под 1328 г., — сообщение о Федорчуковой рати: «И то слышав (т. е. убийство Шевкала.— Н. В.), беззаконный царь на зиму послать на землю русскую». Дублирование сообщения о смерти Шевкала и отличие по языку рассказа о Тверском восстании от окружающего летописного текста свидетельствуют о его интерполяции и ином происхождении. На это же указывает его начальная словесная связка с предшествующим летописным текстом о получении князем великокняжеской власти: «потом, за мало дней за умножение грех ради наших». Она напоминает те связки, когда летописец, внося в текст чей-либо рассказ, затрудняется привести его точное хронологическое определение и ограничивается общим указанием, вроде «в те же времена», «в лета те» и пр. Здесь подобная связка выглядит странно, так как в рассказе указан точно день восстания, и можно удивляться, что дата появления Шевкала в Твери выпала.

Текст Рогожского летописца, отражающий редакцию Тверского свода 1455 г., почти в точности повторяет текст Тверского сборника, но пытается завуалировать допущенное дублирование известий. После заключения рассказа 1327 г. об убийстве Шевкала записано последнее событие этого года: «Тое же зимы преставися Пётр Митрополит», а следующий абзац перередактирован: «А убиен бысть Шевкал в лето 6835. И то слышав беззаконный царь» и пр.⁴ Попытка упразднить повторение путём его некоторого изменения лишь ярче подчёркивает факт разрыва последовательного летописного текста вставным повествованием о Шевкале.

Всё изложенное приводит к выводу, что интерполированный в Тверскую летопись рассказ о Шевкале представляет запись народного живого рассказа, сохранившего непосредственную свежесть пережитых событий.

Для уточнения даты записи существенно обстоятельство, что она не содержит описания последовавшего за восстанием

¹ Соловьёв С. Указ. соч., Т. I, стр. 918.

² В этом отношении сохранение в «Песне о Щелкане» имени тысяцкого с братом чрезвычайно симптоматично.

³ Насонов А. Летописные своды Тверского княжества. Доклады АН СССР. Ноябрь—декабрь 1926 г., стр. 126.

⁴ ПСРЛ, XV. Рогожский летописец, ст. 43. Пгг. 1922.

разгрома Твери — об этом событии повествует уже летописец под следующим, 1328 годом. В этом можно видеть указание на то, что рассказ записан в том же, 1327 году, до прихода карательной экспедиции Калиты. Как увидим ниже, эта же особенность характерна и для «Песни о Щелкане», что отмечалось исследователями как историческая погрешность «Песни», образовавшаяся в результате позднейших её переработок.

Рассказ о 1327 г. включён в летопись, видимо, не без ведома князя Александра, а скорее по его инициативе. Политический смысл этого включения очевиден: согласно этому рассказу, Александр не повинен в восстании, это — стихийное возмущение народа, не внявшего призывам князя к терпению. Это было очень существенно для тверского князя, только что облечённого, волею хана, великокняжеским достоинством. Эта версия оправдывала его перед судом истории и ограждала от возможных преследований со стороны хана¹.

В этом смысле вторая версия рассказа о Шевкале отражает противоположную тенденцию. Не народ восстал, но князь призвал тверичей к оружию, он приказал зажать двор отца своего, где скрывались татары, — за это и обрушивается на Тверь карательная экспедиция Калиты и затем начинается преследование Александра. Мы уже отмечали книжный характер данной обработки сюжета. Решив истребить тверичей, собравшихся в день праздника Успения, Шевкал не знал, что бог хранит «от сыроядцев» род христианский. Александр, призывая народ к оружию, говорит: «Не аз почая избивати» и пр., подобно известной речи Ярослава перед битвой со Святополком². Столкновение с татарами изображено как организованное выступление народа. «И съступишася обои въсходящу солнцу и бишася весь день» — оборот, явно повторяющий обычный литературный штамп. Но в то же время во второй версии сохраняется вступление к рассказу вполне фольклорного типа, отражавшее носившиеся в народе в связи с приездом Шевкала тревожные слухи. Сохраняется и точная дата события — 15 августа, на праздник Успения. Для этой второй летописной версии о восстании 1327 г. весьма характерна подробность, приписывающая Шевкалу намерение «привести христиан в татарскую веру», что сообщает Александру черты борца с басурманами и защитника православия. Эта особенность рассматриваемого рассказа позволяет выяснить время его возникновения.

¹ Любопытно, что в Симеоньевской летописи, отразившей свод 1327 г. в уже отредактированном при Калите или его преемнике виде, рассказ о Шевкале совершенно опущен, а разгром Калитой Твери мотивирован как божья кара «множества ради грех наших» (ПСРЛ, XVIII, ст. 90; Насонов А. Летописные своды Тверского княжества, стр. 765, ИОГН. 1930).

² См. Соловьёв С. Указ. соч. Т. I, стр. 918, прим. 2.

Повествование о Шевкале нашло вторичное отражение в том же Тверском сборнике, в его последней части — «Летописце княжения Тферского благоверных великих князей тферских», составленном по инициативе князя Бориса Александровича³. Задачей этого произведения, возникшего в 1455 г., после падения Константинополя, в обстановке борьбы Москвы и Твери за византийское наследство, было доказательство прав на него Тверского княжества и тверских князей как исконных поборников православия. Центральной фигурой «Летописца» является князь Михаил Александрович, которому посвящён обширный текст. Приступая к биографии князя Михаила, автор упоминает о его отце, а в связи с этим рассказывает и историю о Шевкале. Шевкал представлен как «притеснитель православного града Твери», «христианский губитель» и «церковный боритель». Александр выступает защитником православия. Напротив, пришедший с татарами «Иван Московский... вожь им на грады Тверския бываше», т. е. является вероотступником и предателем церкви. Гибель Александра в Орде (1339) изображена как мученическая кончина за веру: «Получи желание свое, еже за христианы течение съвершити, и въсприят мучениа добро победный венец от руки Вседръжителя»⁴. В этой версии «Летописца» князя Бориса Александровича, по видимому, и следует видеть источник вполне книжной версии рассказа о Шевкале, условно названного нами вторым типом рассказа и носящего на себе следы московской политической редакции⁵.

★

Я. Лурье показал связь сюжета «Песни о Щелкане» с изображениями на рогатиле князя Бориса Александровича тверского, тем самым вскрыв большую популярность этого произведения в Твери первой половины XV века. Автор склонен отнести к этому времени возникновение и «Песни о Щелкане»⁶. Тем самым он положил конец попытке истолковать «Песню о Щелкане» как сатирическое произведение скоморохов Москвы XVI в., так как она явно существовала уже в первой половине XV века.

Я. Лурье дополнительно отметил, что отношение «Песни» к татарам, которые представлены в ней без издевки и насмешки, как реальная и грозная власть, не позволяет

³ ПСРЛ, XV, ст. 465—466; Насонов А. Указ. соч., стр. 738 и сл.

⁴ Насонов А. Указ. соч., стр. 747 и сл. В смысле проведения той же тенденции любопытна замена новгородского архиепископа Василия в рассказе об обучении юного князя Михаила Александровича «митрополитом Киевским Фегнастом». ПСРЛ, XV, ст. 467.

⁵ Может быть, в связи с оживлением интереса к истории 1327 г. при князе Борисе поднялся авторитет Борисовичей, получивших в это время, как мы видели выше, земельные пожалования («крепости старинные» Бориса Александровича указаны в писцовой книге конца XVI века).

⁶ Лурье Я. Указ. соч., стр. 104—107.

датировать памятник временем после 1480 года¹. Однако эта же черта песни, как нам кажется, ведёт не к первой половине XV в., а к более раннему времени.

С конца XIV в. в оправившейся Твери вновь усиливаются антитатарские настроения. В это время и в первой половине XV в. мы наблюдаем, например, исчезновение татарских надписей на тверской монете². Международный авторитет Тверского княжества этого времени также способствовал переоценке отношения к недавно безраздельной власти монголов. Это позволяет думать, что «Песня о Щелкане» с её ясно выраженным пиететом к монголам возникла ещё до периода князей Михаила и Бориса Александровичей, с именами которых связан зенит политического могущества Твери. Нам представляется более вероятным отнести появление «Песни» ко времени второй четверти XIV в., вскоре после Тверского восстания 1327 года. Реализм и историческая конкретность «Песни» указывают, как мы отмечали, что она слагалась под свежим впечатлением события, сохранив многие бытовые и исторические его подробности, особенно яркие в варианте Кириши Данилова, стоящем, несомненно, ближе других к первоначальному содержанию и характеру произведения.

В Твери конца XIII и начала XIV в. народное творчество, видимо, с особой остротой реагировало на гнёт монгольской неволи. Мы видели выше, что ходячий народный рассказ о шевкаловщине был внесён в Тверскую летопись, сохранив почти в нетронутom виде свою непосредственную свежесть и простоту. Не менее симптоматично появление в великокняжеском своде 1305 г. вставки под 1283—1285 гг. повествования о баскаке Ахмате, который действовал в далёком Курском княжестве. Это повествование носит характер устного народного рассказа, сложившегося из сообщений купцов, как предполагает М. Приселков, где-либо во Владимиро-Суздальской или Новгородской области³. Едва ли есть необходимость в этом территориальном ограничении, так как Тверь была одним из крупнейших торговых центров русского средневековья, и здесь этот бродячий рассказ мог услышать тверской сводчик 1305 года. Стоит напомнить сюжет данного повествования: некий «бесерменин злохитр и вельми зол», по имени Ахмат, державший «баскачество Курьскаго княжения», откупал дань, отягощая князей и чёрных людей. Его отряды, стоявшие в двух слободах на земле князя рыльского Олега, опустошали поборами и насилиями округу. По жалобе Олега хану Телебуге Олег и Святослав князь

липовичский силами татарского отряда изгоняют отряды Ахмата из этих слобод. Ахмат дошёл хану Ногаю о происшедшем; Олег был вызван к хану, но он побоялся ехать в ханскую ставку. Тем временем князь Святослав липовичский, без извещения Олега, снова ударил на татарские слободы «в ночи-разбоем». Ногай послал карательный отряд в землю Олега; князь бежал к своему хану Телебуге, а Святослав скрылся в Воронежских лесах; татары, ограбив землю, восстановили разбитые Олегом слободы, куда свели полон и награбленное добро. Приведённые к Ахмату бояре были казнены; их одежды были отданы находившимся тут «гостям-паломникам», с тем чтобы они ходили по землям и разносили молву, что такая же казнь ждёт всякого, кто будет противиться баскакам. Трупы обезглавленных бояр были повешены на деревьях, а их отрубленные головы и правые руки татары собирались послать для устрашения «по землям», но так как округа была опустошена и устрашать было некого, бросили «псам на съедь». Многие люди, ограбленные донага, замёрзли. «Се же великое зло сътворися грех ради наших; Бог бо казнить человека человека, тако сего бесерменина навёл злаго за нашу неправду, мню же,— поясняет сводчик,— и князей ради, понеже живяху в которе. Много и мам писати, но то оставим». Далее под 1284 г. летописец подробно рассказывает о новом набеге Святослава,— он напал на отряд из баскаческой слободы и истребил 25 русских и 2 татар. Братья Ахмата, оставленные им в слободах, бежали к нему в Курск. Олег потребовал, чтобы Святослав шёл в Орду держать ответ перед ханом, но тот отказался. Олег привёл татар «и уби князя Святослава по царёву слову, и потом брат Святославль князь Александр уби князя Олега и Давыда сына его, на едином месте, и сътворил радость диаволу и его поспешнику бесерменину Ахмату»⁴.

Политическая мораль этого повествования совершенно недвусмысленно подчеркнута автором и более ярко и сильно была выражена столетием раньше в «Слове о полку Игореве». Это—гибельность для Руси княжеских «катор», которые к тому же осложнялись устанавливавшимся двоевластием в самой Орде. Оттенённые в конце повествования взаимное истребление князей и роль в этом татар как бы дополняли курской иллюстрацией те кровавые раздоры, которые происходили в среднерусских княжествах. Рассказ о баскаке Ахмате ярко иллюстрирует отмеченную К. Марксом политику, которая состояла в сталкивании княжеских интересов и в истощении русской силы в бесплодных «каторах». «Натравливать князей друг на друга, поддерживать несогласие между ними, уравнивать их силы, никому из них не давать усиливаться»— всё это было традиционной

¹ Лурье Я. Указ, соч., стр. 103.

² Рубцов М. Деньги великого княжества Тверского (XIII—XV вв.), стр. 82—83. Тверь. 1904.

³ Приселков М. Лаврентьевская летопись (история текста). «Учёные записки ЛГУ» № 32, стр. 139—140.

⁴ ПСРЛ, XVIII. Симеоньевская летопись 1283—1284 гг., ст. 79—81; IX. Никоновская летопись, ст. 162 и сл. Описываемые события относятся к 1287—1293 гг.; Насонов А. Указ, соч., стр. 70, прим. 3.

политикой татар»¹. По политическим соображениям, автор рассказа об Ахмате умолчал о своих дальнейших умозаключениях («много имам писати, но то оставим»)². Он, видимо, рассчитывал на возможность объединения усилий князей в борьбе против татар. Смысл повести заключается не в утрашении читателя рассказом о расправе Ахмата, а в возбуждении ненависти к баскакам и укреплении у читателя мысли о реальной возможности борьбы с ними при условии, если будут ликвидированы княжеские «каторы». Реальный выход указывала сама жизнь — усиление великокняжеской власти, за которое и шла борьба между Москвой и Тверью.

Характерно, что это повествование, тематически не связанное с содержанием летописного свода, вошло в его состав наряду с официальными летописными источниками. Несомненно, введение в изложение великокняжеского свода народного рассказа о баскаке Ахмате не было личной инициативой сводчика и, во всяком случае, было согласовано с заказчиком свода Михаилом Ярославичем. Отсюда можно заключить о политической преднамеренности занесения данного сюжета в официальный свод тверского князя³.

Народное возмущение против татар накапливалось в Твери ещё задолго до восстания 1327 г., и Тверь как центр и опорный пункт в возможной борьбе с ними была широко известна народным массам смежных княжеств, устремившимся сюда в поисках спасения от монгольского террора.

Сообщение летописи о Дюленовой рати 1293 г. после описания разгрома, учинённого татарами по городам и сёлам Владимиро-Суздальской области, особо выделяет Тверь: «И отголе възхотеша (татары. — Н. В.) ити на Тферь. Тогда велика бысть печаль Тферичем, понежь князя их Михай-

ла не бяше в земли их, но в Орде, и Тферичи целоваша крест, бояре к черным людем, такоже и черныя люди к бояром, что стати с единого, битися с Татары; бяше бо ся умножило людей и прибеглых в Тфери и из иных княженей и волостей перед ратью». Тем временем подоспел князь Михаил, и татары, узнав об его прибытии, «не посидыша ратью к Тфери», свернув на Волок. Однако зимой того же 1293 г. Тверь не избежала расправы карательного отряда «царя Тохтомеря» (хана Тохты) за попытку князя Михаила завязать связь с ордой хана Ногая⁴. Текст подчёркивает единство низов и боярских кругов города в стремлении сопротивляться татарам; это находит отклик в «Песне о Шелкане», где Борисовичи — тысяцкий Михайло Шетнев вместе с братом — являются участниками расправы над Шевкалом.

Приведённые факты показывают, что в этой напряжённой обстановке в Твери особенно внимательно следили за деятельностью татар. В народных массах слагались рассказы на эту тему. Одно из таких народных сказаний — о баскаке Ахмате — было даже внесено в великокняжеский свод 1305 г., подчеркнувший этим сочувствие тверского князя народным чаяниям. Естественно, что взрыв народного гнева — восстание 1327 г., освящённое внесённым в великокняжеский свод (руководившийся в это время тверскими князьями) рассказом о Шевкале, — нашёл яркое отражение также и в появлении «Песни о Шелкане»⁵.

По своей форме и стилю «Песня о Шелкане», бесспорно, стоит в начале развития данного жанра русской устной словесности: при краткости и собранности изложения она носит характерные для былинного эпоса черты (повторения, общие места, былинная ритмика, эпический характер повествования об убийстве Шевкала). Но вместе с этим её «зачин» уже носит отблеск исторического введения к конкретной тверской теме «Песни» — в обобщённых формулах дано верное определение «старой, богатой Твери» и любовно сохранено родовое отчество героев 1327 г. Борисовичей — тысяцкого Михаила Фёдоровича с братом.

Примечательными и характерными чертами «Песни» являются выраженные в ней глубокий оптимизм и вера в конечную победу над угнетателями. «Песня» заканчивается описанием убийства Шевкала, которое «ни из ком не сыскалося», в то время как в действительности восстание было погашено в море крови соединёнными усилиями Ивана Калиты и ханского карательного отряда. Напомним, что и рассказ, внесённый в Тверскую летопись, заканчивается

¹ К. Marx. Secret diplomatic history... р. 78. London. 1889. Весьма характерно, что борьба между Москвой и Тверью за великое княжение в глазах тверского летописца представляется результатом татарской политики. В Твери хорошо понимали, что татары — главная сила, мешающая объединению Руси. Так, например, освещена история с послом Сарыкожей, перешедшим на сторону Дмитрия Московского, и покупкой последним ярыка на великое княжение. «Они же (Мамай и его «князи». — Н. В.)... безбожно своею лестью вверхгли мечь и огнь в Русскую землю на христианскую погыбель» (ПСРЛ, XV. Рогожская летопись. ст. 96).

² В Никоновской летописи: «много имам сем писати, но оставим сиа долготы ради постигает бо мя лето повествующе о снх» (ПСРЛ, X, ст. 164).

³ Показательна внимательность тверского летописца к деятельности ханских агентов на Руси. Так, например, А. Насонов предполагает, что известия о великом баскаке владимирском Иаргамане и его зяте Айдаре, сохранённые под 1269 и 1273 гг. в Никоновской летописи, восходят к тексту Тверского свода. Насонов А. Указ. соч., стр. 769.

⁴ ПСРЛ, XVIII. Симеоньевская летопись 1293 г., ст. 82—83; Насонов А. Монголы и Русь, стр. 76—77. М. и Л. 1940.

⁵ Отметим сохранение в бывшей Тверской губернии обрядовых песен с яркими воспоминаниями о татарщине. См. «Тверские губернские ведомости» №№ 34 и 35 за 1850 год.

описанием победы тверичей, а последующий разгром Твери описан в летописной краткой манере уже самим летописцем. Это дало нам основание предположить, что рассказ этот возник под свежим впечатлением события в том же 1327 году. Не в этом ли году сложилась и тверская часть варианта «Песни о Щелкане», сохранённого Киришей Даниловым? Характерно, что эта наиболее конкретная и носящая местный характер часть «Песни» не была повторена вариантами А. Гильфердинга явно позднейшего происхождения: рассказ о давно забытом событии, естественно, отпал в процессе исторической жизни «Песни». Так или иначе, но даже если безымянный автор «Песни о Щелкане», опустив мрачный финал восстания, и совершил единственное большое отступление от исторической правды, то в этой тенденциозности заключалось инстинктивное сознание народом неизбежности разгрома татар и торжества освобождения Руси от монгольского ярма.

Рассмотренные нами факты и вытекающие из них выводы углубляют и наше понимание Тверского восстания 1327 года. Если согласиться с нашей датировкой «Песни о Щелкане» в её наиболее близком к древнему варианту Кириши Данилова, то мы получаем вполне доброкачественный исторический источник. Главное в его показаниях — руководство Тверским восстанием Борисовичей: тысяцкого Михаила и его брата, неизвестного нам из родословной Шетневых. Данные писцовых книг конца XVI в. и писцовой книги 1626 г., приведённые нами выше и свидетельствующие о сохранении народной памятью воспоминаний о роде тверских тысяцких и их монастыре-

усыпальнице на Загородском посаде, делают эту деталь «Песни» особенно яркой и убедительной. Разногласия «Песни» и рассказа Тверской летописи нам представляются легко примиримыми ввиду различия назначения, характера и самой жизни этих произведений. Летопись могла не упомянуть тысяцкого, так как его руководство вооружённым народом было вещью обычной, тогда как самоустрашение князя Александра от борьбы находит подтверждение в умолчании о нём в «Песне». Упоминание в последней о поднесении даров Шевкалу и его распри с Борисовичами, приведшей к вполне эпически трактованной гибели татарина, может отражать имевшую место ещё до восстания попытку тысяцкого Михаила купить ценой подарков смягчение режима грабежей и издевательств над тверичами, установленного Шевкалом. Однако, видимо, это не изменило дела, и наказание на дьякона Дюдко послужило каплей, переполнившей чашу терпения тверичей, «искавшим подобна времени», — это время пришло, и татары были избиты.

Повесть о баскаке Ахмате, рассказ и «Песня» о Шевкале вместе с летописным освещением жизни Твери в годину Дюденевой рати (1293) показывают, сколь глубоки и органичны были нарастание в Твери того времени протеста против монгольского ига и рост стремлений к борьбе за национальную независимость.

Инициатива этой борьбы и этих стремлений рождалась не в княжеском кругу, а в глубоких слоях народных масс и вызывала сочувствие княжеской власти.

СТАРОПРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НА СЛУЖБЕ У НЕМЕЦКИХ АГРЕССОРОВ

М. Смирин

В арсенале фашистской пропаганды большое место, как известно, занимает фальсификация истории. В этом отношении, как и во многих других, немецкие фашисты следуют старой прусской традиции, так как казённая прусская историография возникла и развивалась как орудие немецкой агрессии. В настоящей статье мы познакомимся с отдельными образцами этой историографии, отражающими её общий характер и цели.

★

В 1518 г. в знаменитой базельской типографии Иоганна Фробена напечатан был трактат в двух книгах — «О прусских древностях». Автор этого трактата бургомистр города Цвикау, доктор медицины Эразм Стелла написал его в 1510 г. по поручению епископа Помезании Иова фон Дробенекса

и посвятил гросмейстеру Тевтонского ордена герцогу Фридриху Саксонскому¹. В «Каталоге писателей Польши и Пруссии» Давида Брауна автор «Прусских древностей» прославляется за то, что он первый сумел собрать и изложить исторический материал, почерпнутый у древних авторов, а также из ранних прусских хроник и бытовых памятников этой страны². В первом томе «Истории Пруссии» Иоганнеса Фойхта произведение Эразма Стеллы отмечается как одна из наиболее важных хроник по истории Пруссии, послужившая материалом для других хронистов XVI в., в частности для Да-

¹ *Stellae Erasmi De Borussiae antiquitatibus. Liber duo. Basil, apud Joh. Frobenium MDXVIII. Acta Borussiae, I, p. 99—144.*

² См. там же, стр. 99. Примечание.

описанием победы тверичей, а последующий разгром Твери описан в летописной краткой манере уже самим летописцем. Это дало нам основание предположить, что рассказ этот возник под свежим впечатлением события в том же 1327 году. Не в этом ли году сложилась и тверская часть варианта «Песни о Щелкане», сохранённого Киришей Даниловым? Характерно, что эта наиболее конкретная и носящая местный характер часть «Песни» не была повторена вариантами А. Гильфердинга явно позднейшего происхождения: рассказ о давно забытом событии, естественно, отпал в процессе исторической жизни «Песни». Так или иначе, но даже если безымянный автор «Песни о Щелкане», опустив мрачный финал восстания, и совершил единственное большое отступление от исторической правды, то в этой тенденциозности заключалось инстинктивное сознание народом неизбежности разгрома татар и торжества освобождения Руси от монгольского ярма.

Рассмотренные нами факты и вытекающие из них выводы углубляют и наше понимание Тверского восстания 1327 года. Если согласиться с нашей датировкой «Песни о Щелкане» в её наиболее близком к древнему варианту Кириши Данилова, то мы получаем вполне доброкачественный исторический источник. Главное в его показаниях — руководство Тверским восстанием Борисовичей: тысяцкого Михаила и его брата, неизвестного нам из родословной Шетневых. Данные писцовых книг конца XVI в. и писцовой книги 1626 г., приведённые нами выше и свидетельствующие о сохранении народной памятью воспоминаний о роде тверских тысяцких и их монастыре-

усыпальнице на Загородском посаде, делают эту деталь «Песни» особенно яркой и убедительной. Разноречия «Песни» и рассказа Тверской летописи нам представляются легко примиримыми ввиду различия назначения, характера и самой жизни этих произведений. Летопись могла не упомянуть тысяцкого, так как его руководство вооружённым народом было вещью обычной, тогда как самоустрашение князя Александра от борьбы находит подтверждение в умолчании о нём в «Песне». Упоминание в последней о поднесении даров Шевкалу и его распре с Борисовичами, приведшей к вполне эпически трактованной гибели татарина, может отражать имевшую место ещё до восстания попытку тысяцкого Михаила купить ценой подарков смягчение режима грабежей и издевательств над тверичами, установлённого Шевкалом. Однако, видимо, это не изменило дела, и нажадение на дьякона Дюдко послужило каплей, переполнившей чашу терпения тверичей, «искавшим подобна времени», — это время пришло, и татары были избиты.

Повесть о баскаке Ахмате, рассказ и «Песня» о Шевкале вместе с летописным освещением жизни Твери в годину Дюденевой рати (1293) показывают, сколь глубоки и органичны были нарастание в Твери того времени протеста против монгольского ига и рост стремлений к борьбе за национальную независимость.

Инициатива этой борьбы и этих стремлений рождалась не в княжеском кругу, а в глубоких слоях народных масс и вызывала сочувствие княжеской власти.

СТАРОПРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НА СЛУЖБЕ У НЕМЕЦКИХ АГРЕССОРОВ

М. Смирин

В арсенале фашистской пропаганды большое место, как известно, занимает фальсификация истории. В этом отношении, как и во многих других, немецкие фашисты следуют старой прусской традиции, так как казённая прусская историография возникла и развивалась как орудие немецкой агрессии. В настоящей статье мы познакомимся с отдельными образцами этой историографии, отражающими её общий характер и цели.

В 1518 г. в знаменитой базельской типографии Иоганна Фробена напечатан был трактат в двух книгах — «О прусских древностях». Автор этого трактата бургомистр города Цвикау, доктор медицины Эразм Стелла написал его в 1510 г. по поручению епископа Помезании Иова фон Дробенекса

и посвятил гротмейстеру Тевтонского ордена герцогу Фридриху Саксонскому¹. В «Каталоге писателей Польши и Пруссии» Давида Брауна автор «Прусских древностей» прославляется за то, что он первый сумел собрать и изложить исторический материал, почерпнутый у древних авторов, а также из ранних прусских хроник и бытовых памятников этой страны². В первом томе «Истории Пруссии» Иоганнеса Фойхта произведение Эразма Стеллы отмечается как одна из наиболее важных хроник по истории Пруссии, послужившая материалом для других хронистов XVI в., в частности для Да-

¹ *Stellae Erasmi. De Borussiae antiquitatibus. Liber duo. Basil, apud Joh. Frobenium MDXVIII. Acta Borussiae, I, p. 99—144.*

² См. там же, стр. 99. Примечание.

вида Лукаса и Симона Грунау¹. Имя Иова фон Дробенекса, инициатора этой работы и крупного магната орденской Пруссии, свидетельствует о том, что работа Эразма Стеллы инспирирована была высшими кругами Тевтонского ордена.

XV век был, как известно, самым несчастным временем для агрессивной восточной политики немцев. После Грюнвальдской битвы 1410 г. и особенно после Торнского мира 1466 г. определился упадок форпоста этой агрессии — немецкого Ордена. Дружный отпор, данный с начала века немцам силами русских, поляков и литовцев, переход к Польше земель, расположенных к западу от Вислы, превращение земель Ордена восточнее Вислы в польский лен и, главное, бурный рост Московского государства — всё это предопределило окончательный и бесповоротный упадок немецкого Ордена. Тем не менее немецкие магнаты орденской земли стремились к спасению Ордена, к усилению его и видели в его сохранении залог восстановления своей былой роли на Востоке. Средством для достижения этой цели должно было служить установление связи немецкого Ордена с саксонским домом Веттинов путём избрания гросмейстером Ордена герцога Саксонского Фридриха.

Инициаторы этого избрания рассчитывали, что представитель мощного веттинского дома не только реорганизует внутренние порядки и методы управления в духовном государстве, но и предпримет ряд военных походов для восстановления немецкого господства на Востоке. В этой связи чрезвычайно характерно, что помезанский епископ — активный деятель Ордена и решительный сторонник реставрации его агрессивной роли, прозванный за это «железным», — заказал образованному бургомистру саксонского города Цвиккау составить для Фридриха историю Пруссии в нужном «освещении». Цель своей работы Эразм Стелла откровенно изложил в «посвящении», адресованном гросмейстеру.

В этом «посвящении» Эразм Стелла рекомендует гросмейстеру Фридриху тщательно ознакомиться с историей и бытом древних обитателей страны, так как, сопоставляя прежнее состояние страны с настоящим, можно-де убедиться, как следует прославлять тех, кто получили страну «варварскую, дикую, некультурную, языческую, мерзкую и жалкую во всех отношениях и сделали её приятной, культурной, гражданской, богатой, человеческой» и, главное, ввели в неё христианство, что ясно доказывает, насколько необходимо в Пруссии святое воинство тевтонов².

Преподнося гросмейстеру раннюю историю Пруссии, автор рекомендует ему применять те же методы, какие применял в своё время Тевтонский орден. Но прежде всего автор ставит себе целью доказать, что прусская земля есть «часть Германии»,

что она с самого начала была заселена германцами.

Дальше Эразм Стелла признаёт, что не по собственной инициативе, а «по повелению почтенного помезанского первосвященника Иова» он предпринял эту работу для того, чтобы лучше помочь богу войны одолеть всякие посягательства на прусские границы. В заключение он просит князя не отказать в помощи «как заботой, так и справедливой войной», для того, чтобы «объединённым воинством удалить из этих границ всякий сброд варваров». Это обращение не оставляет никаких сомнений в вопросе о целях, какие ставили себе магнаты орденской земли, избирая саксонского герцога своим гросмейстером. Они рассчитывали объединением своих одряхлевших сил с мощными силами светского веттинского дома подготовить войну для восстановления своего положения на Востоке и для ликвидации последствий Грюнвальда и Торнского мира. Никакое сомнение, пишет дальше Эразм Стелла, «не колеблет моей уверенности в том, что если дело будет движимо твоим богом войны, то легко отвоюем эту страну и вырвем её из рук несправедливой оккупации»³.

Таким образом, «первый опыт» изложения истории Пруссии должен был служить поощрением к возобновлению немецкой агрессии. В начале 1-й книги автор утверждает, что германцы были исконными хозяевами этой земли. «Была эта земля заселена, — пишет он, — различными обитателями, ибо, как пишет гот Иордан, прежде владели ею Ульмигеры-германцы, — по имени которых она долгое время называлась Ульмигерией, и сегодня та её часть, которая примыкает к Висле, называется Кульмигерией вместо Ульмигерии»⁴. Ссылаясь дальше на Иордана, автор сообщает, что ульмигеры подверглись нападению пришедших из Скандинавии готов, которые оттеснили их и заняли их земли. Правда, он признаёт, что Птолемей называет целый ряд обитавших здесь других племён — готтонов, вenedов, судинов, карионов, а непосредственно у Вислы — финнов с венедами и сулинами. Однако, по его мнению, Птолемей воздерживается от наименования этой земли каким-либо общим именем по той причине, что, как он считал, все обитавшие здесь мелкие племена не образовали единого народа и потому не могли быть обозначены каким-либо одним общим названием. Зато Корнелий Тацит, продолжает он, тщательно изучив эту местность, «прямо причислил её к Германии» (*ipsa Germaniae prorsus adscribit*), хотя и отмечает у населения смешанные черты сарматов и германцев. Именно вenedов Тацит расценивал как германцев и по их манере строить дома, и по тому, как они носят щит, и по их обычаям маршировать, так же как и по их любви к подвижности. Всем этим венеда отличались от сарма-

¹ Voigt J. Geschichte Preussens. Bd. I, S. 617. 619 ff. Königsberg. 1827.

² Acta Borussiae. I. p. 104.

³ Ibidem, p. 105.

⁴ Ibidem.

тов, живших только в колесницах и на лошадях, хотя они и усвоили некоторые нравы сарматов, в частности обычай нападать на соседей и грабить их. Так Эразм Стелла заключает, что из племён, перечисленных Птолемеем, по крайней мере венеды, судя по Тациту, должны считаться германцами.

Дальше Эразм Стелла переходит к певкинам и бастарнам. Ссылаясь на Плиния, он утверждает, что по языку, культуре, оседлой жизни и характеру жилищ многие из этих племён, жившие по соседству с Дакцией, похожи были на германцев; другие же «соприкасались тогда с мерзостями сарматов», практиковали смешанные браки, их «знать вела грязный образ жизни, а народ отличался бесчувственностью». «Тацит сомневался,— продолжает автор,— причислять ли их к сарматам или к германцам. Действительно, эта местность приписывается теперь Польше, но Плиний причислял их к германцам»¹.

Эразм Стелла стремится, таким образом, ссылаясь на Иордана, Птолемея, Тацита и Плиния, «доказать», что вся местность от Нижней Вислы до Дакии является исконно германской территорией. Уже поверхностный взгляд на эти первые страницы трактата Эразма Стеллы убеждает нас в том, что автор ловко комбинирует отдельные места из разных древних авторов для того, чтобы получить нужные ему «выводы». Дело, однако, не только в простом комбинировании материалов, а в том, что при этом он применяет самые грубые методы фальсификации источников.

Обратившись к книге Иордана «О происхождении и действиях готов», мы убеждаемся, что там не говорится ни об «ульмигерах-германцах», ни об «ульмигерах» вообще.

Охарактеризовав подробно племена, населявшие «Скандинавский остров»², Иордан рассказывает, что готы во главе со своим королём Беригом покинули эту «мастерскую племён» и прибыли в землю, которую они назвали «Готоскандинавия» (Gothoscandza). Оттуда они скоро продвинулись дальше, до местопребывания ульмеругиев, которые занимали тогда побережье Океана. Разрушив замки, готы выгнали ульмеругиев из их собственной земли»³.

В примечании к этому сообщению Иордана Мюлленгоф разъясняет, что ульмеругии — это ругии, занимавшие острова в устье Вислы, что название «ульмеругии» дано было этой части ругиев готами и означает «ругий островов», так как слово «holma» по-готски означает острова⁴. У Иордана, та-

ким образом, речь идёт не о каких-либо вымышленных «ульмигерах германцах» а о незначительной части ругиев, основное местопребывание которых было значительно западнее, как это видно из карты Птолемея⁵. По утверждению Иордана, следовательно, готы оттеснили тех ругиев, которые занимали острова в устье Вислы. О земле же Нижней Вислы и её населении Иордан в этом месте вовсе не говорит. О наиболее значительном народе, жившем на Висле, Иордан говорит несколько дальше вышеприведённого места, но этого четкого высказывания Иордана, так же как и другого его высказывания в том же духе, Эразм Стелла не приводит вовсе, потому что эти высказывания прямо противоречат тому, что он пытается «доказать». Иордан утверждает, что от истоков Вислы через огромное пространство венедов земля населена народностями, названия которых различны в разных местах, но которые главным образом называются славянами и антами⁶. Ещё раз Иордан говорит о венедах в связи с его описанием завоеваний готского короля Германариха.

После покорения герулов Германарих двинулся против венедов, которые решились оказать ему сопротивление, рассчитывая на своё численное превосходство, но всё же были им покорены. Затем Иордан замечает, что носящие три разных названия венеды, анты и славяне (slaveni) ведут своё происхождение от одного общего дерева, что хотя «теперь» (т. е. в VI в.) за грехи наши они всюду «сильно свирепствуют», тогда, однако (т. е. в IV в.), «они все подчинены были империи Германариха»⁷.

Иордан, таким образом, относит венедов к славянам, но Эразм Стелла, извратив одно место у Иордана и обойдя молчанием два других места у этого автора, утверждает, ссылаясь на него же, что на Нижней Висле исконно жили германцы. Своё утверждение о том, что венеды — германцы, он пытается подтвердить ссылкой на Тацита.

Выше мы уже познакомились с тем, как он это делает, чередуя цитаты из Тацита и из Плиния. Эразм Стелла заявляет, что Тацит «прямо причисляет» венедов к германцам, так как они имели прочную оседлость и были подвижны. В отношении же певкинов, бастарнов Тацит сомневается, куда их отнести — к германцам или к сарматам.

О причинах сомнений Тацита Эразм Стелла судит не на основании текста самого Тацита, а ссылаясь на Плиния, из текста которого он заключает, что сомнения Тацита вызваны были тем, что певкины усвоили «много мерзостей» сарматов, а именно — разбойничий промысел и грязный быт знати⁸. В действительности Тацит вовсе не

¹ Acta Borussica, I, p. 107—108.

² Иордан основывается на географических представлениях Птолемея, согласно которым Скандинавия считается островом.

³ Jordanis. De origine Actibusque Getarum IV (Monum. Germ. V, 60). Под Океаном здесь имеется в виду Балтийское море.

⁴ См. там же, стр. 164 и 166, примечания Мюлленгофа к словам «rugi» и «ulmerugi».

⁵ См. «Tabula Sarmatiae utriusque», приложение к 3-му выпуску I тома «Известий древних писателей» В. Латышева

⁶ Jordan V (Monum. Germ. V, 62—63).

⁷ Ibidem, XXIII (Monum. Germ. V, 88—89).

⁸ Acta Borussica, I, 106.

«прямо» (prorsus) причисляет венедов к германцам. 46-я глава его «Германии» начинается общим его заявлением: «Здесь конец Свевии. Что касается певкинов, венедов и феннов, то я не знаю, отнести ли их к германцам или к сарматам». И только несколько ниже он пишет, что венедов «следует скорее причислить к германцам, ввиду их оседлого образа жизни».

Вторая фальсификация текста 46-й главы «Германии» Тацита Эразмом Стеллой заключается в том, что он приписывает Тациту мнение, будто бы все положительные признаки певкинов и венедов сближают их с германцами, а все отрицательные признаки — с сарматами. Между тем Тацит в числе признаков, сближающих певкинов с германцами, считает и «грязь повсюду и лень»¹. О праздности и лени как об отличительных признаках германской знати Тацит определённо высказывается и в 15-й главе своей «Германии».

Так автор «Прусских древностей» доказывает исконно германский характер земель Нижней Вислы. Что же касается пруссов, т. е. того народа литовского племени, который в действительности был исконным обитателем этой земли, то Эразм Стелла объявляет его, во-первых, пришлым и чуждым элементом для этого места, а во-вторых, диким племенем, оказавшимся неспособным освоить богатства страны. Здесь он прибегает к авторитету Птолемея: «Но в далёком царстве, — пишет он, — жили «Боруссы», народ, который, по свидетельству Птолемея, имел свою оседлость у Рипейских гор, у северных потоков, недалеко от того места, где из них вытекает река Тананс. Раздражённые своим несчастным положением действительно та земля, постоянно пребывавшая в непрерывных снегах и в холоде, обречена была на полное бесплодие), они стремились обрести новую оседлость и проникли захватническим путём в эту местность, покрытую то цветущими нивами, то пастбищами с прекрасными озёрами... эту местность они выбрали себе единогласно, и для того, чтобы она навсегда у них осталась, они назвали страну именем, созвучным названию своего племени. И до сегодняшнего дня с пропуском одной буквы она в народе называется Бруссия»².

Свой тезис о том, что пруссы пришли в Пруссию как чуждый народ и что они не сумели справиться с её природными богатствами, Эразм Стелла старается, таким образом, «обосновать» авторитетом Птолемея, подчёркивая, что «таково истинное происхождение этого племени» и что «всякое иное объяснение, которое могло бы быть дано по этому вопросу, он рассматривает, как пустую легенду». Свою ссылку на Птолемея Эразм Стелла подкрепляет и «этнографическими» аргументами. И теперь ещё, сообщает он, обычаи и язык населения, живущего у Рипейских гор, похожи на обычаи и язык пруссов³. Нетрудно убедиться в том,

что, ссылаясь на Птолемея, автор «Прусских древностей» применяет тот же метод грубой фальсификации источника, который мы констатировали в его ссылках на Иордана и Тацита. В 5-й главе III книги «Географическое руководство» Птолемея (§ 10) имеется описание земель, расположенных юго-восточнее Финского залива. Он перечисляет племена, жившие здесь рядом с севера на юг до истоков реки Дон (Тананс) у средне-русской возвышенности, отмеченной на карте, составленной по Птолемею, как «Рипейские горы». Там говорится следующее: «Затем побережье океана у Венедского залива занимают Вельты, выше их Оссии, затем самые северные — Карбоны, восточнее их — Кареоты и Салы; ниже этих — Гелоны, Иппоэды и Меланхлены; ниже их — Агафирсы, затем Аарсы и Пагириты; ниже их Савары и Боруски до Рипейских гор, затем Акибы и Наски»⁴.

«Боруски», упомянутые Птолемею, жившие где-то в Восточной Европе, — это, по мнению Эразма Стеллы, те же пруссы, которых мы застаём позднее на Нижней Висле. Эту версию о происхождении древних пруссов повторили за Эразмом Стеллой многие авторы и в новое время. Однако уже цитированный нами Иоганнес Фойхт разоблачил ложный и голословный характер этой версии. Совершенно непонятной и вымышленной является вся «история», рассказанная Стеллой о переселении птолемеевских «борусков» с Верхнего Дона на Нижнюю Вислу и о мотивах этого переселения⁵. К этому разоблачению Фойхта можно прибавить, что Стелла излагает Птолемея своими словами и не цитирует его подлинных слов. При этом вместо названия «боруски» (βορῦσκι) у Птолемея Эразм приписывает ему название «боруссы» (Borussi) и указывает, что с выпадением одной буквы это название перешло в название «пруссы». Нетрудно заметить, что здесь речь идёт не о «выпадении» одной буквы, а об извращении всего названия. С полным основанием Фойхт недоумевает, где же жили эти птолемеевские «боруски» в Пруссии до X в., когда они всплывают на арену под именем пруссов, и по какой причине их название подверглось такому изменению.

Что же касается «этнографических» аргументов Эразма Стеллы, указывающего, что и в его время ещё население, живущее у «Рипейских гор», по языку и обычаям похоже на пруссов, то эти аргументы сами себя разоблачают настолько, что не остаётся никакой надобности в их опровержении. Его сообщение о том, что земли, расположенные «у Рипейских гор», т. е. у истоков Дона, на Среднерусской возвышенности, покрыты вечным снегом и окутаны невероятным холодом, исключаяющим регулярное ведение сельского хозяйства, достаточ-

¹ Tacitus. Germania, 46.

² Acta Borussica, I, p. 107—108.

³ Ibidem, p. 108.

⁴ См. Латышев В. История древних писателей о Скифии и Кавказе Т. I, вып. I, стр. 231. Карту «Tabula Sarmatiae utriusque Daciae, Caucasi secundum Cl. Ptolemeum» см. в приложении к 3-му вып. того же тома.

⁵ См. Voigt J. Op. cit., S. 670—671:

но характеризует степень его осведомленности о той земле, которую он рассматривает как первоначальную родину пруссов, ■ о её населении.

Цвиккауский обыватель Эразм Стелла в начале XVI в. не мог, конечно, иметь какие-либо достоверные данные этнографического характера о населении Среднерусской возвышенности. Его сообщение о сходстве языка и быта пруссов с языком и бытом населения этой области — явный вымысел, сочинённый самим Эразмом Стеллой для преследуемой им цели, т. е. для изображения пруссов диким народом, непривычным к труду и к культуре, и обиженным самой природой. При этом характерно энергичное подчёркивание Эразмом Стеллой, что пруссы завладели землёй Нижней Вислы не в результате завоевания. «Ульмигеры», составлявшие первоначальное население этой земли, оттеснены были готами, «первыми пришельцами из Скандинавии». После же того как готы ушли оттуда, пруссы легко заняли здесь освободившуюся землю. Только часть земли, расположенной у Вислы, осталась «и поныне в руках германцев».

Такое изображение ранней истории Пруссии вполне отвечало духу данного Эразму Стелле заказа. Германцы представлены здесь единственным созидательным элементом, за счёт которого могут быть отнесены все ранние следы культуры. Остальное население объявлено диким и неспособным к освоению природных богатств земли. Прусы оказались неспособными «постигнуть характер плодородия земли» и вообще не знали крестьянского дела. Поэтому хотя они заселили плодородную землю вдоль и вширь, но не могли сделать ничего полезного... Земля забрасывалась. Вместо хлеба они питались мясом диких животных и притом в сыром виде, а вместо напитков они до опьянения употребляли смесь молока с кровью лошадей. Мёд и воск они собирали из дупел гигантских деревьев, но искусства пчеловодства не знали¹. Автор даёт также характеристику домашнего быта пруссов и уровня их религиозного и духовного развития.

В его изображении пруссы жили в пещерах и под пробковыми деревьями. Дикость этого племени выражалась главным образом в отсутствии у них развитых религиозных воззрений. «Ничего не являлось у них святыней в течение продолжительного времени, — пишет Стелла, — и ничто не вызывает у них восторженного настроения, потому что они почитают змей, зверей и священные деревья... Они не знают ни закона, ни власти, всякий может делать всё, что ему угодно. Ничто не препятствует их дикой жизни»². Дальше говорится о том, что пруссы не умели делать ни оружия, ни железа. Если же у них дело доходило до войны, то они дрались с величайшим ожесточением, но действовали палками. Эту мрачную картину дикого состояния пруссов Стелла усиливает характеристикой природных богатств их страны. Исканная плодородной почвы пруссов привлекала эта стра-

на, покрытая цветущими нивами и пастбищами с прекрасными озёрами, с лесами, полными несметных богатств — корабельного леса, пушного зверя и такого обилия мёда и воска, которого хватило бы на всю Германию и Британию.

Описанию обширных лесов и озёр, лесных и рыбных богатств, больших плодородных полей Стелла посвящает много страниц. Это отвечало назначению его «истории», предпринятой для того, чтобы заинтересовать германских феодалов в восточных захватах и побудить их придти на помощь Ордену. Упоминание о том, что природных богатств прусской земли хватило бы не только для Германии, но и для Британии и прилегающих стран, также соответствовало этой цели, так как в период, когда были написаны «Прусские древности» Эразма Стеллы, немецкое дворянство проявляло большой интерес к образованию крупных рыцарских имений. Об этом свидетельствуют все локальные исследования аграрного строя Восточной Германии. Изучивший историю аграрного строя Померании Фукс указывает, что там уже в XV в. происходил процесс урезывания права владения крестьян, связанный с подготовкой широкой практики стона крестьян с земли и расширения рыцарских имений³. Гюнтер Дессман в работе, посвящённой Силезии, доказывает, что XV век был там веком формирования «Gutsherrschaft», т. е. крупных рыцарских имений⁴. То же доказывает Иессен в отношении Шлезвиг-Голштинии⁵, а Корн и Георг Кнапп — в отношении Бранденбургской марки⁶. О ходе развития этого процесса в земле Ордена пишет Густав Обен (Aubin) в специальном исследовании, посвящённом истории аграрных отношений в Восточной Пруссии. Обен доказывает, что в течение XV в. в орденском государстве проводилось урезывание крестьянской независимости в интересах рыцарских имений, но вместе с тем отмечает, что политические судьбы немецкого Ордена в XV в. обусловили медленные темпы этого процесса⁷.

Этот же процесс роста и развития «Gutsherrschaft» во всей Восточной Германии шёл вслед за развитием хлебной торговли и экспорта продуктов сельского хозяйства из территорий, расположенных к востоку от Эльбы. Города немецкой Ганзы, державшие

³ См. Fuchs C. J. Der Untergang des Bauernstandes und das Aufkommen der Gutsherrschaften. 1888.

⁴ См. Dessmann G. Geschichte der Schlesischen Agrarverfassung. 1904. Kap. 2—3.

⁵ Jessen J. Die Entstehung und Entwicklung der Gutswirtschaft in Schleswig-Holstein. «Zeitschrift für Schleswig-Holsteinische Geschichte». Bd. 51. 1922.

⁶ Korn. Geschichte der bürgerlichen Rechtsverhältnisse in der Mark Brandenburg. Zeitschrift für Rechtsgeschichte. 1873; Knapp G. F. Grundherrschaft und Rittergut. Leipzig. 1897.

⁷ Aubin G. Zur Geschichte des gutsherrlich — bäuerliche Verhältnissen in Ostpreussen. 1910. Kap. V—VI.

¹ Erasm Stella. Op. cit., p. 123.

² Ibidem, p. 109—110.

в своих руках хлебную торговлю, начали ещё в XIII в. вывозить хлеб (главным образом рожь) из Восточной Германии в Скандинавию и на запад—во Фландрию, Голландию, Северную Францию, Шотландию и Англию. К XV в. хлебный экспорт через ганзейские города—Любек, Росток, Данциг и другие—принял значительные размеры. Данцигский хронист сообщает о 1481 г., что за летние месяцы отплыли из Данцига на запад 1100 больших и малых кораблей, груженных хлебом. О значении данцигского вывоза для запада можно судить по тому, что когда осенью того же года последовало запрещение вывозить хлеб из Данцига, то во Фландрии цена на него поднялась почти вдвое. Любек старался не отставать от Данцига. Многочисленные мелкие местности и монастыри в Голштинии вывозили свой хлеб за границу не самостоятельно, а отправляли его по реке Траве в Любек. Мощный Любек сделался также центром хлебного вывоза для Мекленбурга и Померании и вступал по этому поводу в конфликты с Ростком, Висмаром и Штральзундом. История городов балтийского побережья пестрит сообщениями о таких конфликтах, а также о волнениях внутри городов на почве дороговизны хлеба, вызванной усиленным вывозом¹.

Уже самый факт совпадения процесса образования крупных рыцарских имений на востоке с развитием хлебного экспорта из восточных районов Германии говорит о несомненной связи между этими явлениями, но есть и прямые указания на то, что хлебный экспорт стимулировал в Германии интерес к крупным имениям и вызвал погоню за земельной собственностью.

Любекская хроника конца XV в. сообщает о том, что дворяне восточных земель вместе с жадными купцами сделались хлеботорговцами по причине большой дороговизны хлеба во Фландрии. Они отправляют рожь на кораблях во Фландрию и тем самым повышают цену на рожь в самом Любеке по 7 шиллингов на каждый шеффель. Характерно, что многие богатые бюргеры Любека имели значительную земельную собственность в Голштинии, Ладенбурге и Мекленбурге и доставляли оттуда хлеб для отправки морем на запад².

Таким образом, в конце XV и начале XVI в. немецкое дворянство и немецкие купцы усиленно занялись экспортной торговлей сельскохозяйственными продуктами и проявляли в связи с этим особую жадность в погоне за землёй и крестьянским трудом. На фоне этого процесса немецкий Орден особенно остро чувствовал своё жалкое политическое положение. К концу XV в. он находился в самом центре начавшейся бурной экспансии, но, как показал Обен в приведённой выше работе, состояние политического упадка немецкого Ордена связывало ему руки. Мы уже знаем, что вер-

хушка орденовой знати обратилась к саксонскому герцогу, а через него ко всем светским германским князьям с призывом вернуть немцам их былую роль на Востоке. Для возбуждения интереса немецких господ к новым захватническим походам на Востоке недостаточно было одного указания на «исторические» права немцев, как «естественных колонизаторов» восточных земель. Гораздо важнее было показать природные богатства этих земель и экспортные выгоды, которые можно извлечь при «умелой» эксплуатации земель. Немаловажное значение имел также довод, что местное население никогда не справлялось с культурой сельского хозяйства без немцев. Как видим, автор «Прусских древностей» очень старательно строил свои доводы в интересах своих заказчиков.

Во второй книге «Прусских древностей» значительное место посвящено проблеме возникновения у пруссов государственной власти и вместе с тем характеристике их отношения к литовцам. Охарактеризовав пруссов как людей, совершенно неспособных к государственной организации, Эразм Стелла указывает, что начало государственности у пруссов введено было аланами, их северными соседями³. Он разъясняет, что речь идёт о той части аланов, которая осталась в Северовосточной Европе после переселения в Испанию главной массы, смешавшейся там с готами. Аланы, оставшиеся в Северовосточной Европе, стали проникать в землю пруссов. Последние не оказывали им сопротивления, так как они надеялись в помощь аланов дать отпор германцам, жившим на Висле и нападавшим на них. Аланы смешались, таким образом, с пруссами, вступили с ними в брачные союзы. Однако до полного смешения дело не дошло. Когда же эти обстоятельства привели к постоянным спорам и дракам, то этот народ (т. е. аланы), посеявший среди пруссов раздоры, взялся устанавливать у них согласие, созвав народное собрание для выборов короля и обсуждения всех дел.

Далее рассказывается, что главный оратор на собрании алан Видвут предложил пруссам руководствоваться при выборе короля примером пчёл—выбрать строгого вождя и исполнять беспрекословно все его приказания. Убедившись в правильности этого совета, собрание избрало королём самого Видвута, установившего среди пруссов государственный порядок, давшего им законодательство и научившего их культуре сельского хозяйства. Пруссы, получили, таким образом, государственный порядок извне—от алана Видвута.

Дальше Стелла старается показать случайный и несовершенный характер этой государственности. Видвут как простой человек вовсе не был способен к своей роли. «Много было в рабском классе лиц, кото-

¹ Naude. Getreidehandelspolitik europäischer Staaten von XIII bis XVIII Jahrhundert, S. 221—222. Berlin. 1896.

² Ibidem, S. 232.

³ Erasmus Stella. Op. cit., p. 125.

рые в чужой земле приобретали немалую власть», — в скобках замечает автор. Основным недостатком Видвута Стелла считал то, что он не вносил в созданный им государственный порядок никакой положительной идеи. Его политика сводилась лишь к тому, чтобы удерживать народ в узких территориальных границах и распределять между подданными обязанности по выполнению «грубых» работ (*opera agrestia*).

Несмотря на все свои старания Видвут не смог внести в быт пруссов какие-либо прочные нравственные начала, не смог смягчить нравы пруссов. В области религии деятельность Видвута также была бесплодна, так как пруссы остались суеверными и продолжали чтить своих «грязных» животных. Примитивный и грубый характер религиозных представлений пруссов Стелла доказывает также существовавшим у них сложным обрядом похорон с бесконечными пиршествами. В результате этого несовершенного устройства государство Видвута вскоре после его смерти распалось и аланы совершенно отделились от пруссов.

Эразм Стелла рисует это событие весьма драматически. У Видвута было всего четверо сыновей. Мать старшего сына была аланкой, а мать остальных трёх сыновей — из племени пруссов. Младшие братья ненавидели старшего и звали его Литаланом. Долго боролись братья за наследство, пока старший брат, вынужденный уступить, не удалился из земли пруссов вместе со всеми аланами, отправившимися искать старую родину своих отцов; они нашли ее незаселённой. Заселив свою исконную родину, аланы стали называть себя по имени своего вождя — литаланами, — и «поныне, — подчёркивает Стелла, — они называются в народе литвянами» (*Nunc hodie vulgo Littani nuncupantur*). Младшие братья — Помезан, Галинг и Натангий — разделили между собою земли пруссов на три главные области, называемые Помезанией, Галингией и Натангией. После их смерти «потомство их и потомство потомства» продолжали дробить свои владения и называть их своими именами.

Смысл этого рассказа о возникновении у пруссов первых элементов государственности и о судьбе этой государственности заключался, во-первых, в том, чтобы подтвердить версию о «дикости» пруссов и об их неспособности самим установить у себя государственный порядок; во-вторых, в том, чтобы доказать, что государственность, установленная среди них другими их соседями, до немцев была несовершенной и не могла долго держаться. После распада государства Видвута пруссы забыли и оставили все элементы культуры и трудолюбия, которые были им привиты. Разрозненные и вновь одичавшие прусские племена вернулись «к своим старым разбойничьим промыслам». Так продолжалось до прихода немцев.

К интересным выводам о других тенденционных целях Эразма Стеллы приводит сопоставление указанного только что варианта его рассказа о Видвуте и его детях с текстом одного из его источников. Как ука-

зывает Фойхт в упомянутой уже нами его книге «История Пруссии» (т. I), Эразм Стелла, как и другие хронисты XVI в., пользовался наряду с другими разнообразными источниками хроникой Христиана, первого епископа Пруссии.

В отрывке, приведённом из этой хроники Давидом Лукасом, частично в подлинных цитатах, частично в собственном изложении, имеется иной вариант легенды о Видвуте. При византийском императоре Юстиниане готы из Испании совершили поход в Италию. Изгнанные византийским полководцем Нарзесом из Италии, они были разгромлены. Остатки их после долгих скитаний попали на остров Готланд, где жили скандинавские народы камбры и кимбры. Последние, будучи вытеснены готами с Готланда, переселились в «Ульмиганию», т. е. в Пруссию. Одного из своих вождей, по имени Брутен, кимбры избрали священником, другого, которого звали Видвут (*Wudawutto*), они избрали своим королём. Король Видвут оставил двенадцать сыновей: Литво, Саймо, Судо, Найдро, Скалаво, Натанго, Барто, Галиндо, Вармо, Хогго, Помезо и Келмо¹. Этим сыновьям Видвут роздал «всю провинцию», причём каждая часть была названа по имени сына, которому она досталась. Христиан заключает своё повествование следующим выводом: «Прусы происходят таким образом от кимбров, живших на острове Готланд и называвшихся скандинавами».

В своей характеристике быта и нравов пруссов Эразм Стелла многое заимствовал у Христиана. Тем более характерным является факт, что автор «Прусских древностей» не принял ни его версии о скандинавском происхождении пруссов, ни его варианта легенды о Видвуте. Перед немецким епископом Христианом, писавшим свою хронику в XIII в., не стояли ещё те проблемы о взаимоотношениях пруссов, литовцев и славян, которые после Грюнвальда стали чрезвычайно тревожить господ из Тевтонского ордена. Поэтому Христиан не колебался передать легенду о родственном отношении пруссов, литовцев и славян, об их общем происхождении. Для Эразма же, писавшего в начале XVI в. для Тевтонского ордена, этот вывод был совершенно нежелательным. Поэтому он сильно сократил количество детей Видвута, а самого Видвута изобразил аланом. «Литвяне», по Эразму Стелле, — это потомки аланов, которые хотя и проникали одно время в страну пруссов, но никогда с ними не смешивались и в конце концов от них отделились и удалились на свою старую родину, не оставив здесь никаких культурных следов, так как основанная ими государственность, лишённая извне привнесённых «положительных» идей, оказалась непрочной и распалась.

Дальнейшая история Пруссии, по Эразму Стелле, представляется в следующем виде. Между «ульмигерами-германцами», оставшимися после оттеснения их готами в Кульмской земле, и «дикими» пруссами не-

¹ См. Voigt J. Op. cit S. 621. Beilage «Ueber die Chronik Christians».

избежно должны были возникнуть столкновения. Автор не скрывает, что нападающей стороной в данном случае были немцы. В начале второй части трактата, объясняя, почему пруссы не препятствовали вторжению аланов в пределы их страны, Эразм Стелла утверждает, что пруссы надеялись при помощи аланов противостоять жившим на берегах Вислы германцам, нападавшим на них и разрушавшим их изгороди¹. Однако несколько ниже он сообщает, что германцы (те же фантастические ульмигеры) действовали так потому, что «страдали» от своих «диких» соседей—пруссков,—якобы занимавшихся «разбойными набегами». Призвав на помощь сиционов, другое германское племя, жившее «на германском океане» и отличавшееся своей воинственностью, «Ульмигеры» начали продолжительную борьбу против пруссов, «многих уничтожили, многих били и посадили на дань».

Автор, однако, чувствует, что всё это построение, придуманное для того, чтобы показать «исторические права» немцев на восточные земли, абсолютно голословно. Поэтому, не имея возможности установить связь между этой версией и известными данными об обстоятельствах прихода немцев на Вислу, автор заявляет, что подробности этой ранней борьбы между немцами и пруссами неясны вплоть до времени Генриха Птицелова, когда на пруссов был снова произведён нажим со стороны германцев, живших на Висле, очистивших от них эту местность и установивших долголетний мир до царствования Оттона III.

В деле окончательного установления «порядка» среди пруссов и введения среди них христианской религии автор придаёт решающее значение немецким императорам и феодалам XII—XIII вв.: Фридриху Барбароссе, Генриху VI, епископу Христиану, братьям Ливонского ордена и, наконец, Тевтонскому ордену.

Из рук Конрада Мазовецкого «первый прусский епископ» немец Христиан получил Кульмскую область и все свои «права». Сам Тевтонский орден «обосновывал» свои «права» на Кульмскую землю грамотами Конрада Мазовецкого. Конрад Мазовецкий и польские феодалы раньше немцев стали распространять христианство среди пруссов. Чтобы ослабить впечатление о роли поляков в Пруссии, Эразм Стелла утверждает, что польские князья действовали в этом направлении от имени германской империи, «которой они были подчинены». В частности он указывает, что Конрад, герцог Мазовецкий, происходил из древнейшего саксонского дома, был в родстве с императорами саксонской династии, действовал от их имени и всегда оставался верным империи. Конрад помогал Христиану и, изнемогая в борьбе с пруссами, сам обратился за помощью к Тевтонскому ордену, которому

и удалось установить окончательный «порядок».

Что же касается польского народа, то он не только не содействовал «христианизации» пруссов, а, наоборот, помогал пруссам в их борьбе против немецких «носителей» христианской религии и государственности. Уже при первом императоре из франконской династии, Конраде II, т. е. в 30-х гг. XI в., поляки откололись от империи и пруссы с их помощью и в тайном сговоре с ними «легко разбили отряды германцев на границе». Это «польское восстание» (*pollonorum rebellione*), утверждает Стелла, продолжалось до времён Фридриха Барбароссы. Этот германский император, продолжает он, имея в виду поход Фридриха I на Польшу в 1157 г., разоривший и разграбивший польские города (*urbes quas repugnantes invenit, expugnat et diripit*), подавивший восстание поляков «огнём и железом» (*igne ferroque devastans*) и принудивший их капитулировать, обратил и пруссов в бегство, многих убил, многих взял в плен и отправил в полное рабство в Германию. «Они были принуждены к императорскому ярму и не могли отказаться от каких бы то ни было работ» (*coacti tum fuissent Caesaris ferre jugum, ni aliotenus imperū negociis avocatus fuisset*).

При Фридрихе-Вильгельме I стали выходить сборники «*Acta Borussiae, Ecclesiastica, Civilia, Literaria*», имевшие своей целью собрать нужный материал для подтверждения «прав» немцев на земли Нижней Вислы и их «миссии» на востоке Европы вообще. Как указывают издатели этих сборников, эти материалы должны были явиться ответом на польские хроники, разоблачавшие методы присвоения немцами земель Нижней Вислы. Вышедший в 1730 г. первый выпуск «*Acta Borussiae*» содержит разобранное выше произведение Эразма Стеллы. Грубый характер фальсификации истории обнаруживается не только при сопоставлении «ссылок» Эразма Стеллы с текстами соответствующих источников, но и при сопоставлении его «Прусских древностей» с другими источниками, приводимыми в том же издании «*Acta Borussiae*».

В первом же выпуске «*Acta Borussiae*», в разделе «*Preussische Diplomatie*», приводится среди других документов акт Конрада Мазовецкого от 1230 г. о передаче им Кульмской земли Тевтонскому ордену. При этом даётся следующая характеристика передаваемой земли: «Всю землю с водами, водными течениями, озёрами, лесами, питомниками, лугами, пастбищами разными, возделанными и невозделанными, с проложенными дорогами и без дорог, со всеми их правами и пользами и всеми плодами (*fructu*), которые находятся или окажутся впоследствии в названных угодьях, обнаруженные при разработках и случайно найденные, в особенности золото, серебро и другие виды руд или металлов, драгоценных камней, рудников с соленосными недрами и всё, что ещё может быть найдено на земле, сверх земли или в воде, в местах охоты на разного рода

¹ См. Voigt J. Op. cit S. Beilage «Ueber die Chronik Christians».

зверей, в рыбных ловлях с рыбой всякого рода со всеми их водами и всеми их доходами (proventi) и пользами в рыбной ловле, судоходстве (navigiis), переправах (passagiis), мостах (pontibus), плотинах (molendinis) и островах с селениями и замками (et insulis cum villis et castris), укрепленными городами (oppidis), складами (granariis), входами, монетными дворами (monetiis), пошлинами (pedagiis), сборами (theloneis)... всё со всем своим содержанием»¹.

Всё это перечисление как наличных, в момент передачи Тевтонскому ордену земли пруссов, благ и культур, так и тех, которые могут здесь быть найдены, говорит о том, что тевтоны пришли далеко не в «дикую» страну, населённую дикарями. Особенно важным является здесь указание на наличие до 1230 г. дорожных и водных сооружений и, в частности, плотин, устройство которых немецко-пруссские историки приписывают только деятельности Тевтонского ордена².

Правда, в приведённом документе речь идёт о Кульмской земле, куда первыми проникли не немцы, а поляки. Может поэтому возникнуть предположение о том, что все эти упоминаемые сооружения были построены поляками. Однако если бы это было и верно, то тем самым опровергается версия, будто бы немцы были первыми и даже «единственными» «культуртрегерами» в земле пруссов. Но польской деятельности до 1230 г. можно приписать только сооружение замков и укреплений, о которых упоминается и в грамоте Конрада Мазовецкого епископу Христиану от 1222 г.³, но не строительство дорог, мостов, плотин и прочих сооружений подобного рода и не разработку природных богатств страны. Надо иметь в виду, что и Тевтонский орден смог приступить к такой деятельности не раньше самого конца XIII и начала XIV века⁴. Что же касается поляков, то необходимо иметь в виду, что они никогда не владели более или менее прочно и длительно Кульмской землёй, чтобы такая деятельность сделалась возможной.

В этой связи в высшей степени интересным является одно сообщение в хронике Давида Лукаса, советника Альбрехта Бранденбургского. Одному поляку, попавшему в плен к пруссам, были дарованы жизнь и свобода с тем, чтобы он отправился к немцам и передал им от имени пруссов то, что ему будет поручено. Инструкции пленному поляку даны были одним прусским жрецом, который провёл с ним специальную беседу. Жрец спросил поляка, имея в виду тевтонов, что это за необыкновенные войны в белом облачении. Пленный поляк ответил: это богобоязненные люди, храбрые ревнители дела бога, посланные папой, немцы, которым Конрад Мазовецкий передал Кульмскую землю вместе со всеми неверую-

щими пруссами, со всей их землёй. Этот ответ, сообщает хронист, вызвал у пруссов смех. Прусский же жрец сказал: довольно смело поступают немцы, претендующие на то, что они являются умными и опытными людьми, принимая у Конрада то, что принадлежит не ему, а нам, пруссам, т. е. Кульмскую землю. Если даже верно, что когда-то мазуры и поляки захватывали и заселяли эту землю, то ведь верно и то, что искони эта земля принадлежит нам и нашим предкам, и никто не думал её оспаривать. Мазуры, а иногда и поляки делали в этом направлении попытки, но они не смогли прочно завладеть этой землёй... Предки пруссов, продолжал жрец, мирно жили с мазурами и были добрыми соседями, пока мазуры и поляки не стали под видом обращения пруссов на путь истинного бога их угнетать; поэтому пруссы до сих пор боролись. Они не боятся и немцев. Если же немцы, которым со стороны пруссов не дано никакого повода к войне, всё же решатся на войну, то они не должны обижаться, если пруссы окажут им соответствующую встречу⁵.

Этот рассказ из хроники Давида Лукаса интересен прежде всего тем, что в нём выносятся на арену пруссы, поляки и немцы в их отношении к Кульмской земле. Пруссы рассматриваются как её бесспорные, исконные владельцы, которые чувствовали себя прочно и уверенно, как хозяева страны, даже в момент начавшейся борьбы с тевтонами. Немцы же выступают как неизвестный здесь и чуждый коренному населению элемент. Что же касается поляков, то их первоначальное проникновение в Кульмскую землю рисуется как мирное, по соглашению с пруссами, от которых они до начала применения ими методов христианизации находились в известной зависимости. Они прекрасно отдавали себе отчёт в действительных мотивах политики насаждения христианства немцами, на которых они смотрели, как на людей с низким уровнем развития, не разбирающихся в юридической фикции передачи им Кульмской земли Конрадом Мазовецким. Пруссы показаны в этой хронике как народ с развитым правовым сознанием и с чувством собственного достоинства, с чувством уверенности в своих силах, как моральных, так и военных. Хронист рисует пруссов как народ, имевший уже до прихода немцев опыт внешних сношений со своими соседями.

Весьма характерен в связи с этим ряд упоминаний в Новгородской летописи о наличии в Новгороде уже в самом начале XIII века Прусской улицы, начинавшейся у городских ворот⁶. Карамзин указывает, что Прусская улица в Новгороде была «одна из многочисленнейших улиц»⁷. Карамзин видит в этом доказательство прусского происхождения варягов. В этом своём выводе Карамзин опирается на явно недоброкачествен-

¹ Acta Borussica, I, p. 67—68.

² См., например, Töppel M. Historisch-Komparative Geographie von Preussen. I. Teil I. Abschnitt.

³ Acta Borussica, I, p. 62—63.

⁴ Töppel M. Op. cit., S. 5 ff.

⁵ Acta Borussica, III, p. 426—428.

⁶ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. III, стр. 68.

⁷ Карамзин Н. История государства Российского. Кн. I. Т. I, стр. 30.

ный источник. Скорее всего, Прусская улица в Новгороде указывает на наличие торговых связей между Новгородом и пруссами литовского племени задолго до прихода немцев. Одно место в Новгородской летописи говорит об участии «пруссов» в народном волнении в Новгороде в 1215 году¹. Возможно, что речь идёт здесь не о пруссах, живших в Новгороде, а о жителях Прусской улицы. Но и в этом случае мы имеем здесь свидетельство об установившихся связях новгородцев с пруссами не только до тевтонского завоевания, но и до прибытия в Пруссию первого немецкого епископа. Всё это указывает на тенденциозный и ложный характер всех сообщений о низком уровне пруссов и диком состоянии их страны до прихода немцев.

Эразм Стелла был не первым немцем, давшим пруссам литовского племени искажённую характеристику. Традиция в этой области ведёт своё начало от цистерианского монаха Христиана, бывшего первым проводником немецкого проникновения в прусскую землю в начале XIII века. Этот немецкий монах-цистерианец привлечён был папой Иннокентием III и мазовецким герцогом Конрадом тогда, когда сопротивление пруссов возросло и для его одоления было признано необходимым обратиться к помощи немецких рыцарей-бродяг².

Маркс в «Хронологических выписках» следующим образом характеризует выступление на арену епископа Христиана, сделавшегося уже в 1215 г. «первым епископом» Пруссии: «Заразить пруссов христианством особенно стараются герцог Конрад Мазовецкий и... немецкий вонючий монах Христиан из монастыря Оливы, первый епископ в Пруссии; так как те восстают против десятины, строительства церквей, чуждого духовного гнёта, то... вонючий монах проповедует крестовый поход, т. е. убийство и т. д. Иннокентий III почти в то же время, когда он проповедует истребление штедлингов как еретиков, призывает в публичных посланиях немецкое рыцарство к крестовому походу против язычников-прусов; появляется масса этих бродяг, они завоевывают Кульмскую область»³.

Хронист Давид Лукас сообщает, что Христиан, вступив в должность прусского епископа, начал завоевание прусской земли

«духовным оружием». Там же, где нельзя было действовать духовным оружием, он прибегал к помощи «телесного оружия». Этот немецкий монах, который в своей завоевательной деятельности не брезговал никакими средствами, применял в числе своих средств и фальсификацию данных о пруссах.

Из хроники Давида Лукаса и из другой, более ранней хроники XVI в. Симона Грунау, монаха из Данцига, мы узнаём, что эти хронисты имели в числе своих источников хроникальную рукопись Христиана, написанную им в последние годы его жизни. Сопоставляя ссылки на хронику Христиана у Давида Лукаса и у Симона Грунау, Иоганн Фойхт в специальном исследовании, приложенном к I тому его «Истории Пруссии», пытается восстановить основные разделы исчезнувшей рукописи Христиана о Пруссии⁴. Почти на сто лет раньше Фойхта такую же попытку предпринял член Российской академии наук Г. Байер, исследовавший вопрос о содержании хроники Христиана в связи с вопросом о её наиболее вероятных источниках⁵.

В результате подобного анализа данных о хронике Христиана Байер пришёл к выводу, что он пользовался плохо понятым им в русском переводе дневником некоего Дивана, посетившего и описавшего Пруссию при императоре Октавиане-Августе. Эти данные Христиан, по словам Байера, комбинировал со своими личными впечатлениями⁶. Другими словами, для подбора нужных ему фактов Христиан пользовался данными, относящимися к началу нашей эры, которые он примешивал к своим личным наблюдениям. Гарткнох, автор XVII в., считает данные, составленные хронистами XVI в., на основании хроники Христиана, просто вымышленными⁷.

Мы видим, таким образом, что тенденциозное и фальсифицированное изложение истории пруссов до немецкого нашествия имеет свою старую традицию. Первый проводник немецкой агрессии в прусской земле явился вместе с тем и первым фальсификатором её истории. Для Эразма Стеллы Христиан был не только предшественником, но и источником. Фойхт доказывает, что Эразм Стелла, как и другие хронисты XVI в., имел перед собою хронику Христиана⁸.

Эта традиция сложилась из повторявшихся с XIII в. попыток доказать, что только немцы смогли сделаться основателями прочной государственности в земле Нижней Вислы.

⁴ Voigt J. Geschichte Preussens. Bd. I. Beilage Nr. I. «Ueber die Chronik Christians, des ersten Bischof von Preussen», S. 617—631. Königsberg. 1827.

⁵ Bayer T. S. Paradoxa Russica de originibus Prussicis. Acta Borussica, VI, p. 881—895.

⁶ Ibidem, p. 892—893.

⁷ Ibidem, p. 888. «Hartknochius noster sic se expedit, ut haec omnia a Christiano conficta diceret».

⁸ Voigt J. Op. cit., S. 617;

¹ ПСРЛ. Т. IV, стр. 30. «Въ лето 6723 послаша Новгородци посадника Юрья Иванковича в Володимерь по князя Ярослава Всеволодовича, и приехав князь в Новгородъ, изыма Якуна Заболонича... и новгородци с вѣча дворъ Якунь разграбиша и жену его яша... и Пруси убиша Овстрата и сына его Луготу, ввергоша его в греблю мертва, князь же о том пожали на новгородци...»

² См. Acta Borussica II, p. 255—256 «Prussische Diplomatie». Из хроники Давида Лукаса.

³ Архив Маркса и Энгельса. Т. V. стр. 341—342 М. 1938.

Хроника Эразма Стеллы опубликована была вторично в 1730 г. в первом выпуске «Acta Borussica, Ecclesiastica, Civilia, Litte-raria». Предпринятое при Фридрихе-Вильгельме I издание «Acta Borussica», представлявшее собою «заботливое собрание всяких материалов по истории Пруссии», имело своей целью, как неоднократно подчёркивается в предисловиях к приводимым текстам, обоснование «прав» немцев на земли Нижней Вислы и отклонение претензий поляков, выдвигаемых польскими хронистами¹.

Польские хронисты и историки утверждают, что первым активным деятелем христианизации пруссов был Конрад, герцог Мазовии, составлявшей часть Польши. Он же первым завладел Кульмской землёй. Правда, нужда Конрада в военной силе заставила его обратиться к немецким рыцарям, и те пришли ему на помощь не безвозмездно. Однако польский хронист XVI в. Мартин Крамер, епископ вармийский, утверждал, что Конрад Мазовецкий уступил прусскую землю немецкому Ордену лишь временно и на известных условиях. Как утверждает Крамер, мазовецкий герцог оговорил, что Кульмский и Лэбауский районы должны быть возвращены его наследникам после того, как Орден отвоюет у прусских язычников другую землю. Крамер сообщает также, что Орден обязался делить с герцогом Мазовии все земли пруссов, которые будут завоёваны братьями Ордена после передачи им Кульмской земли. Крамер указывает, что Станислав Госий, бывший в то время кульмским епископом, лично высказал такое же мнение маркграфу Альбрехту. Против этого мнения польских хронистов опубликован был в выпусках «Acta Borussica» ряд документов о том, что Конрад Мазовецкий передал Кульмскую землю Христиану, а затем и немецкому Ордену полностью и без всяких условий. В послесловии к некоторым таким документам из 3-го выпуска «Acta Borussica» указывается, что Крамер и Госий основывались на хронике начала XVI в. данцигского монаха Грунау, которая служила основанием для польских претензий и в официальных дипломатических отношениях, но что данные хроники Грунау оказываются легендой в свете публикуемых в «Acta Borussica» оригинальных документов.

Прежде всего необходимо указать, что сами «оригиналы», выдвигаемые здесь против польских хронистов, не вызывают особого доверия. Приводимые акты о дарениях Тевтонскому ордену Кульмской и других прусских земель Конрадом Мазовецким и епископом Христианом так подозрительно категоричны, что носят характер продиктованных и вынужденных у «дарителей» в особенно тяжёлый для них момент или же просто фальсифицированных в последующее время документов. В высшей степени характерным является на-

личие двух почти одинаковых документов об уступке епископом Христианом всех своих кульмских земель как полученных им от Конрада Мазовецкого и епископа плоцского, так и приобретённых им путём покупки, братьям Тевтонского ордена. Один из этих актов датирован январём 1230 г.², а другой — о том же деле, но с другими свидетелями — 1231 годом³. Сами составители «Acta Borussica» выражают своё недоумение и не могут объяснить, почему после «ясного» и нечёрпывающего акта 1230 г. понадобился уже через год другой такой же акт и, главное, почему второй акт, от 1231 г., ни словом не упоминает об акте 1230 года. Высказанное составителями предположение, что соглашение 1230 г., «вероятно, не могло быть скоро оформлено», ещё более непонятно и ничего не объясняет. Гораздо более вероятно, что «сочинители» акта, датированного 1231 г., не знали о существовании сочинённого уже акта, датированного 1230 годом.

Об обстоятельствах возникновения этих «дипломатических» документов немецкого Ордена дают представление некоторые факты, сообщаемые в том же, 3-м выпуске «Acta Borussica». Составители стремились наряду с «обоснованием» прав немцев на земли Нижней Вислы доказать необходимость и преимущество светского немецкого государства в этой земле. Они приводят поэтому и материал, разоблачающий методы Тевтонского ордена. Так, мы узнаём следующие подробности об обстоятельствах перехода к Ордену тех частей Кульмской земли, которые принадлежали епископу плоцскому. После того как язычники-пруссы, захватившие и опустошившие Мазовию, разрушили также город Плоцк, епископ и капитул плоцский охотно уступили все свои права и имущества в Кульмской земле епископу Христиану. Хотя, говорится дальше, орденские братья об этом знали, они всё-таки заключили без ведома епископа Христиана договор с плоцским епископом и его капитулом 19 апреля 1230 г., согласно которому последние уступают все свои права в Кульмской земле, включая десятину и церковный лен, главе Ордена и его братьям. Составители считают этот поступок орденских братьев безнравственным, а заключённый договор — не имеющим силы, так как плоцский епископ передал Тевтонскому ордену то, что принадлежало уже не ему, т. е. то, что им же раньше передано было епископу Христиану. Христиан к этому моменту уже имел санкцию папы на получение у плоцского епископа новых владений в Кульмской земле.

Однако орденские братья воспользовались тем, что Христиан попал в плен к язычникам, и разграбили его имение Кульмензее и его дом, рассчитывая найти таким образом документы прусского епископа⁴.

¹ Acta Borussica, III, p. 412—413, 419—420, 422, etc.

² Ibidem, p. 406—409.

³ Ibidem, p. 410—412.

⁴ Ibidem, p. 433—434.

Если бы приведённый выше акт 1230 г. был подлинным актом, то было бы совершенно непонятно, зачем Ордену понадобилось в апреле того же года, т. е. через три месяца после этого, заключать жульнический договор с плоцким епископом о передаче ему того, чем он уже раньше завладел «законным» путём.

Непонятно также, зачем понадобилась Ордену такая сложная операция, как разграбление городка Кульмензее с целью обнаружить и присвоить старые документы Христиана, после того как в распоряжении Ордена имелся более поздний, надёжащим образом засвидетельствованный акт о передаче Христианом всех земель, полученных им от плоцского епископа и его капитула, Тевтонскому ордену. Да и вся жалоба на нечестный образ действий главы Тевтонского ордена по отношению к Христиану была бы в данном случае бессмысленной. Этот эпизод достаточно красноречиво говорит об обстоятельствах возникновения тех документов, на которых должны основываться «исторические права» немцев, и о том «доверии», которое эти документы к себе внушают.

Права немцев на прусскую землю в «Acta Borussia» доказываются тем, что только немецкий Орден оказался в состоянии подавить сопротивление коренного населения страны, осуществляя тактику полного разорения, порабощения и истребления этого населения. Ряд публикуемых актов должен доказать, что с этой целью немецкий Орден был призван в Пруссию, что обращение к немецкому Ордену последовало тогда, когда папа и епископ Христиан убедились, что иным путём нельзя справиться с упорным сопротивлением язычников политике насильственной христианизации.

В акте 1230 г. о передаче Конрадом Мазовецким принадлежавшей ему части Кульмской земли Тевтонскому ордену Конрад обязывается уступать братьям Ордена всех язычников и всякое их имущество, которые достанутся им в результате пленения, разорения, оккупации и подчинения¹, так как этими действиями гарантируется не только спасение Польши от нападений пруссов, но и обеспечивается дальнейшее распространение силы святой католической веры среди неверующих, на обращение которых имеются уже надежды. Функции немцев в деле «христианизации» прусской земли заключались только в том, что они разоряли, истязали и порабощали коренное население. Другие акты «христианизации» их мало интересовали. Они не видели в них особого смысла, поскольку они действовали методами прямого истребления и разорения населения. Наоборот, немцы противопоставляли свои методы методам христианизации и считали, что массовое крещение пруссов было бы им невыгодно, так как оно сделало бы лишним применение немецких методов.

В письме к мейсенскому епископу папа

Григорий IX, ссылаясь на сообщение Христиана, жалуется, что тевтоны препятствуют крещению пруссов, опасаясь, что массовое крещение всех пруссов ослабит там позиции немцев. Тевтоны, сообщается далее в письме папы, силой заставляли пруссов, вопреки их воле, нарушать клятву послушания, данную ими епископу во время крещения. Для того чтобы этого добиться, тевтоны мучили пруссов так жестоко, что из-за этого последние оставляли христианство и возвращались к язычеству².

Об отношении тевтонов к епископу Христиану, о разграблении ими имени Христиана во время его пребывания в плену уже говорилось выше. Из этого же письма Григория IX мейсенскому епископу видно, что тевтоны обязаны были защищать Христиана и освободить его из плена, что они, имея у себя прусских пленных, могли обменять его и выручить, но что они предпочли отпустить пленных пруссов за деньги. Папа Григорий IX перечисляет все эти преступления тевтонов против христианства потому, что он видит в этом аргумент в пользу установления права собственности папского престола на покорённые языческие земли. Для Григория IX, так же как и для других пап, имевших дело с немецкими захватчиками, важно было подчеркнуть, что немцы призваны были только для определённой цели — для кровавого подавления стремлений местного населения к независимости.

Папство запуталось, конечно, во внутренних противоречиях собственной политики, осуждая методы истребления народов, проводившиеся немцами, которых они сами призвали, видя в них единственное средство завоевания прусской земли и подавления сопротивления пруссов. Однако весьма характерными являются старания пап обосновать необходимость папского суверенитета на эти земли подчёркиванием своей особой линии более «гуманного» отношения к покорённым язычникам, которую они противопоставляли немецкой политике истребления.

Известно, что тевтоны не были первыми немцами, призванными для действий против пруссов. Маркс подчёркивает в своих «Хронологических выписках», что ещё папа Иннокентий III «призывает в публичных посланиях немецкое рыцарство к крестовому походу против язычников-прусов; появляется масса этих бродяг». Маркс отмечает, что организатором привлечения немецкого разбойного дворянства к крестовому походу явился «немецкий вояничий монах Христиан». Он же замечает, что в 1225 г. «вояничий Христиан создаёт орден рыцарей Добрижских братьев»³.

Из писем Иннокентия III, приведённых во втором выпуске «Acta Borussia» из хроники Давида Лукаса, мы видим, что уже в 1209 г. Иннокентий III направил в прусскую землю двух бернардинских мо-

² Ibidem, p. 430.

³ Архив Маркса и Энгельса. Т. V, стр. 341—342.

¹ Acta Borussia, I, p. 69—70.

нахов Цистерианского ордена, одним из которых был известный уже нам Христиан. Одновременно Иннокентий III обратился к гнезненскому архиепископу с просьбой оказать «пастырскую заботу» посланным в Пруссию цистерианцам и всем обращённым ими к вере и церкви, ввиду того что «эта новая плантация нуждается в заботливом орошении»¹.

В чём должна была, по мнению Иннокентия III, заключаться эта «пастырская забота», об этом мы узнаём из его послания 1211 г. всем аббатам цистерианских монастырей. Объясняя мотивы и значение данных им гнезненскому архиепископу полномочий в связи с миссией упомянутых двух цистерианцев, Иннокентий III пишет аббатам-цистерианцам, что некоторые из цистерианцев, основавшие здесь учреждения по спасению людей, подняли шум и вызвали раздражение, и это привело к полному изгнанию их из этой страны. Следовательно, заключает он, пастырский долг требует, «чтобы всякие бродяги и ниспровергатели веры не могли под видом проповеди проникать сюда... Для того, чтобы божье евангелие не терпело оскорблений от таких подозрительных лиц,— пишет Иннокентий III,— мы дали письменный мандат брату нашему гнезненскому архиепископу, осторожности которого мы полностью доверяем, чтобы он не доверялся сразу всякому духу, но чтобы испытывал дух — от бога ли он?»².

Мы видим, таким образом, что и Иннокентий III, признавший необходимым провозгласить крестовый поход разбойного немецкого дворянства в Пруссию, старался отстоять в этой стране свои позиции и защитить их от немецких захватов тем, что он противопоставлял их тактике истребления населения иную тактику — «пастырской заботы», пытаясь таким путём поставить их под свой контроль.

Ту же линию проводил и преемник Иннокентия III — папа Гонорий III, при котором был предпринят задуманный Иннокентием III крестовый поход против пруссов. Он также опасался, что крестоносцы, среди которых первое место занимают «любимые сыновья всей Тевтонии», захотят использовать результаты для себя, в ущерб прерогативам папской церкви. В особом письме к Христиану (который к тому времени стал уже епископом Пруссии) он предупреждает о необходимости наблюдать, чтобы «милосердие, проявленное в походе в отношении обращённых в христи-

анство, не было использовано к чьей-либо светской пользе», потому что, «согласно евангельской истине, никто не может служить двум господам — богу и маммоне (quia secundum evangelicum veritatem, nemo potest duobus dominis servire—Deo et Mammoni). И горе людям, следующим по земле двумя путями»³.

Забота пап заключалась в том, чтобы сохранить за папским престолом суверенитет в покорённых крестоносцами землях. Но из того же письма мы видим, что, по мнению Гонория III, немецкие крестоносцы призваны только для кровавого подавления сопротивления местного населения, но никакой положительной миссии они не имели. «Поэтому,— пишет Гонорий III епископу Христиану,— мы призываем и поощряем всех, кому мы дали наш мандат, чтобы они добивались не своей пользы, а Иисуса Христа, имея своей целью обращение язычников к богу, а не то, чтобы присоединять их себе в рабство. Нельзя упустить из виду, что язычники из боязни попасть в рабство ещё сильнее стремятся остаться при своём упрямстве»⁴.

Хронист Давид Лукас, приводящий эти документы, подчёркивает, что Гонорий III поставил условием крестового похода, чтобы покорённые в результате его пруссы не были полностью превращены в рабов и чтобы их считали за людей⁵. Такое условие должно было устранить от верховной власти немецких разбойников после их использования.

Составители «Acta Borussia», собирая сомнительные и явно фальсифицированные материалы, восхваляя немецкие методы покорения земель Нижней Вислы, стремились не только обосновать права немцев на Пруссию, но и выставить методы её завоевания, как акт наиболее совершенной государственности, показать особую «миссию» немцев насаждать государственность на Востоке.

Исключительно грабительский характер «миссии» Тевтонского ордена в Пруссии подчёркивает Маркс в «Хронологических выписках». Комментируя договор епископа Христиана и Германа фон Зальца, «великого магистра» Тевтонского ордена, Маркс замечает: «Кульмская область была дарована ему (главе Ордена.— М. С.) в собственность для того, чтобы он там всех истреблял и грабил»⁶.

³ Ibidem, p. 265.

⁴ Ibidem, p. 266. (Разрядка моя.— М. С.)

⁵ Ibidem, p. 277.

⁶ Архив Маркса и Энгельса Т. V. стр. 342.

¹ Acta Borussia, II, p. 250.

² Ibidem, p. 252.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

«Материалы по истории осетинского народа». Сборник документов по истории завоевания Осетии русским царизмом. Т. II. Государственное издательство Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе. 1942. 362 стр. 15 руб.

Нельзя не приветствовать начин Северо-осетинского научно-исследовательского института, взявшего на себя трудную, но весьма важную задачу — издать материалы по истории осетинского народа. Институт ряд лет ведёт плодотворную работу по сбору и публикации архивных материалов, на основе которых должна быть написана история осетинского народа.

За последнее десятилетие Осетинский институт, который является одним из важнейших научно-исследовательских учреждений на Северном Кавказе, обогатил нашу историческую науку рядом ценных публикаций. Из них заслуживают быть отмеченными: первый том материалов по истории Осетии (1934), охватывающих вторую половину XVIII в., три тома исторического фольклора, дневник путешественника Штелера (1940), освещающий историю классово-борьбы в осетинском феодальном обществе во второй половине XVIII в., и, наконец, рецензируемый второй том «Материалов по истории осетинского народа», вышедший в дни Великой отечественной войны.

Публикуемые документы извлечены из стасличных (московских и ленинградских) и местных (тбилисского, дзауджикаусского, грозненского) архивов и представляют собой материалы, или вовсе не появившиеся в печати или напечатанные в своё время для узкого круга специалистов.

Материалы II тома освещают историю завоевания Осетии русским царизмом и борьбу осетинского народа за свою независимость в период с конца первой половины XVIII века.

Сборник снабжён обширным введением, которое раскрывает основные вопросы, освещаемые опубликованными материалами. Однако следует отметить, что введение несвободно от ряда неверных положений, на которых считаю нужным остановиться.

В вопросе о кабардино-осетинских отношениях в историческом прошлом введение ориентирует читателя неправильно.

Автор признаёт только «известную зависимость осетинского народа от феодальной знати Кабарды» (стр. 6), причём утверждает, будто «власть кабардинцев фактически могла распространяться, видимо, только над некоторой частью осетинского населения, главным образом предгорной полосы, и населением, непосредственно находящимся

в соседстве с Кабардой — Дигорией» (стр. 7), приурочивая установившуюся зависимость к концу XVIII или к началу XIX века.

Ни с одним из этих положений нельзя согласиться. Недостаточно говорить только об «известной зависимости», а следует эту зависимость называть точно — феодально-вассальной. Неправильно также положение автора, будто власть кабардинских феодалов установилась только «над некоторой частью осетинского населения», жившего преимущественно на предгорной равнине. Напротив, власть кабардинских феодалов установилась почти над всеми осетинами и не на предгорной равнине, где осетин до начала XIX в. вовсе не было, а именно в нагорной полосе. Не соответствует действительности и приурочивание установившейся зависимости осетин от кабардинских феодалов к концу XVIII или к началу XIX в.; она установилась значительно раньше и, во всяком случае, не позже XVII века¹.

Развёрнутую характеристику кабардино-осетинских отношений с документальным обоснованием выдвинутых положений, неправильно освещённых во введении, автор мог бы найти в нашем специальном исследовании по данному вопросу².

Говоря о роли миссионерства, автор пишет, что исходным началом в оценке православного русского миссионерства в Осетии должно быть не количество новокрещённых, а результат деятельности миссионеров — «появление на территории Осетии церковей, группы подкупленных старшин, изученные в основном естественные богатства страны и наличие сравнительно полного представления об общественной структуре осетинского народа, создание аманатства, постройка укреплений, крепостей при выходе из ущелий (особенно крепости Владикавказ в конце XVIII в.)» (стр. 8).

¹ «Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию в 1650 — 1652 гг.», стр. 119. Тифлис. 1926.

² Кокеев Г., проф. Кабардино-осетинские отношения. «Исторические записки Института истории АН СССР», Т. II. М. 1938; ср. также Кокеев Г. Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе. «Известия Югоосетинского научно-исследовательского института». Т. I, стр. 179—218.

Нетрудно заметить, что достигнутое всей системой колониальной политики царизма автор приписывает миссионерству, чем явно преувеличивает его роль. Таким образом, он незаметно для себя скатывается на позиции критикуемых им же дореволюционных историков монархического толка, которые «все успехи по утверждению царизма в Осетии объясняли прежде всего успехами миссионерства» (стр. 11).

В преувеличении роли миссионерства в Осетии автор пошёл дальше дореволюционных историков. Он пишет, например, будто благодаря деятельности миссионеров «создавались те необходимые элементы, которые способствовали ломке патриархально-родовой обособленности, замкнутости горцев-осетин, устранялись до некоторой степени основы раздробленности благодаря частым междоусобиям, имевшим место в среде осетинского народа; создаются условия втягивания осетин в более систематическое общение не только с близлежащими соседями, но и с отдалёнными народами» (стр. 11).

Из приведённой выдержки выходит, что ломкой патриархально-родовой замкнутости, развитием внутреннего рынка, расширением внешних связей и обмена, короче говоря, своим капиталистическим развитием, Осетия обязана миссионерству. С такой «всеобъемлющей», «универсальной» оценкой роли миссионерства нельзя согласиться, ибо нельзя, в самом деле, весь многообразный и сложный процесс исторического развития осетинского общества обуславливать деятельностью миссионерства.

Деятельность русского миссионерства в Осетии выразилась в изсаждении миссионерских школ и в распространении грамотности среди осетин, в том числе и среди женского населения. Однако количество миссионерских школ в XVIII в. и даже в первой половине XIX в. исчислялось единицами, а количество охваченных ими детей школьного возраста — десятками. Достаточно сказать, что в самой старейшей моздокской миссионерской школе, основанной в 1764 г., никогда не было более 40—46 учащихся при одном малограмотном учителе из грузинских дьячков. Только в 90-х годах XIX в. количество начальных церковно-приходских школ в Осетии несколько увеличилось. Увеличилось и количество учащихся, среди которых девочки составляли 15%. При этом следует отметить, что женское образование в Осетии развивалось не среди мусульман, а исключительно среди православного населения¹. В 90-х годах XIX в. количество учащихся в средних и высших учебных заведениях Осетии исчислялось единицами.

Миссионерские школы предназначались прежде всего для детей крестьян, являвшихся основным объектом эксплуатации и

¹ «Материалы по истории осетинского народа» (в дальнейшем «Материалы...»). Т. V, стр. 268. Орджоникидзе. 1942.

идеологической обработки в духе идей царского самодержавия, одной из важнейших задач которого было видеть осетин «христианами и к здешней стороне без всякого изъятия и непосредственно приверженными»². В соответствии с этой основной установкой и проводилась политика вовлечения в сферу влияния русского миссионерства более широких крестьянских масс. Для этой цели обучение в школе было введено бесплатное, в школы принимались дети обоёго пола «без различия племени, состояния и вероисповедания»³, с правом пользования «безвозмездно от общества всеми учебными пособиями»⁴. Предоставленные крестьянским детям льготы были обусловлены большими политическими задачами, которые стояли в то время перед царским правительством на Северном Кавказе. Поэтому нуждается в некотором уточнении и утверждение автора, будто «распространение грамотности, развитие литературы и в целом просвещения для массы осетинского народа, вплоть до Великой социалистической революции в России, было недоступно, а всеми этими благами и, бесспорно, элементами большой культуры могла пользоваться небольшая горстка элдаро-баделятской части осетин» (стр. 4—5).

Нельзя по аналогии с русским дворянством судить о культурном уровне осетинских феодалов. Если русские дворяне играли ведущую роль в развитии русской культуры, плодами которой они действительно пользовались, то осетинские феодалы никакой культуры не создали и составляли, напротив, наиболее отсталую в культурном отношении часть осетинского населения. И в данном случае осетинские феодалы не являлись исключением: такое же положение было и в соседней Кабарде. Здесь «высшие звания, состоящие из князей и дворян, почитают неприличным их достоинству упражняться в науках, доставляющих средства познать страну, в которой живём, обычаи, нравы и занятия отдалённых народов, их историю и, наконец, самую природу»⁵.

Культурная отсталость осетинских феодалов объясняется тем, что они, будучи мусульманами, не отдавали своих детей в школы ведомства православного христианства, тем более что эти школы предназначались для детей простых крестьян. В Ардонской духовной семинарии, в этом единственном в дореволюционной Осетии среднем учебном заведении, дети осетинских алдар и баделят не учились. А между тем, хотя эта семинария и была миссионерским учебным заведением, она сыграла большую

² Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ). Осетинские дела за 1766—1783 гг., д. № 2.

³ «Материалы...», Т. V, стр. 136, § 18.

⁴ Там же, стр. 136, § 21.

⁵ «Русский вестник». Т. V, № 1, отд. 2, стр. 30—31. СПб. 1824; ср. Т. 54, № 11, стр. 60.

роль в развитии культуры осетин. Она воспитала многочисленную дореволюционную осетинскую интеллигенцию и в особенности вышедшее из крестьянских низов осетинское учительство. Ректор семинарии, архимандрит Арсений, в донесении учебному комитету святейшего синода от 6 марта 1906 г. вынужден был так характеризовать общественно политическую роль осетинского учительства: «В Осетии ведётся энергичная политическая пропаганда, и в ней принимают видное участие учителя осетинских школ, вышедшие из Ардонской семинарии»¹.

Основным итогом деятельности русского православного миссионерства в Осетии следует считать то, что, распространяя среди осетин христианство вместо языческого варварства, оно открывало школы, откуда выходили первые грамотные осетины, и создавало предпосылки к приобщению осетин к более высокой русской культуре.

В очерке затронуты, далее, интересные вопросы: «Были ли серьёзные попытки у Шамиля поднять на борьбу и осетинский народ... и имелись ли предпосылки к этому в среде самого осетинского народа?» (стр. 30).

На первый вопрос, на основании опубликованных документов (№№ 82, 83 на стр. 234—237), автор даёт положительный ответ, на второй — отрицательный. Мотивирует он это предательством осетинских алдаро-бадзельтских сословий, сосредоточением больших военных сил в Центральном Кавказе, ослаблением натиска осетин после их разгрома царизмом в 30—40-х годах, несовпадением во времени борьбы осетинского народа с кульминационной точкой движения Шамиля и, наконец, тем, что «идеологическая сторона мюридизма не могла быть сильным мобилизирующим средством среди осетин в той же степени, как это мы наблюдаем в отношении мусульманского населения Восточного и Западного Кавказа» (стр. 31).

Ни один из этих мотивов нельзя признать достаточно убедительным для объяснения того, что «Осетия в целом не поднялась, — как правильно указывает автор, — не включилась в мощный поток освободительной борьбы под знаменем Шамиля» (стр. 31). Ведь осетинские феодалы с самого начала заняли враждебную позицию по отношению к движению Шамиля, и эту позицию они никогда не меняли. Что касается «ослабления» военной силы Осетии в результате будто бы её разгрома царизмом, то следует отметить, что военные действия локализовались в одном Тагаурском ущелье, составляющем 1/3 всей Осетии, а другие её районы не принимали участия в событиях 1830 года. И совсем неубедителен довод автора, будто Осетия не поддержала движение Шамиля потому, что мюридизм не являлся среди осетин таким сильным мобилизирующим средством, каким

он был среди мусульман Восточного и Западного Кавказа. Если признать в освободительном движении горцев объединяющим фактором мусульманство, как склонен думать автор, то становится непонятным, почему мюридизм не имел успеха ни среди осетин, 40% которых были мусульмане, в том числе и их феодалы, ни среди кабардинцев, этих исконных «правовёрных» мусульман, оказавших тем не менее мюридизму ожесточённое вооружённое сопротивление, а в 1846 г. изгнавших Шамиля из пределов Кабарды. Повидимому, тут дело не столько в мусульманской религии, составлявшей, правда, внешнюю оболочку имамата Шамиля, сколько в социально-классовом его характере.

Имамат Шамиля на всём протяжении своего существования вёл непримиримую борьбу против адата, защищавшего интересы крупных феодалов и утверждавшего их вотчинное право, и, напротив, отстаивал шариат, защищавший интересы крестьянства и среднего дворянства и его поместное право. Социально-классовую сущность адата в шариате правильно понял находившийся в плену у горцев (1836—1838) русский офицер Ф. Ф. Торнау. На основании личных наблюдений он констатировал, что «по силе шариата все мусульмане равны перед кораном, и кровь каждого из них — князя или простого земледельца — ценится одинаково», в то время как «адат признаёт постепенное значение различных сословий, и жизнь князя стоит дороже жизни дворянина, имеющего в свою очередь преимущество над простым вольным человеком». И отсюда он сделал правильный вывод, что именно «по этой причине люди высшего звания предпочитают адат, а низшие стараются подвести дело под шариат»².

Борьба против адата и крупных вотчинников, во имя победы шариата, по существу, была борьбой за ликвидацию феодальной раздробленности и за создание многоплеменного централизованного государства, способного отразить захватнические устремления царизма.

Хотя кабардинские и осетинские феодалы и были мусульманами, тем не менее имамат Шамиля они встретили враждебно, потому что он резко противоречил их классовым интересам.

Давая общую оценку освободительной борьбе кавказских горцев под руководством Шамиля, мы должны отметить, что поскольку Шамиль боролся против крупных землевладельцев и их адата, защищавшего вотчинное право на феодальную раздробленность, поскольку он защищал интересы крестьянства и нового, восходящего класса дворян и торговцев и их шариат, ломавший вертикальные перегородки феодальной раздробленности и, напротив, утверждавший

¹ «Материалы...». Т. V, стр. 250.

² «Исторический журнал» № 9.

² «Русский вестник». Т. 53, № 9, стр. 55. М. 1864.

поместное право, поскольку, наконец, Шамиль боролся за создание централизованного государства для борьбы против экспансии царизма, постольку эту борьбу следует рассматривать как прогрессивное движение. И в этой освободительной борьбе горских народов под руководством Шамиля кабардинские и осетинские феодалы, выступавшие против движения, играли реакционную роль.

Неправильно освещён в очерке и вопрос о причинах выселения горцев в Турцию в 60-х годах XIX века. В введении причина выселения горцев объясняется только тем, что царское «правительство, даже разгромив мюридизм в военном и политическом отношении, ещё основательно опасалось освободительных идей Шамиля, мюридизма» (стр. 36). А на самом деле основной причиной выселения горцев в Турцию являлась не столько боязнь распространения идей разгромленного мюридизма, сколько стремление царизма во что бы то ни стало колонизировать горские земли колонизаторскими элементами метрополии. Поэтому не случайно в 60-х годах XIX в. на Северном Кавказе царизм сконцентрировал 100-тысячное казачье население, которое нужно было наделить землёй из расчёта 30 десятин на душу. Создалась такая земельная теснота, при которой, по откровенному признанию царского генерала Карцова, «не только развитие крестьянского хозяйства, но даже физическое существование народа не могло считаться обеспеченным»¹.

Ещё в 1912 г. Ленин ставил вопрос: «Если в отношении малоземелья положение кавказских крестьян мало чем разнится от положения крестьян в России, то, спрашивается, откуда же образуется колонизационный земельный фонд на Кавказе и зачем производится туда выселение, вместо того, чтобы произвести расселение местных крестьян?»².

И на поставленный вопрос Ленин дал исчерпывающий ответ: «Переселенческий фонд образуется путём вопиющего нарушения земельных прав туземцев, а переселение из России производится во славу всё того же националистического принципа «руссификации окраин»³. Таким образом, создать на Северном Кавказе колонизационный земельный фонд и разместить на нём колонизаторские элементы можно было только путём выселения значительной части горцев из пределов Кавказа. Поэтому царизм начал «нещадно и безостановочно теснить горцев к морю и в то же время усиленно двигать русское население на места, только что освобождённые бегущими горцами»⁴.

¹ Исторический архив Североосетинской АССР. Дело о переселении туземцев Терской области в Турцию. Св. I. Докладная записка генерал-адъютанта Карцова военному министру.

² Ленин. Соч. Т. XV, стр. 528.

³ Там же.

⁴ Зиссерман А. Фельдмаршал Барятинский. Т. II, стр. 372. М. 1890.

В результате этого «вытесняемое шаг за шагом с плоскости в предгорья, с предгорий в горы, с гор к морскому берегу, миллионное население горцев перенесло все ужасы, страшные лишения, голод, повальные болезни, а очутившись на берегу, должно было искать спасения в переселении в Турцию»⁵.

Из других, более мелких недочётов введения следует отметить приурочивание широкого развития миссионерства ко времени завершения постройки Кавказской военной линии и усиления роли Моздока, как политического и миссионерского центра на Северном Кавказе. Кавказская военная линия, заложенная в 1711 г. на нижнем течении Терека, шла на запад по течению рек Терека и Кубани и была доведена до берегов Азовского моря только в 1794 году. К этому времени Моздок уже не играл прежней роли, так как политическим центром стал Екатериноград, основанный на р. Малке в 1777 г.⁶ и в 1785 г., на основании именного указа, объявленный губернским городом Кавказской губернии⁷. В 1785 г. по высочайшему указу миссионерская комиссия была переведена из Моздока в губернский центр Екатериноград⁸, а миссионерская школа, открытая в 1764 г., продолжала оставаться в Моздоке. В 1790 г. административный центр Кавказского края был перенесён из Екатеринограда в Астрахань.

По мнению автора, моздокская школа была открыта специально для детей осетин, и в ней «стали обучаться дети высших сословий осетин» (стр. 8). По докладу коллегии иностранных дел от 27 сентября 1764 г. последовало подтверждённое Екатериной II постановление «о заведении при урочище Моздоке для осетинских и прочих горских народов детей школы»⁹. Таким образом, моздокская школа была открыта не только для детей осетин, но и для «прочих горских народов детей». При поступлении в моздокскую школу дети высших сословий, по крайней мере формально, не пользовались никакими привилегиями перед крестьянскими детьми, за исключением того, что старшинские дети содержались «против прочих с некоторою отменой», которая заключалась в определении «на содержание старшинских детей в месяц до 4-х рублей, т. е. противу прочих вдвое»¹⁰.

Кавказское аманатство нельзя рассматривать, как это делает автор, в статике. Кавказское аманатство как одно из важнейших

⁵ Там же, стр. 396.

⁶ Бутков П., акад. Материалы для новой истории Кавказа. Т. II, стр. 48. СПб. 1869.

⁷ Там же. Т. III, стр. 189.

⁸ Там же. Т. II, стр. 170.

⁹ ГАФКЭ. Осетинские дела за 1764 г., д. № 59.

¹⁰ ГАФКЭ. Осетинские дела за 1766—1783 гг., д. № 2.

звеньев колониальной политики царизма необходимо рассматривать в динамике, в конкретных исторических условиях. В истории развития кавказского аманатства следует различать две стадии, принципиально отличные друг от друга: раннюю (XVI—XVII вв.), когда аманатство носило добровольный характер, и позднюю (XVIII—XIX вв.), когда в новых исторических условиях оно, перейдя в свою противоположность, сделалось принудительным.

Автору не следовало начинать вводный очерк с отношения генерала Головина от 1841 г. на имя гр. Чернышева. Документ не вскрывает всех мотивов завоевания Осетии. В нём подчёркивается военно-стратегический момент и упущен экономический. А между тем экономические интересы, связанные с проектом эксплуатации горнорудных богатств горной Осетии, со второй половины XVIII в. являлись основными.

В историческом очерке не должны иметь место и такие неточности, как отождествле-

ние терминов «священник» и «архимандрит» (стр. 6). Как известно, священник — сан представителя белого духовенства, а архимандрит — сан представителя чёрного, или монашеского, духовенства. Крупный кабардинский феодал Канчонкин ошибочно назван «баделятом» (стр. 345). Кабардинские феодалы категории Канчонкина назывались «пши», а «баделятами» назывались дигорские феодалы.

Второй том «Материалов» снабжён указателями собственных имён и географических названий, но они составлены неполно и небрежно.

Таковы основные недостатки вводной статьи «Материалов по истории осетинского народа». Что касается документов, то они тематически и хронологически сгруппированы правильно и для изучения истории Осетии представляют несомненный интерес.

Проф. Г. Коккиев.

«НАУКОВІ ЗАПИСКИ». Кн. I. Видавництво Академії наук УРСР. 1943.
232 стор. 15 крб.

В годы, предшествовавшие нападению фашистов на нашу великую родину, украинские историки развивали энергичную научно-исследовательскую деятельность. Равным образом и в годы эвакуации не прекратилась большая научно-исследовательская работа.

На страницах журнала «Українська література» был опубликован ряд научных статей, посвящённых героическому прошлому украинского народа и его борьбе против польских помещиков и венгерских захватчиков.

Историки принимали активное участие в сессиях АН УССР: они сделали несколько докладов, которые затем были изданы в сборнике «Праці січневої сесії Академії наук УРСР» (1942). Украинские историки подготовили к печати второй том «Історії України», кончая периодом разложения феодально-крепостнических отношений в первой половине XIX века. В настоящее время печатается первый том коллективного труда «История украинской культуры». Помимо этого украинские исследователи подготовили к печати ряд больших монографических исследований. Так, проф. Н. Петровский печатает монографию «Воссоединение украинского народа в едином государстве»; К. Гуслистый подготовил к печати монографию «Освободительная война украинского народа против шляхетской Польши в первой половине XVII века»; Н. Ткаченко изучает «Историю крестьян в Левобережной Украине в XVII веке»; Ф. Ястребов подготовил исследование о Кирилло-Мефодиевском братстве. Успешно работают и другие украинские историки над отдельны-

ми проблемами из истории украинского народа.

В настоящее время Институт истории и археологии приступил к изданию «Учёных записок», что даст возможность исследователям знакомить читателей как с отдельными главами из своих монографий, так и со статьями, суммирующими выводы из исследований. Содержание первого тома «Учёных записок» разнообразно. В нём опубликованы статьи по истории и археологии Украины. Статьи по археологии принадлежат перу О. Лаговойской, Л. Славина, Д. Блительда, Л. Дмитрова. Виднейший археолог Украины член-корреспондент АН УССР Л. Славин напечатал в этом томе ценное исследование «Основные итоги изучения Ольвии за советский период» (стр. 67—99). Русские археологи давно производили раскопки в Ольвии, но особенно богатые результаты дали раскопки советских археологов. В советский период было организовано 16 экспедиций.

Дореволюционные археологи интересовались только изучением Ольвии в узком смысле, в пределах крепостных стен и прилегающего к ним некрополя. Советские же археологи значительно расширили район исследований. Их интересуют «широкие просторы Буго-Днепровского бассейна» (стр. 68). Результаты 16 советских ольвийских археологических экспедиций были опубликованы в 70 печатных работах. Ольвийская проблема интересовала С. Жебелева, С. Капошина, Т. Книппович, А. Коцевалова, В. Латышева, Н. Марра, И. Мещанинова, Л. Славина, Б. Фармаковского, К. Тревер и др. Добытые советскими археологами материалы

позволяют вскрыть разные стороны жизни и деятельности населения Ольвии на протяжении десяти веков. Ими заложен фундамент для нового «понимания и осмысления самой Ольвии и её исторической судьбы» (стр. 95).

В интересной статье (стр. 100—116) Д. Блительда читатель знакомится с археологическими раскопками, произведёнными в Киеве в последние годы. Автор справедливо утверждает, что «археологические исследования последних лет значительно обогатили наши знания о Киеве в древнейший период» (стр. 100).

Центральное место в «Учёных записках» занимают статьи по истории Украины в разные периоды — с XI в. вплоть до наших дней.

М. Супруненко, кандидат исторических наук, уже опубликовал несколько работ по истории партизанского движения на Украине. В настоящем выпуске «Учёных записок» он предпринял интересную попытку подвести некоторые итоги партизанской борьбы против немецких оккупантов на 1 января 1942 года. М. Супруненко отмечает, что после призыва товарища Сталина 3 июля 1941 г. широко развернулась партизанская борьба на Украине. «Советский народ, — правильно замечает автор, — создаёт партизанские отряды не только тогда, когда в ту или иную местность пришёл враг, но и тогда, когда тот или иной район стоит под угрозой фашистского вторжения» (стр. 33). Другой особенностью партизанской борьбы, по мнению автора, является то, что «она глубоко народна» (стр. 34). Такой характер партизанской войны М. Супруненко объясняет тем, что «на основе успехов социалистической индустриализации и коллективизации были окончательно разгромлены эксплуататорские элементы и ликвидирован наиболее многочисленный капиталистический класс — кулачество» (стр. 35).

Автор приводит факты и цифры, которые наглядно показывают, какой ущерб нанесли советские партизаны немецким захватчикам. Благодаря партизанам население, стонавшее под гнётом фашистов, узнавало о выступлениях товарища Сталина. «Из них оно черпает силы, чтобы пережить кошмар немецкой неволи, ими оно вдохновляется на боевые дела для ускорения момента освобождения от фашистских палачей» (стр. 52).

Н. Ткаченко, кандидат исторических наук, специально занимающийся народными восстаниями в Киевской Руси, опубликовал главу из своей большой работы о восстаниях 1068—1069 гг. в Киеве. Хотя о восстаниях в Киеве уже упоминали советские историки Б. Греков и С. Юшков, всё же вопрос о причинах и движущих силах этих восстаний остаётся ещё недостаточно исследованным.

Н. Ткаченко знакомит читателя с экономическим развитием Киева и становлением здесь феодальных отношений. Критикуя теорию В. Ключевского, а вслед за ним и М. Покровского о преобладании торговли в Киеве, Н. Ткаченко правильно отмечает

развитие сельского хозяйства в Киеве на основе феодального способа производства. Правильно утверждение Н. Ткаченко, что социально-экономические и политические отношения, в частности внешние отношения — борьба с половцами, — были основными причинами восстаний 1068—1069 годов. Что касается движущих сил восстаний, то, отрицая мнение М. Покровского о купцах как движущей силе, Н. Ткаченко разделяет точку зрения тех исследователей (Б. Греков, М. Приселков, Н. Воронин), которые отмечают участие в восстаниях сельских и городских народных масс. Стоя на марксистско-ленинских позициях, Н. Ткаченко подвергает критике мнение М. Грушевского, видевшего в восстаниях «первую описанную в наших источниках украинскую революцию» (стр. 150).

«События 1068—1069 гг. ясно показали обострённость классовых противоречий в Киеве» (стр. 151), — правильно отмечает Н. Ткаченко. С восстаниями 1068—1069 гг. автор связывает появление «Правды Ярославичей», которая укрепляла положение феодальной верхушки. В восстаниях 1068—1069 гг. переплетались два момента — борьба против киевской верхушки и борьба против польских интервентов. По мнению Н. Ткаченко, восстания 1068—1069 гг. свидетельствуют о «наличии в Киеве радикально настроенных, революционных элементов, которые отстаивают свои интересы, ведут борьбу против господствующих классов» (стр. 151). Основная причина восстаний 1068—1069 гг. — в тех социальных изменениях, которые происходили в Киеве в середине XI в., отмечает автор.

Проф. К. Кудряшов напечатал небольшую заметку о загадочной летописной реке Сутень. По мнению исследователя, река Молошна и летописная река Сутень в Половецкой земле — одна и та же река.

К. Гуслистый, кандидат исторических наук, опубликовал интересную и ценную статью «К истории Брацлавского восстания в 90-х годах XVI столетия» (стр. 157—161). Отметив, что «в истории освободительной борьбы украинского народа против шляхетской Польши великую роль сыграла Брацлавщина, в особенности город Брацлав» (стр. 157), К. Гуслистый останавливается на одном из первых движений брацлавских мящан против шляхетской Польши в 1594—1596 годах. Борьба против стапосты Юрия Ступся началась ещё до восстания. Она обострилась в связи с казацко-крестьянским восстанием под руководством Северина Наливайки. Руководителем восстания был войт Роман Татченко — «причина тех бунтов», писал гетман Жолкевский. Войт и его товарищи заплатили смертью за руководство восстанием.

Н. Петровский, доктор исторических наук, опубликовал интересные данные своих исследований об украинско-русской переписке в 1649 г. (стр. 162—164). Автор останавливается на письме чигиринского полковника

Фёдора Коробки к русскому воеводе Фёдорову Арсеньеву.

К. Стецюк, кандидат исторических наук, поставила и разработала вопрос о казацко-крестьянском восстании в Слободской Украине 1670 г. в связи с восстанием Степана Разина (стр. 165—180). Правда, напечатано только начало исследования, но и то, что опубликовано, ценно. К. Стецюк в своём исследовании знакомит с колонизацией Слободской Украины, с положением населения и состоянием сельского хозяйства, а также с развитием крупного землевладения, с классовым делением населения, с развитием феодально-крепостнических отношений, с ролью воеводской власти и политической царского правительства.

В украинской исторической литературе сравнительно мало изучена тема «Борьба украинского народа на Правобережье против шляхетской Польши в конце XVII столетия». В. Дядиченко, кандидат исторических наук, занялся этим вопросом и значительно восполнил пробел в украинской историографии (стр. 181—196). Восстания на Правобережье начались в конце XVII и начале XVIII столетия. Наибольшей силы они достигли в 1702—1704 гг., охватив Киевщину, Брацлавщину, Подолье, Волинь и Галичину. Восстания были вызваны, по мнению автора, тяжёлым экономическим и национально-религиозным гнётом шляхетской Польши, «дворянской республики, основанной на эксплуатации и угнетении крестьян»¹, по выражению Энгельса.

Исследование В. Дядиченко — только часть его монографии о жизни и деятельности Семёна Палия.

Крестьянское движение на Украине в период столыпинской реакции до сих пор мало привлекало внимание исследователей. Этот пробел восполнил Ф. Лось, кандидат исто-

рических наук. В основу его работы положены архивные материалы. Напечатанная статья — краткое изложение основных выводов монографии Ф. Лося на ту же тему (стр. 197—214).

М. Рубач, доктор исторических наук, автор монографии «Очерк из истории аграрной революции 1917 г. на Украине», знакомит читателя с классовым расслоением крестьянства накануне Великой Октябрьской социалистической революции (стр. 215—230). Эта тема разработана автором впервые. В своей статье М. Рубач исследует вопрос о расслоении крестьянства по посеву, живому и мёртвому инвентарю. Крестьянство на Украине после столыпинской реформы было разорено. «Монополия помещиков на землю, — говорит автор, — гнёт помещиков и кулаков, высокие арендные цены, низкие заработки душили деревенскую бедноту» (стр. 224). В 1917 г. из общего количества крестьянских хозяйств было: без рабочего скота—45,5%, бескоровных—35,8%, безынварных—44,2%, малопосевных—60,3%, в том числе: без посева — 16%, с посевом до 1 десятины — 15,8%, с посевом от 2 до 2 десятин — 16,6%, с посевом от 3 до 3 десятин — 11,9% (стр. 224). По отдельным районам картина ещё более безрадостная. Так, малопосевных хозяйств, до 3 десятин, было: в Полесье — 61,8%, на Правобережье — 81,7%, на Левобережье — 56,9%, в Степной Украине — 40,7% (стр. 224).

В итоге подсчёта и анализа статистических данных М. Рубач пришёл к выводу, что накануне Великой Октябрьской социалистической революции две трети украинской бедноты находились в очень тяжёлом экономическом положении и не имели ни рабочего скота, ни инвентаря.

Первый том «Учёных записок», выпущенный издательством Академии наук УССР, отличается разнообразием тем и богатством содержания. Можно пожелать украинским историкам в ближайшее время наладить регулярный выход «Учёных записок».

В. Пичета,
чл.-корр. АН СССР.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 10.

МАЙСКИЙ И. Перед бурей. Гослитиздат. М. 1944. 228 стр. 7 руб.

В революции 1905 г., первой буржуазно-демократической революции в России, активное участие принимали и широкие круги демократической интеллигенции. О настроениях этих кругов свидетельствуют, например, студенческие волнения, достигавшие большого размаха в предреволюционный период. Часть интеллигенции непосредственно включилась в рабочее движение накануне и особенно во время революции. Но это, разумеется, не значит, что в этом движении представители интеллигенции сразу заняли правильную, революционную позицию. Многие из них только после некоторых колеба-

ний стали на точку зрения пролетариата — на последовательно революционный путь. Вопрос о том, какими путями и под влиянием каких факторов выходцы из интеллигенции приходили к выводу о необходимости участвовать в революции, несомненно, представляет интерес для историка. В этом отношении рецензируемая книга заслуживает внимания.

Автор описывает в ней своё детство, отрочество и юношество, протекавшие в 90-х годах прошлого столетия, в условиях, когда Россия была беременна первой буржуазно-демократической революцией. Автор рас-

сказывает о том, как он, выходец из интеллигентско-демократических кругов, в поисках «огней жизни» пришёл к выводу, что ему надо стать участником рабочего движения. Заключительная часть воспоминаний И. Майского касается того момента, когда он по окончании гимназии в 1901 г. едет из Омска, где он родился и рос, в Петербург и в голове у него твёрдо созревшее решение: «Я должен принять участие в рабочем движении» (стр. 227).

В своей книге автор поставил перед собой задачу «показать, как люди старого поколения, выраставшие в условиях царской России, приходили к революции» (стр. 3). Автор прав, говоря, что его биография в этом отношении отражает тот путь, которым приходили к революции выходцы из интеллигентско-демократических кругов.

Из воспоминаний И. Майского видно, какое решающее влияние на складывание мировоззрения передовой молодёжи 90-х годов оказывали воспитание, полученное молодёжью в семье, а также знакомство с передовой как русской, так и иностранной литературой.

Книга, далее, показывает, как раскаты приближавшейся революции пробуждали к политической жизни самые разнообразные слои населения и ощущались в той или иной степени в самых отдалённых уголках огромной страны. Излагая свои воспоминания под указанным углом зрения, И. Майский в живой и художественной форме воспроизводит политические порядки и быт того времени, описывает жизнь захолустного города (каким был тогда Омск), показывает мужскую классическую гимназию 90-х годов, жизнь высланных из Петербурга студентов и т. п. Интересны и те страницы, где автор описывает богатую природу Западной Сибири, которую он наблюдал во время длительных путешествий.

Благотворное влияние на автора оказала его семья. Отец его был демократически настроенный военный врач. Он всю свою жизнь посвятил научным изысканиям в области медицины, им он уделял всё свободное время. «Образ моего отца,— пишет автор,— оказал сильнейшее влияние на формирование моего духовного «я». И если в дальнейшем я тоже сумел найти свою большую и великолепную идею, которой посвятил всю свою жизнь, то в этом далеко не в последней степени я обязан вдохновляющему примеру моего отца» (стр. 31). Большое влияние на складывание мировоззрения юноши оказал и его дядя, художник Михаил Чемоданов, получивший известность благодаря своим острым политическим карикатурам и подвергавшийся репрессиям со стороны самодержавия.

Семья привила юноше любовь к книге, интерес к научным проблемам. В доме были сочинения классиков русской и мировой литературы. Отец часто брал сына с собой в командировки по Сибири, которые расширяли его умственный кругозор.

В те годы Майский не был ещё связан ни с рабочим, ни с крестьянским движением и лишь косвенно соприкасался с движением

студенчества. Были периоды, когда он мало интересовался вопросами общественной жизни, весь уходил в науку и искусство. Так, одно время юноша хотел посвятить себя целиком астрономии, затем он мечтал стать поэтом. Но влияние окружавшей его российской действительности в условиях всё сильнее назревавшего в стране революционного кризиса каждый раз возвращало его к социальным и политическим вопросам. Нередко отдельные факты действительности, с которыми он соприкасался или о которых узнавал, становились вехами на пути его духовного развития. Гимназист Майский узнаёт, например, что священник отец Дионисий донёс начальству о том, о чём ему на исповеди сообщил один из гимназистов. (Речь шла об организованном гимназистами литературном кружке.) В результате этого доноса несколько гимназистов было исключено из гимназии. «Шпионство отца Дионисия,— пишет автор,— сразу накалило мои настроения. Всякое примиренчество с жизнью, с гимназией, с духовенством, с царским режимом стало невозможным». В другой главе автор приводит ещё один факт. Органист Браун рассказал подростку Майскому о том, что горячо любимая им девушка, его невеста, была похищена в день их свадьбы сыном немецкого барона. Девушка не вынесла издевательств и насилий, которым подверг её сын барона, и покончила с собой. Гнусный насильник остался безнаказанным. О том впечатлении, которое произвёл на молодого Майского этот рассказ органиста, он пишет: «Целую неделю после того я ходил под впечатлением рассказа Брауна. Всё думал и передумывал, всё старался доискаться до того основного, главного, что вытекало из этого рассказа. Кровь закипала у меня, когда я вспоминал о той ужасной несправедливости, жертвой которой стал Браун, и о том, что виновник гнусного преступления остался безнаказанным. А почему? Только потому, что сам он был гвардейский офицер, что отец его был близок к царю, что оба они были представителями высшего сословия в государстве. Классовая структура царского общества впервые встала предо мной в столь обнажённой, в столь отталкивающей форме, и я невольно должен был задуматься» (стр. 175—176).

Когда вожаки ученического литературного кружка узнали о студенческих демонстрациях в Петербурге в 1899 г., они откликнулись на них выпуском прокламаций, сделав, таким образом, попытку (правда, ещё наивную и беспомощную) перейти от изучения литературы к политическим выступлениям.

Наряду с фактами окружающей действительности исключительно большую роль в духовном развитии автора сыграли книги, в которых он искал и нередко находил ответы на волновавшие его вопросы. В своих воспоминаниях автор приводит несколько ярких случаев, свидетельствующих о том, как воздействовали на него прочитанные книги.

Так например автор пишет, как он впервые остро почувствовал социальную несправед-

ливость и социальное неравенство, после того как ознакомился со стихотворением Некрасова «Железная дорога». Было это во время одного из путешествий с отцом. Последний, как врач, должен был сопровождать баржу с арестантами, которая ходила между Тюменью и Томском. Здесь впервые мальчик столкнулся с «политическими», небольшую партию которых везли на этой барже. Эта встреча произвела на него сильное впечатление. Один из «политических» прочитал ему стихотворение Некрасова «Железная дорога». «Железная дорога», — пишет автор, — сыграла большую роль в моём детском развитии. Она как-то оформила и закрепила многие из тех мыслей и чувств, которые пробудились во мне со времени встречи с «политическими». Она дала «идеологическое обоснование» той инстинктивной тяге к народу, которую я и раньше в себе ощущал» (стр. 92).

Когда несколько лет спустя пятнадцатилетний юноша прочитал роман Шпильгагена «Один в поле не воин», он настолько был захвачен новыми для него мыслями и идеями, содержащимися в романе, что повернул от занятий астрономией к вопросам общественной жизни. «Впервые я читал картины революции, впервые я видел механизм западноевропейской политики (хотя бы и в плохом прусском издании), впервые я узнавал о наличии партий, парламента, министерств, впервые я слышал о рабочем вопросе и рабочих ассоциациях. Отрицательные черты романа — его прогрессистский дух, его полное извращение учения Лассаля — мне тогда не были заметны. Зато широкое полотно европейской жизни — такой свежей, свободной, сознательной по сравнению с условиями царской России — очаровывало меня, будило в моём сознании новые мысли, новые чувства» (стр. 127—128).

Будучи в шестом классе гимназии, Майский под влиянием классиков русской литературы — Добролюбова, Белинского, Писарева — особенно остро чувствовал и протестовал против бездушного формализма классической гимназии. Подражая Писареву, написавшему статью «Наша университет-

ская наука», он пишет большую статью «Наша гимназическая наука». Это сочинение нашло горячий отклик среди гимназистов и дало толчок к выступлениям против господствовавших в гимназии порядков.

Уже в юношеском возрасте автору стало ясно, что корень зла таится в самодержавии. Он жадно искал ответа на вопрос, как бороться с самодержавием, и опять-таки находил его в книгах. Ознакомление с политической экономией, с курсом русской истории Ключевского показало ему роль экономики в жизни общества и заставило его от изучения гуманитарных наук перейти к изучению экономики. Большое впечатление на автора произвела книга супругов Вебб «История рабочего движения в Англии». Эта книга заставила его заинтересоваться рабочим движением в своей стране — России, — и Майский пришел к выводу, что должен принять в нём участие.

Но в рабочем движении России, как известно, начиная с 90-х годов шла упорная борьба между революционным и оппортунистическим лагерями. К сожалению, автор не говорит, в каком из этих лагерей он оказался, примкнув к рабочему движению. Не уточнив своей позиции в рабочем движении того времени, автор не выполнил и той задачи, которую поставил перед собой, — показать молодым советским читателям, какими путями он пришёл к революции.

Книгу И. Майского прочтёт с удовольствием каждый интересующийся историей рабочего движения в России. Она написана живо и образно. Содержащийся в ней материал даёт читателям, особенно молодёжи, наглядное представление об обстановке того времени. Ценно также и то, что автор основывает свои воспоминания на документах, сохранившихся у него. Книга «Перед бурей» дополнит нашу мемуарную литературу, освещающую предреволюционный период, и послужит толчком для опубликования других воспоминаний этого рода, которых, к сожалению, пока ещё у нас не так много.

О. Вейланд

ШИШКИН В. Города Узбекистана (Самарканд, Бухара, Ташкент).

Узбекистанский филиал Академии наук СССР. Институт языка, литературы и истории. «Библиотечка бойца». Изд. УЗФАН. Ташкент. 1943. 36 стр. 1 р. 20 к.

Научно-популярная брошюра В. А. Шишкина «Города Узбекистана» входит в серию «Библиотечка бойца», издаваемую в дни Отечественной войны Институтом языка, литературы и истории Узбекистанского филиала Академии наук СССР (ныне Узбекской академии наук).

Автор даёт сжатый очерк исторического прошлого трёх крупнейших центров Средней Азии, в частности Узбекистана: Самарканда, Бухары и Ташкента. Брошюра де-

лится на шесть разделов: «Древнейшие сведения» (об Узбекистане и его городах); «Бухара — столица Саманидов»; «Самарканд при Тимуре и Тимуридах»; «Бухара в XVI—XVII веках»; «Ташкент — центр Туркестанской колонии»; «Заключение» (города Узбекистана в эпоху социалистического строительства).

Обзору истории отдельных городов предпослана краткая справка о богатейшем историческом прошлом Узбекистана. Далее

автор приводит ранние известия о Самарканде («Мараканде» греческих авторов) и Бухаре («На-ми» китайских источников). Наиболее же полно история городов Узбекистана изложена за период арабского завоевания и после него.

Автор даёт последовательный очерк развития Самарканда, Бухары и Ташкента как важнейших экономических, политических и культурных центров Средней Азии.

Можно упрекнуть автора лишь в том, что в брошюре, рассчитанной прежде всего на массовую красноармейскую аудиторию и выпущенной в дни Отечественной войны, чрезмерно скупно рассказывается о таких выдающихся событиях в истории описываемых автором городов, как например героическая борьба согдийцев во главе с Спитаменом против захватнической армии Александра Македонского. Совершенно не упомянуто о восстании свободолюбивого населения страны во главе с Муканной против арабских завоевателей в 70-х годах VIII века. Между тем восстание Муканны имеет прямое отношение к истории района Бухары. Вскользь упоминает автор о восстании крестьян и ремесленников Бухары под руководством Махмуда Тараби в 1238 г., тогда как это крупнейшее восстание против монгольских завоевателей являлось ярким примером освободительной борьбы населения Узбекистана с иноземными захватчиками. Не говорит автор и о народном восстании в Самарканде в 1365 г., когда защитники города немало способствовали поражению монголов и уходу их в Семиречье.

Однако основную свою задачу — показать значение и величие крупнейших городов Узбекистана в прошлом, их кипучую и многогранную жизнь и быт — автор в общем решает вполне успешно и с несомненной эрудицией. Изложение ведётся живо, с привлечением многочисленных и разнообразных источников. Наиболее ярко написан раздел «Самарканд при Тимуре и Тимуридах».

При повторном издании брошюры (которое, несомненно, понадобится) надо учесть необходимость некоторой дополнительной работы над её текстом. Так; автор доводит изложение истории Самарканда, Бухары и Ташкента до наших дней, но не показывает, какую большую роль играют Самарканд, Бухара и особенно Ташкент, а равно и другие города Средней Азии в Отечественной войне советского народа против гитлеровских захватчиков. Это, безусловно, являет-

ся пробелом в работе В. А. Шишкина. Ведь на примере, скажем, Ташкента автор мог бы убедительно показать самоотверженный труд советского тыла в помощь фронту, быстрый рост Ташкента как одного из индустриальных и культурных центров Советского Союза.

В заключительных строках брошюры автор правильно подчёркивает, что в момент, когда наш народ ведёт борьбу «не на жизнь, а на смерть с отродьем одичавших разбойников, уничтожающих все достижения мировой культуры... нам сейчас так особенно близки те драгоценные остатки культуры, которые украшают города Узбекистана» (стр. 36). Однако автор не счёл нужным хотя бы кратко рассказать читателю-бойцу о том, какую величайшую заботу проявляла и проявляет советская власть в деле охраны, ремонта и реставрации замечательных памятников прошлого в городах Узбекской ССР (ремонт мавзолея Гури-эмир в Самарканде и мавзолея Саманидов в Бухаре, выдающиеся работы по выпрямлению накренившегося минарета самаркандского медресе Улугбека и т. д.). Читатель-боец с удовлетворением узнал бы о том, как любовно восстанавливают памятники прошлого представители народа в лице лучших мастеров узбекского строительного искусства: Усто-Ширин Мурадова, Усто-Абду Рахим Хаятова и многих других.

В брошюре встречаются неточности в подстрочных примечаниях, содержащих объяснения малопонятных слов и специальных терминов. Вряд ли, например, можно признать правильным указание на то, что «городище» обязательно является местом, «где в древности стоял город» (стр. 5).

Три штриховых рисунка, помещённых в тексте брошюры (минарет, городская стена и мечеть в Бухаре), маловыразительны и случайны. Уделяя место изображению менее значительных памятников (остатки глиняной стены XVI в. в Бухаре), автор вместе с тем не дал ни одного рисунка таких исключительных памятников, как мавзолей Гури-эмир, медресе Улугбека и др.

Однако все эти отдельные недочёты не умаляют положительного значения и несомненных достоинств брошюры в целом. Изданием небольшого очерка истории городов братской Узбекской республики сделан полезный и своевременный вклад в историческую литературу, предназначенную для массового читателя — бойца Красной Армии.

Б. Лукин

ЭРКОЛИ М. Италия в войне против гитлеровской Германии. М. Госполитиздат. 1944. 32 стр. 50 к. (то же на итальянском языке. М. 1944).

Небольшая по объёму брошюра М. Эрколи хотя и охватывает лишь последний период в развитии итальянского фашизма — период его агонии и краха, — но даёт очень многое для понимания всей его истории.

Данный М. Эрколи анализ фашизма резко отличается от других попыток этого рода теоретической глубиной.

Анализ внешней политики фашизма приводит автора к правильному выводу, что

эта политика с первых актов её шла вразрез с интересами итальянского народа. «Именно в этом,— заключает автор,— истинная причина нынешней катастрофы Италии» (стр. 7).

Измена фашистских заправил традиционной дружбе Италии с Англией и Россией, переход их на службу гитлеровской Германии — всё это привело к тяжёлым последствиям для Италии. Военный, экономический и политический кризис фашистского режима был налицо уже в 1941 г., а ничем не оправданное вероломное нападение Муссолини на СССР лишь обострило его. Позорный конец походов итальянской армии в Африку, на Балканы и в особенности в СССР, походов, приведших к бессмысленному уничтожению сотен тысяч людей и огромных ценностей, оттолкнул от шайки Муссолини даже реакционные правящие круги Италии. Разорение страны, расхищение её национального богатства, превращение Италии в аграрно-сырьевой придаток гитлеровской Германии и, наконец, потеря всех итальянских колоний — таков был экономический итог 20-летнего хозяйничания Муссолини и К^о.

Шаг за шагом прослеживает М. Эрколи все этапы позорного краха фашизма, внимательно отмечая проявления растущей к нему оппозиции.

Великолепное движение трёхсот тысяч рабочих военных заводов Милана и Турина (старые боевые когорты итальянского рабочего движения) в марте 1943 г. и отход от правительства Муссолини в начале того же, 1943 г. графа Вольпи-де-Мизурата, короля итальянских плутократов, многие годы содержавшего фашистов,— эти два события, каждое по-своему, означали агонию фашизма. Яркими красками описывает М. Эрколи разложение фашистской верхушки и события 24 июля, низвергнувшие пресловутого «вождя королей».

Задолго до падения фашизма итальянский народ начал борьбу за своё освобождение. Автор рассказывает о перестройке антифашистского движения в процессе войны, об укреплении организаций и развитии деятельности компартии, даёт чёткую характеристику других пяти партий антифашистского блока. Много места уделяет он процессу собирания сил демократии в первый период премьерства Бадольо, когда, против желания

верхов и преодолевая их ожесточённое противодействие, демократические силы повели упорную борьбу с гитлеровцами. Автор подчёркивает, что при развёртывании более смелых военных действий в момент немецкой оккупации (12 сентября 1943 г.) из рук немцев могла бы быть вырвана значительно большая часть полуострова (стр. 23), но, к сожалению, боевые действия партизанских отрядов с особой силой развернулись лишь со второй половины ноября 1943 года.

Последняя глава книги посвящена обстоятельной характеристике задачи демократизации страны и перспектив возрождения Италии. Видное место в ней автор отводит исторической «Декларации об Италии», принятой Московской конференцией, и намеченным ею путям возрождения многострадальной страны.

Главнейшая задача итальянского народа — всемерно развернуть борьбу против гитлеризма, против гитлеровской Германии. Итальянский народ смог освободиться от фашистской тирании лишь в результате борьбы против фашизма, начатой и победоносно проводимой СССР и его славными союзниками.

В конце марта 1944 г. СССР взял на себя инициативу создания единства демократических и антифашистских сил в Италии, без которого успешная война против общего врага невозможна. Великие союзные державы — Великобритания и США — поддерживают эту инициативу (заявление А. Я. Вышинского на пресс-конференции 16 апреля 1944 г.). Одновременно 1 апреля лидер коммунистической партии Италии М. Эрколи от имени партии обратился к другим антифашистским партиям с предложением создать правительство, пользующееся доверием всех партий. 15 апреля джунта приняла решение о вступлении в правительство.

21 апреля 1944 г. было сформировано новое правительство Италии с участием представителей всех шести антифашистских партий.

Освобождение Италии от гитлеровской банды идёт успешно. Итальянский народ всё более активно вносит свой вклад в общее дело уничтожения гитлеризма в кратчайший срок.

Проф. В. Дитякин

ХРОНИКА

Работа ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1944 году (Ташкент)

В 1944 г. перед ленинградским отделением Института истории (ЛОИИ), находящимся в Ташкенте, стоят большие задачи.

В течение 1944 г. должен быть составлен I том истории Петербурга — Ленинграда, включающий историю нашего славного города в XVIII в. (всё издание предполагается издать в трёх томах). В работе по созданию истории Ленинграда принимают участие академики Б. Д. Греков и Е. В. Тарле и старшие научные сотрудники ЛОИИ: Е. И. Бочкарёва, С. Н. Валк, В. Г. Гейман, И. И. Любименко, А. В. Предтеченский, Р. М. Тонкова и др.

В 1944 г. кандидат исторических наук В. Г. Гейман и доктор исторических наук Б. А. Романов готовят к печати III том замечательного памятника древней Руси — «Русской Правды». Статью к этому изданию — «Историография «Русской Правды» — пишет проф. С. Н. Валк.

Выполнением двух больших исследований занят кандидат исторических наук И. И. Смирнов. В 1944 г. он заканчивает работу, посвящённую политической истории Московского государства первой половины XVI века. Во второй половине текущего года И. И. Смирнов будет работать над темой «История местного управления в России в период феодальной раздробленности (XIV—XVI вв.)».

Доктор исторических наук И. И. Любименко в 1944 г. закончит работу под названием «Русско-английские отношения в XVII веке».

Из других заданий по истории народов Советского Союза, стоящих в плане ЛОИИ, надо отметить работу кандидата исторических наук Е. И. Бочкарёвой над темой «Аграрная политика правительства накануне первой русской революции», исследование старшего научного сотрудника Ш. М. Левина в области общественных и культурных течений в России второй половины XIX и начала XX в., близкое к окончанию разыскание старшего научного сотрудника К. Н. Сербиной по истории монастырского посада в России XVII столетия.

Всеобщая история в производственном плане ЛОИИ отражена темами акад. Е. В. Тарле и научных сотрудников — проф. О. Л. Вайнштейна и А. И. Молока. Акад. Тарле пишет работы: «Русская дипломатия и образование Германской империи (1856—1878)»

и «Внешняя политика России в царствование Екатерины II». Проф. О. Л. Вайнштейн работает над темой «История Тридцатилетней войны», а проф. А. И. Молок занят разработкой вопросов по истории Италии и Франции в XIX веке.

В области внеевропейской истории надо указать на исследование проф. И. П. Петрушевского по истории Ирана XV—XVI столетий — «Шах Исмаил I Сефевид и его время»¹.

Славяноведение в плане ЛОИИ представлено темами акад. Н. С. Державина «Национально-освободительное движение в балканских странах в XIX в.» и кандидата исторических наук Л. В. Разумовской «В. И. Ленин по вопросу о независимости Польши» и «Летопись борьбы славянства с гитлеризмом».

В план ЛОИИ по разделу «История Византии» введена коллективная тема — «Собрание свидетельств византийских писателей о нашей стране и её народах в V и VI вв.», в разработке которой принимают участие доктор исторических наук М. В. Левченко, кандидат исторических наук Н. С. Лебедев, Е. Э. Липшиц, Е. Э. Гранстрем.

Помимо этого проф. М. В. Левченко, Е. Э. Липшиц и Н. С. Лебедев заняты работой над монографиями: М. В. Левченко — по истории Византии XIV в., Е. Э. Липшиц — по истории византийской культуры IX в., Н. С. Лебедев — темой «Византия и монголы».

Таковы плановые обязательства ленинградского отделения. Выполнение их связано с известного рода трудностями. Эти трудности заключаются в том, что сотрудники ЛОИИ находятся в различных городах СССР (Москва, Ленинград, Ташкент, Пенза), вследствие чего руководство и наблюдение за производящейся работой чрезвычайно затруднены. Неблагоприятно влияют на работу также бедность книжных собраний периферийных библиотек и консервация различных и ленинградских книжных фондов.

¹ И. П. Петрушевский предполагает в своей работе использовать не бывший в научном обороте персидский источник по истории Сефевидов — «Раузет ас-Сефевийе» («Сефевидский сад») Джунабади, единственная рукопись которого имеется в Ташкенте.

Тем не менее работы по выполнению плановых тем и исследований, как коллективных, так и индивидуальных (монографий), ЛОИИ производятся. В процессе их выполнения намечен и отчасти проведён ряд научных докладов сотрудниками ЛОИИ по их темам. Из таких докладов упомянем следующие: И. Смирнов «К вопросу о суде над Максимом Греком», В. Гейман «Русский

флот в Киевской Руси», Ш. Левин «Русская общественная мысль между двумя революциями (1907—1917)», И. Любименко «Англо-русские отношения во время Сезерной войны», Б. Романов «О книге А. И. Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.» и др.

Н. Лебедев

В Институте истории АН СССР

Научно-исследовательская работа в Институте истории АН СССР в дни Великой отечественной войны не прерывалась ни на одну минуту. Наоборот, она приняла более законченные формы и отточенность. Это нашло отражение в образовании научных групп по изучению истории Византии, Англии, прибалтийских стран, истории крестьянства, истории эпохи Петра I. За короткий период своего существования эти группы провели серию научных заседаний с докладами и сообщениями, на которых развернулись оживлённые дискуссии. В этих группах вокруг работников старшего поколения объединилась научная молодёжь, докторанты и аспиранты; в работе групп принимают участие и работники периферии.

Группа по изучению эпохи Петра I подготовила к печати сборник, посвящённый петровскому времени. В этом сборнике будут помещены статьи доктора исторических наук А. Андреева «Пётр I в Англии в 1698 г.», кандидата исторических наук Н. Баклановой «Расходная книга великого посольства», Т. Крыловой «Полтавская победа и русская дипломатия», проф. В. Геймана «Мануфактурная промышленность Петербурга при Петре I» и др.

Группа проводит работу по продолжению издания «Писем и бумаг Петра I»; в настоящее время она заканчивает подготовку к печати 2-го выпуска VII тома, который охватывает деятельность Петра I за вторую половину 1708 года.

Группа по истории Византии, руководимая чл.-корр. АН СССР Е. Косминским, выступила с докладами на сессии отделения истории и философии. Е. Косминский прочитал доклад «Византия и Запад», проф. Н. Пигулевская — «Византия и Восток», кандидат исторических наук Б. Горянов — «Русское византиноведение», проф. М. Тихомиров — «Византия и Московская Русь». Помимо участников группы на этой сессии выступил с докладом на тему «Византия и славяне» чл.-корр. АН СССР В. Пичета.

Группа по изучению истории Англии проводит большую работу по подготовке сборника, посвящённого трёхсотлетию английской революции. Сборник будет состоять из разделов: «Место английской революции во всемирной истории и задачи её изучения», «Английский абсолютизм и его круше-

ние в 40-х годах XVIII в.», «Борьба за демократию в Англии в 40-х годах XVII в.» и др. В сборнике будут помещены статьи чл.-корр. АН СССР Е. Косминского «Всемирноисторическое значение английской революции», проф. В. Лавровского «Английская революция (историографический очерк)», проф. В. Семёнова «Долгий парламент 1840—1849 гг.» и «Кромвель как полководец и политик», проф. С. Архангельского «Различные группы английского крестьянства и их участие в революции», проф. Е. Васютинского «Аграрные отношения в Шотландии», проф. Б. Поршнева «Отклики на английскую революцию во Франции» и др.

Большую научно-исследовательскую и научно-популяризаторскую работу проводит организованный в начале этого года сектор военной истории. Помимо подготовки сборников по военной истории и истории русского военного флота сектор провёл цикл заседаний с участием военных историков и работников академий Красной Армии. Эти заседания были посвящены обсуждению докладов генерал-майора Замятина «Годовщина Сталинградской операции», проф. Афанасьева «Взятие Берлина русскими войсками в 1760 г.», проф. Дахшлегера «О дисциплине кадет и авторитете офицера», кандидата исторических наук С. Марголина «Организация и вооружение стрелцкого войска», доктора исторических наук В. Бонч-Бруевича «Генерал М. И. Драгомиров», М. Эфенбаха «Борьба за Перемышль в 1914—1916 гг.».

Эти доклады, особенно о дисциплине кадет, об организации стрелцкого войска и генерале Драгомирове, вызвали оживлённый обмен мнениями, в которых приняли участие генерал-лейтенант Сухомлин, генерал-майор Баланцев, полковники Красовский, Владимирова, Мещяряков, Снежков, подполковник Чернов и др.

Учёный совет Института большое внимание уделил обсуждению научных докладов и проблем, имеющих первостепенное значение. На Учёном совете акад. Б. Греков зачитал доклад «Ленин и историческая наука». Доклад вызвал большой интерес у собравшихся. По докладу выступили чл.-корр. АН СССР А. Панкратова, Я. Зутис, проф. М. Нечкина. Выступавшие еди-

восторженно отметили большое удовлетворение докладом.

В связи с исполнившимся в апреле пятидесятилетием работы Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» на Учёном совете был заслушан доклад проф. Б. Волна. По докладу выступали чл.-корр. АН СССР А. Панкратова, чл.-корр. АН СССР А. Яковлев, кандидат исторических наук Р. Караколов.

Институт подготовил к печати сборник «История русского военного искусства», который явился предметом большой научной дискуссии на Учёном совете. Все выступавшие отметили большое значение этого сборника, его с пользой прочтёт и специалист-историк и рядовой читатель. Но вместе с тем участники дискуссии отметили и ряд серьёзных недостатков сборника. В обсуждении приняли участие чл.-корр. АН СССР В. Пичета, полковник Снежков, про-

фессор М. Нечкина и чл.-корр. АН СССР С. Бахрушин.

За время войны не прекращалась работа сотрудников Института над повышением своей квалификации. За последнее время кандидатские диссертации защитили научные сотрудники Института Л. Цейтлин на тему «К. А. Тимирязев» и К. Татаринова «Исторические и политические взгляды Маколея». С большим успехом защитил диссертацию старший научный сотрудник Института истории АН СССР Н. М. Дружинин «Государственные крестьяне и реформы Киселёва». Учёный совет единогласно присудил за этот труд Н. М. Дружинину степень доктора исторических наук. Официальные оппоненты акад. Б. Греков, чл.-корр. АН СССР Л. Ляшенко и чл.-корр. АН СССР В. Пичета дали высокую оценку труду Н. М. Дружинина. Институт истории предполагает издать в ближайшее время монографию Н. Дружинина.

Л. Иванов

В секции истории государства и права Института права АН СССР

Секция истории государства и права Института права Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны широко развернула свою работу. В связи с временной эвакуацией Института в Ташкент секция приняла участие в разработке истории права братской Узбекской ССР, обратив особое внимание на помощь научным кадрам из местных учёных. Особое место в работах секции занимала также разработка истории политических учений в СССР.

По этому разделу секция заслушала, помимо общего доклада руководителя секции д-ра юридических наук проф. Б. И. Сыромятникова, также его доклады на темы: «Иван Грозный — государственный деятель и политический мыслитель», «Политическая доктрина «Правды воли монаршей» Феодора Прокоповича», «Политические воззрения Н. М. Карамзина». Доцент М. А. Гуковский прочёл доклад о А. Д. Градовском как государствовед и историке права, а проф. А. М. Лодыженский — о «Политических думках» Ю. Крижанича. Проф. С. Ф. Кечекьян выступил на заседании секции с разработанной им программой по курсу истории политических учений, который он читает на юридическом факультете Московского государственного университета.

Секция разработала план издания памятников по истории политических учений с комментариями.

По истории государства и права СССР был заслушан доклад проф. Б. И. Сыромятникова «Происхождение русского государства».

Из других докладов по этому циклу отметим доклады чл.-корр. АН СССР С. Б. Ве-

селовского «Заклад-запродажа недвижимости по русско-литовскому праву XIV—XVI вв.», чл.-корр. АН СССР В. И. Пичеты «Правовое положение Великого княжества литовского в составе Речи Посполитой», проф. И. И. Полосина «Споры об опричнице на польских сеймах XVI в.», кандидата юридических наук С. А. Ронина «К истории создания первой советской конституции», проф. В. И. Дурденовского «К истории советских наркоматов», проф. А. М. Лодыженского «Разложение родового строя, зарождение классов, государства и права у горцев Северного Кавказа», Н. А. Воскресенского «Законодательство Петра Великого о крестьянах», проф. П. П. Смирнова «Образование городского сословия в Московском государстве» и др.

Секция уделила много внимания разработке материалов по истории права Узбекистана. Группа научных работников специально обрабатывала материалы 22-томного отчёта о ревизии сенатора Палена. В результате этой работы на секцию были вынесены доклады проф. Сыромятникова «К истории народного суда Узбекистана», д-ра исторических наук Семёнова «Очерк устройства центрального управления Бухарского ханства», Сарымсаковой «Царское законодательство и административное регулирование положения узбеков (1865—1910)», Ремизовой «Образование Туркестанской автономной республики», проф. Полосина «Юридический быт среднеазиатских народов», д-ра юридических наук Левина «Феодальное государство Востока», кандидата юридических наук Каревой «Опыт кодификации начал шариата», доц. Ишманова «Органы власти русского царизма в Бухаре», д-ра юридиче-

ских наук Дурманова «Народные суды Узбекистана в эпоху царизма», Бакирова «О судах казиев» и др.

Секция подготовила к печати ряд больших работ. Проф. Б. И. Сыромятников закончил I том комментариев к памятникам русского права (общий объём — 60 печ. листов). Им подготовлена к печати монография «Военная реформа Петра Великого».

Проф. С. А. Покровский подготовил работу «Абсолютная монархия в России».

Старший научный сотрудник Института Н. А. Воскресенский подготовил к печати три тома «Законодательных актов Петра Великого», в которых подаёт материал петровского законодательства в окружении черновых заметок, заданий, отдельных редакций указов, в результате чего раскрываются лаборатория и характер правотворчества петровского времени и окончательно рушится легенда о механическом заимствовании Петром материалов из иностранного законодательства. Н. А. Воскресенский заканчивает работу над докторской диссертацией «Пётр I как законодатель».

На заседаниях секции был также заслушан ряд сообщений о трактовке вопросов истории права в ряде новейших исторических исследований. В частности в октябре 1943 г. проф. Покровский сделал доклад о книге проф. А. И. Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.» (т. I. 1943).

В плане работ секции на 1944 г. ряд докладов по истории русских политических учений (о Татищеве, Десницком, Чичерине, Ковалевском и др.). Секция работает над монографиями (Б. И. Сыромятников «Регулярное» государство Петра I и его идеология», т. II, и С. А. Покровский «Происхождение крепостного права в России»); кроме того готовятся к печати сборник памятников права славянских народов, а также первый выпуск памятников по истории политических учений (XVI в.) и публикация неизданных политических записок Сперанского.

Проф. С. Покровский

О работе кафедры истории Сухумского государственного педагогического института имени Л. П. Берия в период Отечественной войны

В Сухумском государственном педагогическом институте имени Л. П. Берия работают две кафедры исторических дисциплин: кафедра истории СССР и кафедра всеобщей истории.

С первых же дней войны кафедрами были выработаны практические мероприятия, направленные к выполнению задач, поставленных Великой отечественной войной. В лекциях и на семинарах по истории СССР и всеобщей истории особенное внимание уделяется темам, освещающим борьбу русского народа против немецких захватчиков. Большой интерес проявляют студенты к специальному курсу по истории военного прошлого русского народа. Отдельным курсом выделена история Грузии (лектор—профессор В. Дондуа), при изучении которой значительное внимание уделено развитию исторической дружбы русского и грузинского народов.

За время войны удалось выпустить два номера студенческого рукописного журнала «Молодой историк», в котором помещены лучшие доклады студентов.

Неплохо ведётся научно-исследовательская работа членами кафедр. Старший преподаватель Г. А. Дзидзария закончил мо-

нографию по истории гражданской войны в Абхазии и подготовил кандидатскую диссертацию на тему «1918 год в Абхазии». Им же напечатана во II томе трудов Сухумского государственного педагогического института (1944) статья «Аграрная политика меньшевиков в Абхазии».

Доцент Антелава за время войны напечатал две статьи: «К вопросу об участии грузин в Отечественной войне 1812 года» (Труды Института. Т. I) и «Отношение грузин к войнам русского народа в XV—XVIII вв.» (Труды Института. Т. II). Кроме того им обследован и подготовлен к печати большой рукописный материал о братьях Багратионах, обнаруженный в Центральном историческом архиве Грузинской ССР летом 1943 года.

Старший преподаватель Ш. Абрамидзе закончил кандидатскую диссертацию об анабаптистах. Старший преподаватель Ш. И. Басилая, сдавший кандидатский минимум, пишет кандидатскую диссертацию об отношении русского царизма к Парижской коммуне 1871 года. Силами кафедр проводится чтение научно-популярных лекций в городах и районах Абхазии.

И. Антелава

К вопросу об изучении истории права славянских народов

Героическая борьба славянских народов против немецко-фашистских оккупантов не могла не вызвать живой интерес не только к современному их положению в борьбе за

свою национальную и государственную независимость, но и к историческим судьбам этих народов, преисполненным высокого драматизма.

Поэтому нельзя не приветствовать почин Академии наук СССР, которая выдвинула задачу всестороннего изучения славянства в его прошлом и настоящем. Именно так поставила эту задачу специальная Комиссия по изучению славянских народов Академии наук СССР. Комиссия эта, по мысли академика Н. Державина, должна послужить базой для последующей организации специальной Академии славяноведения.

Комиссия провела в указанном направлении ряд мероприятий, а также выделила особую подкомиссию по разработке истории государства и права славянских народов. Первоочередным пунктом программы своей деятельности подкомиссия наметила публикацию основных памятников права славянства. На первом общем заседании подкомиссии были заслушаны сообщения Г. Михайлова и Б. Сыромятникова, ознакомивших членов совещания с работой, начатой в указанном направлении сектором истории государства и права Института права АН СССР, и, в частности, с планом издания памятников права западных и южных славян, разработанным проф. В. Краснокутским и принятым сектором.

При этом проф. Сыромятников в своём докладе подчеркнул актуальность и необходимость скорейшего научного, академического издания правовых памятников славянства. По плану, выработанному сектором, каждый том памятников должен включать в себя общее введение, исторические введения к каждому отдельному памятнику, тексты памятников в подлиннике и научном переводе и сопровождаться специальным комментарием историко-правового характера. Сверх того к каждому тому должны быть приложены терминологический словарь, предметный и именной указатели и библиография.

На заседании Б. Сыромятникову было поручено представить окончательный план академического издания памятников, а Г. Михайлову — план хрестоматии с подбором важнейших памятников (в переводе). Было признано также целесообразным выпустить сборник статей по истории славянского права с привлечением к составлению его специалистов.

На следующем заседании подкомиссии был заслушан окончательный проект академического издания памятников в виде двух основных серий памятников по истории права за-

падных и южных славян и с перечнем их. Издание должно состоять из двенадцати томов, причём в первую очередь намечено издание памятников права южных славян. Составление первого тома, охватывающего правовые памятники южных славян, поручено проф. Краснокутскому, общая редакция публикации — проф. Сыромятникову.

Научное исследование истории славянского права, несомненно, настоятельно требует в первую очередь издания памятников права славянских народов. Публикация таких памятников, как Полицкий и Вислицкий статуты, «Liber statutorum» Рагузы, «Законника Чёрной горы», Виндольского закона, «Законника» Стефана Душана и других, представляет большой научный интерес и значение не только для изучения истории отдельных славянских народов, но и для освещения ряда вопросов в истории права и государства восточнорусских славян. Хотя историческое изучение славянского права имеет первостепенное научное значение, однако в этой области у нас до сих пор сделано очень мало. Имеющиеся же работы буржуазных историков права давно устарели, а главное — не удовлетворяют требованиям марксистской науки. Мы не говорим уже о тех ошибках, которые допускали в своих работах такие исследователи, как Ф. Леонтович, или учёные славянофильского направления. Всё это требует коренного пересмотра, новой постановки и новой разработки.

В связи с большим объёмом работ по научному переводу и комментированию памятников для подготовки к изданию первого тома подкомиссией определён годичный срок.

Учитывая огромную нужду в пособиях по истории славянского права, необходимо в ближайшее время издать хрестоматию, включающую основные памятники, с минимумом необходимых комментариев.

Таково новое начинание Академии наук СССР, совпавшее с аналогичным начинанием сектора истории права Института права. Самое это совпадение двух инициатив, возникших в одно и то же время, убедительно говорит о своевременности постановки данной проблемы и о необходимости скорейшей её реализации.

Проф. Б. Сыромятников

С. Г. ДУБРОВСКИЙ

5 июля 1944 г. в борьбе против немецко-фашистских захватчиков пал смертью храбрых верный сын большевистской партии, партийно-политический и научный работник полковник С. Г. Дубровский.

Ещё юношей тов. Дубровский вступил на путь борьбы. В предоктябрьские дни 1917 г. он—в рядах партии большевиков. В 1918 г. в родной Каховке он создал в тылу у немецких оккупантов подпольную комсомольскую организацию. В 1919 г. тов. Дубровский принимал участие в подготовке восстания против белых и в организации партизанских отрядов. Вскоре он становится руководителем каховского партийного комитета и секретарём местного революционного комитета. В разгар гражданской войны на Украине он вступил в ряды Красной Армии и прошёл путь от рядового красноармейца до помощника военкома полка, а затем и бригады. После учёбы в Военно-политической академии в 1923—1927 гг. тов. Дубровский снова на политработе: сначала заместитель начальника политотдела Московской пролетарской дивизии, а затем заместитель начальника военно-политических курсов Московского Военного округа. Все эти годы он преподаёт марксизм-ленинизм в военно-учебных заведениях. В дни Великой отечественной войны тов. Дубровский снова на фронте, снова в строю, снова ведёт политработу среди бойцов и командиров Красной Армии. Политработе в РККА он отдал 25 лет—большую часть своей жизни. На ответственном посту политработника он и погиб.

В лице С. Г. Дубровского мы потеряли

не только партийно-политического работника Красной Армии, но и историка гражданской и Великой отечественной войны. И на научном поприще С. Г. Дубровский был прежде всего большевиком. Это сказалось в выборе им для своих исследований малоизученных, сложных и актуальных вопросов и в большевистской страстности, которую он вкладывал в свою научную работу. Большевистская стойкость и непримиримость, требовательность к себе, исключительная скромность, высокая идейность и принципиальность—отличительные черты С. Г. Дубровского. Это был прекрасный товарищ, сердечный и отзывчивый, всегда готовый помочь окружающим. Он одинаково хорошо умел подойти и к рядовому бойцу Красной Армии и к высококвалифицированному научному работнику.

Короткая, но прекрасная жизнь и героическая смерть С. Г. Дубровского являются для нас примером и зовут к беззаветной и бесстрашной борьбе за счастье народа, за дело Ленина—Сталина!

А. Панкратова (член-корресп. АН СССР), И. Минц (чл.-корр. АН СССР), А. Сидоров (д-р исторических наук), И. Разгон (д-р исторических наук), Д. Баевский, Е. Рубинштейн, З. Эггерт, акад. Б. Греков, Л. Иванов, П. Шарова, Герой Советского Союза ген.-майор Кучерявенко, гвардии полковник Гетманов.

CONTENTS:

ARTICLES: Khachapuridze G., Act. Member of the Academy of Sciences of the Georgian S. S. R.—The Georgian people in the Battle of the Caucasus. Martynov M.—The Urals Mining Industry at the time of Peter the Great. Kafenhau s B.—Historiographical problems of the epoch of Peter the Great. Kandel E. and Price I.—The founders of Marxism and the Russian revolutionary democrats on a democratic Poland. Manfred A.—Jean Jaurès (on the occasion of the Thirtieth Anniversary of his death, 1914—1944). Semyonov V., prof. Moscow State Pedagogical Inst.—Cromwell's military career 1641—1657. **ANNOUNCEMENTS AND PUBLICATIONS:** Voronin N., prof.—“The Lay of Shchelkan” and the Tver uprising of 1327. Smirin M.—Ancient Prussian historiography in the hire of the German aggressors. **CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY. CRITICAL ARTICLES AND REVIEWS. CURRENT EVENTS.**

SOMMAIRE:

ARTICLES: Khatchapouridzé G., membre titulaire de l'Académie des Sciences de la R. S. S. de Géorgie — Le peuple géorgien dans la bataille pour le Caucase. Martynov M. — L'industrie métallurgique de l'Oural à l'époque de Pierre le Grand. Kafenhau s B. — Problèmes d'historiographie de l'époque de Pierre le Grand. Candel E. et Preis I. — Ce qu'ont dit les fondateurs du marxisme et les démocrates révolutionnaires russes sur la Pologne démocratique. Manfred A. — Jean Jaurès (à l'occasion du trentième anniversaire de sa mort, 1914—1944). Semionov V., professeur à l'Institut pédagogique de Moscou — L'activité militaire de Cromwell (1641—1651). **COMMUNICATIONS ET PUBLICATIONS:** Voronine N., prof. — „Le chant de Sche'kane” et l'insurrection de Tver en 1327. Smirine M. — L'ancienne historiographie de la Prusse au service des agresseurs allemands. **CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. ARTICLES ET REVUES CRITIQUES. CHRONIQUE.**

INHALT:

ARTIKEL: Chatschapuridse G., Ordentliches Mitglied der Akademie der Wissenschaften der Georgischen SSR — Das georgische Volk im Kampf um den Kaukasus. Martynow M. — Die Bergwerksindustrie im Ural zur Zeit Peters des Grossen. Kafenhau s B. — Zur Historiographie der Epoche Peters des Grossen. Kandel E. und Preis I. — Die Begründer des Marxismus und russische revolutionäre Demokraten im demokratischen Polen. Manfred A. — Jean Jaurès (Zum dreissigsten Jahrestag seiner Ermordung, 1914—1944). Semenov W. — Professor am Moskauer Staatlichen Pädagogischen Institut — Cromwell als Heerführer (1641—1651). **NACHRICHTEN UND BEKANNTMACHUNGEN:** Woronin N., Prof. — „Das Lied von Schtschelkan” und der Aufstand in Twer im Jahre 1327. Smirin M. — Die altpreußische Geschichtschreibung im Dienst der deutschen Aggressoren. **KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE. KRITISCHE ARTIKEL UND ÜBERSICHTEN. CHRONIK.**